

Рам Дасс.

Зерно на мельницу.

Оглавление

Заметки соавтора	1
Путь	2
Получение Передачи.	4
Правила игры.....	5
Эволюционный цикл.	8
Уровни реальности.....	14
Мелодрама.....	17
Линия.	24
Направляемая медитация.	27
Вопросы и ответы.	29
Как вы толкуете сны?	31
Умирание — удобный случай для пробуждения.....	43
Освобождение ума.....	48
Ничего особенного.....	53
Кармическое свершение.....	54
Бог и запредельное.	57
Методы и то, что за ними.	60

Дхарма не принадлежит никому. Учения о Дхарме исходят сегодня от одного, завтра — от другого. То, что содержится в этой книге, определено исходит не от меня. Это часть реки, которая течет через меня от Гуру, учителей, родителей, прошлых воплощений и жизненного опыта. Когда я читал эту рукопись, я чувствовал в обороте фразы или в каком-то образе сокровенное присутствие моего Гуру и того или иного из моих учителей. Их весьма реальный вклад в эту книгу признается с теплотой и благодарностью. Пусть книга эта послужит выражением благодарности за их науку. Я благодарен также своему соавтору Стефану Левину, чье чуткое поэтическое сотрудничество позволило высказать именно те слова, которые я слышал, но не умел выразить.

Нью-Йорк Сити 1976 г.

Заметки соавтора.

Пространство, из которого исходят это понимание, не имеет ни тела ни уст, говорить оно не может. Откровения эти, чтобы быть сообщенными, должны были перейти бурную реку накоплений личности, окультуривания, толкования, осмысления и предпочтений, не потеряться в языковых ограничениях. Они предлагаются как приблизительная передача опыта узнавать вещи — как они есть на самом деле. Первоначально учения эти передавались через прямое, харизматическое, воздушное посредство устной традиции, прежде чем их вновь передали и обосновали при могучем земном посредстве знака, записанного слова, книги. Прежде передача от формы к форме продолжалась без неловкого присутствия издателя, а истекала из того опыта, который и породил эти учения. Такая же непрерывность была милостью, явленной нам от полноты каждого момента как он проявлялся, — в рождении этой книги. Соавторство происходило на плане, где сотрудничающие не были разделены, так что это не слишком препятствовало нам и не рассеивало естественной интенсивности света. Поскольку здесь устная традиция передавалась записанным словом, мы решили не выделять особо терминов санскритского происхождения, как, например: садхана — духовная практика; Карма — действия жизни, которые порождают дальнейшее развитие; самадхи — состояния глубокой сосредоточенности; Гуру — учитель, учение, — потому что эти понятия не должны быть чем-то отличным или «иным», но должны войти в плоть и кровь

языка. Точно так же понятие «дхарма» — как естественный кармический долг, соответствующая деятельность для этого воплощения, не дается с большой буквы, так как в ней нет ничего «специального», тогда как Ахарма — истина, Естественный Закон, Дао, Божья воля — дается с большой буквы, чтобы показать ее неумолимость.

Сотканые из лекций, встреч, статей и бесед 1974-1976 годов в Филадельфии, Вашингтоне, Линкольне, Сиэтле, Лос-Анджелесе, Бостоне, Портленде, Сан-Франциско, Санта-Крузе, Кайме Сити и Аспене, слова эти предлагают как дар Ахармы, которая всегда и вовек для любого из нас присутствует в каждом из нас.

Да воссияет Она!

*Стефал Левин
Солям Круз, 1978 г.*

В Индии, при встрече или расставании, мы часто говорим друг другу: «Намасте», что означает — я чту то место в Вас, где пребывает весь мир — место любви, света, истины, мира, в котором Вы и я — Одно.

Намасте

Путь.

Добро пожаловать на вечерок на грудь Божьей Матери. Так приятно делить этот путь. Мы давно на нем. Мы прошли много этапов. И на всяком пути кто-то отставал, с них на этот цикл было довольно, другие ожидали нас, чтобы мы могли их догнать. Путь проходит через семь долин, семь царств, чакр, планов сознания, степеней веры. Мы часто узнаем, что были в таком-то месте, лишь когда прошли его, потому что когда мы в нем, у нас нет перспективы, чтобы знать, — ведь мы только люди. Но с продвижением по пути нужно знать все меньше и меньше. Когда вера уже крепка, то достаточно — просто быть. Это путь к простоте, спокойствию, к той радости, которая не от времени. Это путь за время, оставляющий за собой всякую модель, которая была у нас относительно того, кем мы себя считали. Сюда входит преображение нашего существа, так что наш мыслящий ум становится скорее нашим слугой, чем хозяином. Это путь, который уводит нас от первоначального отождествления с телом, через отождествление с нашей психикой, — к отождествлению с нашей душой, затем — к отождествлению с Богом и, наконец, выходу за отождествление.

Поскольку многие из нас проходили этот путь без карт, думая, что он — единственный, вследствие того особым способом которым мы шли, то случается изрядная неразбериха. Воображаешь, что достиг конца, тогда как это был только первый перевал, скрывающий более высокие горы в отдалении. Многие из нас были очарованы, потому что эти переживания на Пути были столь интенсивны, что за ними мы уже ничего не могли себе представить. Разве это не удивительный путь, если на каждом этапе невозможно представить себе следующего! Всякий пункт, до которого доходишь, настолько выше всего, что было до сих пор, что восприятие переполнено, и не видишь ничего, кроме самого этого переживания.

На нескольких первых этапах действительно думаешь, что та запланировал путь, заготовил провизию, сам вышел и сам хозяин своей тропы. И лишь после нескольких спусков и восхождений начинаешь понимать, что есть безмолвные проводники, а то, что казалось случайным и хаотичным, на самом деле отличается стройной системой. Очень трудно человеку, который всецело привязан к своему интеллекту и отождествлен с ним, вообразить, что мир мог быть задуман столь совершенно, что всякий опыт и всякое действие пребывают в законосообразной гармонии мира. Включая все парадоксы. Утверждение: «И лист не упадет без Воли Божьей» — слишком замечательно, чтобы его просто придумать. И в конечном счете мы начинаем признавать, что путь, быть может, простирается дальше, чем мы думаем.

Мы вышли из системы философского материализма, в которой мы всецело отождествлены с телом и материальным планом существования, и когда умираешь — то умираешь, так что куй железо, пока горячо. И больше — лучше, а сейчас — лучшее время, потому что неизвестно, когда упадет занавес и все это кончится. И лучше не думать об этом занавесе, так как он слишком страшен. Где-то на пути начинаешь подозревать, что это — только модель, — всего лишь еще одна модель! И что эта жизнь — лишь еще одна часть долгого-долгого пути. В учениях буддизма есть одно очень точное сравнение. Это образ большой гранитной горы по шесть миль в длину, ширину и высоту. Раз в сто лет к горе прилетает птица с шелковым шарфом в клюве и обвивает

этим шарфом гору. Цикл за циклом. То почти бесконечное время, которое потребуется, чтобы обернуть шелковым шарфом гору, и есть время этой нашей работы. Цикл за циклом. Это дает иную временную перспективу, не так ли? Не все циклы на этом плане, не все — в человеческой форме. Но все эти циклы суть часть пути, который имеет направление.

Рано или поздно приходит понимание, что ничто из испытанного не является этим на самом деле. Потому что ум думает о вещах, а ты и вещь — отдельны, и тут есть тонкая завеса вроде одной триллионной доли секунды, и она существует между тобой и вещью, о которой думаешь. И когда что-то чувствуешь, или накапливаешь какой-то опыт, то есть различие между опытом (переживанием) и тем, кто его переживает, испытывает его, — и это очень тонкая пелена. Неважно, насколько она тонка, — она прочна, как сталь. Она всегда отделяет вас от происходящего. Когда же наконец отчаяние достаточно глубоко, ты капитулируешь. Плачешь внутренне или внешне: «Избавьте меня от этого! Я хочу избавиться! Я покоряюсь. Я не знаю. Я сдаюсь». В момент, когда отчаяние достаточно подлинное, пелена несколько отходит. Я не говорю о желании желания уступить. Я даже не говорю о желании уступить, (даться, я говорю о том, чтобы уступить, сдаться. Проблема в том, что большинство из нас говорят: «Я не думаю, что мои мысли мне помогут, так что откроюсь-ка я теперь для новых возможностей. Прочту-ка я книжку Рам Дасса, сяду и разберусь в ней — вынесу свое суждение». Забудьте это. Поскольку суждение и сконструировало эту игру, так что оно не переменится, а заявит: «Все, что не соответствует тому, чем я это считал, я отвергну». У каждого из нас для этого есть свои категории: либо это сверхъестественно, либо «окультурно», «запредельно», — или называй как хочешь. Обычный способ куда-то это засунуть, чтобы не нарушало привычную картину. Вот в чем функция суждения — чтобы картина не нарушалась.

Когда же, — как нам предлагает Третий Патриарх, — отложишь в сторону мнения и суждения, потому что видишь, что они просто глубже закапывают тебя в твою яму, тогда-то и отказываешься от своего знания. Сейчас это поистине нелегко, ведь вся культура основана на поклонении золотому тельцу рационального ума, а иные уровни знания, — вроде того, что мы зовем интуицией, — стали в нашей культуре просто пустыми словами. Это что-то сентиментальное, это неверно, нелогично, неполитично, неясно. Нельзя сидеть в Ученом Собрании и заявить: «Интуиция мне подсказывает, что...». Вы скажете: «Исходя из индуктивного рассуждения, я строю гипотезу, что мы сумеем опровергнуть ошибочную гипотезу...». Это то же самое, но вы убеждены, что делаете это аналитично и логично. Некоторые из нас, я уверен, признают эту игру. Когда Эйнштейн заявила «К своему пониманию фундаментальных законов вселенной я пришел не рациональным умом», — многие из его коллег сочли его довольно эксцентричным, потому что рациональный ум — это верховный жрец в обществе. Поймите же, что это только одна малюсенькая система, и что есть метасистемы и, метаметасистемы, в которых можно переступить порог лишь тогда, когда выйдешь за пределы логического аналитического ума.

Помню, когда я был социологом, я занимался тем, что поддавалось изучению. То, что поддавалось изучению, не имело никакого отношения к тому, что происходило со мной, но зато оно поддавалось изучению. Пример — пьяный, который ищет свои часы под уличным фонарем. Кто-то приходит к нему на помощь, но под фонарем нет никаких часов, и тот наконец спрашивает: «Да где же вы их точно потеряли?» — А первый отвечает: «Я их потерял вон там, в той темной аллее, но тут света больше». Вот мы и пользуемся светом аналитического разума, стараясь найти то, что было потеряно в темной аллее.

Ведь давным-давно вы были очарованы своей хватательной функцией — тем фактом, что большой и указательный пальцы могут делать это, а у других — не могут. Это уже было замечательно, вы обрели столько силы. Но это было ничто по сравнению с предвидением, памятью и всем тем, что вы могли сделать при помощи коры головного мозга. И думать — это еще далеко не все. Она даже отправила людей на Луну! Разве это не дакаеднее слово? Конечно же, нет. Интересно, что людей живьем зажаривали за утверждение, что антропоморфическая точка зрения на мир — не окончательна. Все мы вновь и вновь «велись» на притятии точки зрения, что физическая вселенная — это центр всего, тогда как фактически оказывается, что физическая вселенная просто иная. И вовсе не обязательно самая интересная. Не угрожает ли это нашему это? И в тот момент, когда деть хоть немножко такого понимания, ты или выбит из своего рационального ума каким-то непонятным тебе способом, или в жизни твоей произошло какое-то травмирующее переживание, которое тебя из него вытряхнуло. Или ты просто прожил так долго, что отчаялся когда-либо добиться этого тем путем, на который полагался. Каково бы ни было происхождение этого понимания, на мгновение ощущаешь наличие возможностей иного рода в связи с тем, кто ты есть и к чему все это. Это похоже на сцену, изображенную на плафоне Сикстинской Капеллы, где руки Божья и человеческая вот-вот соприкоснутся. Как раз в тот момент, когда отчаяние больше всего, тут и приходит милость, и воспринимаешь знание, интуицию или воспоминание того, что на самом деле все совсем не так, как ты думал. Если это происходит слишком резко, ты решаешь, что сошел с ума. И находятся люди, которые охотно помогают тебе

поверить в это, и упрятать тебя в соответствующее место. Потому что еще в охотничьих племенах мистиков считали безумцами, они являлись неудобством, — ведь племя должно было быть подвижным, а людей старых и ненормальных нужно было куда-то девать. Но могут быть и другие обстоятельства. Если ты в момент видения находишься в определенном состоянии, если ты относишься к этому спокойно, или же ты с кем-то еще, кто знает, или если ты разумом знал, но не верил, — а все это дела кармические, — если у тебя была какая-то структура или опорная система, ты скажешь: «Если даже все другое думают, что я разумен, — я не безумен». Это как в то время, когда меня выкинули из Гарварда. Была пресс-конференция, и все репортеры и фотографы брали у меня интервью, так как я был первым профессором, которого впервые за очень долгий период времени выгнали из Гарварда. Все они смотрели на меня как на боксера, который только что проиграл большой бой. Вот я — хороший парень, который сделал карьеру и достиг наконеч Гарварда, а теперь явно гибну. Такое знаменитое учебное заведение гонит его с позором. У них на лицах было такое выражение, какое бывает, когда ты рядом с проигравшим. А вот я, раз в несколько дней принимающий кислоту со своим партнером Тимоти, и друзья мои идут в эти сферы все дальше и дальше — сфера за сферой, — и я смотрю на репортеров и фотографов как на «этих бедняг». И я огляделся и увидел, что все верят в данной ситуации только в одну реальность, все, кроме меня, и как психолог-клиницист я вспомнил, что это и есть определение безумия. Один во мне говорит: «Парень, ты что, рехнулся?» А другой ответил: «Иди, иди — ты прав!».

И тогда, когда обращаешься ввысь, и тогда, когда обращаешься вовнутрь, — начинается обратный путь. Путь шел от единого в невероятную безумную множественность этой высокотехничной материалистической структуры. И вот когда отчаяние достигло предела, тут и происходит поворот, и начинаешь возвращаться к Единому. И тот, кто есть ты, начинает меняться. Потому что до сих пор ты поклонялся своим индивидуальным отличиям: «Я красивее, я моложе, я находчивее», или же «я хотел бы быть», т.е. всецело занят был обретением какого-то индивидуального отличия, которое ты мог бы подчеркнуть, потому что там-то и была награда. Ты цеплял на себя серебряные цехины с золотыми украшениями, и это делало тебя особенным, а все говорили: «О, ты особенный». Но когда ты огляделся и обрел чувство иной реальности, сознания и присутствия, тогда какое-то место в тебе начинает неизбежно и безвозвратно тебя притягивать, как мотылька — пламя. Долго-долго, быть может, много жизней ты порхаешь вблизи и опаляешь себе крылышки. Так вот — опаляются ли твои крылья, очищает ли тебя огонь или испепеляет, зависит от того — кем ты себя считаешь, потому что огонь может сжечь лишь твой груз привязанностей. Огонь тебя не сжигает, — ты, воистину, и есть огонь.

Получение Передачи.

В таком собрании, как это, более чем недостаточно просто говорить об этом, мы теперь должны этим стать. Ибо та Передача, получить которую вы пришли, поистине не концептуальна. Тем, что я знаю, я поделюсь с вами, но вы должны еще и получить это, а чтобы получить то, что тут есть, вы должны признать — кто вы есть. Так что если вы пришли с уверенностью, будто все уже знаете, и с вас довольно того, что у вас есть, то хотя вы и услышите слова. Передачи вы не получите. Если бы мы с вами перенесли наше общение в гималайскую пещеру, чтобы вы потратили несколько месяцев на то, чтобы туда добраться, и вошли в пещеру после значительного очищения и сели предо мной, вы были бы готовы получить Передачу. И вот вопрос — можно ли создать то же пространство в этой форме, в том месте, где мы прямо сейчас, где эти слова так легко доступны. Ведь к тому времени, когда вы доберетесь до пещеры в Гималаях, вы признаете, что то, что вы ищете в передаче, имеет очень мало отношения ко времени и пространству, очень мало отношения к телу, к вашей личности.

Только когда дон Хуан уничтожил личную историю Карлоса Кастанеды — произошла Передача.

Когда вы сидите в аудитории, и там лектор, или вы читаете книгу, — вы подключаетесь к аппарату механизмов приема — к ушам, глазам и своему концептуальному уму. Требуется ваше желание. Желание использовать это рождение для того, чтобы стать тем, кто вы есть в действительности.

Требуется желание освободиться от тех зацепок и привязанностей, которые искажают и сужают ваше видение. Требуется, чтобы вы действительно желали узнать, — что вы тут делаете, какова ваша функция здесь, на Земле. Я вам скажу, я хочу большего, чем та реальность, которая доступна для меня через мои чувства, и мой мыслящий ум требует, чтобы вы приняли те мгновения, которые были в жизни каждого из вас, когда вы были в согласии с Дао, с гармонией вселенной, с потоком, когда вы на миг оставили свою отдельность, свое самосознание, и стали частью процесса точно так, как дерево, ручей или пшеница являются частью процесса, чтобы вы приняли эти вещи, вывели их в этот миг на передний план и представили их, чтобы они

выдвинулись и отодвинули прочие формы вашей жизни на задний план. В те редкие минуты у вас был ответ на любой вопрос, который мог возникнуть в вашем уме, и вся пища, необходимая для вашей души. Единственная разница между мной и вами — в том, что я знаю это, а вы — нет; вот вы и пришли сюда ко мне вспомнить, — кто вы. То, к чему вы стремитесь, и есть тот, кто стремится. Вокруг вас все происходит, — вы и есть то, что происходит. Так что в следующий раз, когда вы присядете в ожидании начала чего-то, вы поймете, что начинаться ничему не надо, так как вы уже и есть начало, середина и конец.

В действительности мудрость, которой я хочу с вами поделиться, не имеет ни времени, ни пространства. Она на самом деле не Восток, противопоставленный Западу, и не «теперь», противопоставленное какому-то «прежде». Это не исключительная область какой-нибудь организованной религии, это — общее для всех, кто живет в духе истины. Всякий раз, когда я иду в обход, что бывает, все реже и реже, мы встречаемся с готовностью послушать еще. Среди вас есть некоторые, кому нужен начальный толчок. Другие готовы для среднего курса — 101-й серии. И немногие из вас хотели бы семинара для продвинутых, так как вы готовы специализироваться, готовы к тому, чтобы осуществить свершение своей жизни. Тем, кто хочет курса для продвинутых: если вы, находясь вместе с нами, просто спокойно сядете и будете вдыхать и выдыхать через открытое сердце и будете очень спокойны, вы получите передачу, к которой стремитесь. Не путайтесь в словах, ибо слова, как птицы — летают от горизонта к горизонту. Для тех, у кого очень активный ум, кто хочет знать, что происходит, я приберегу слова. И вы можете разжевать их, собрать, записать и хранить, пока они не пожелтеют, можете уйти и подумать над ними, пока не будете готовы спокойно сесть, открыть сердце и успокоить ум, ибо трудность в том, что та передача, которую вы действительно жаждете получить, не такова, чтобы ее мог вполне уловить и оценить рациональный ум. Все, что может сделать рациональный ум, — это дойти до такого момента, где он оживляется и заявляет: «Так вот как это было!» Но чтобы получить то, что вы ищете, следует преодолеть знание и стать знанием. Трудность состоит именно в этом: знание можно получить лишь в него преобразившись.

Правила игры.

Простые правила этой игры — быть честным с самим собой И, где ты есть, и научиться вслушиваться, чтобы слышать — оно есть. Медитация — это способ вслушиваться все глубже и глубже, тогда слышишь из более глубинного пространства, в точности как оно есть. Чтобы слышать — как есть, следует быть открытым для, этого — открытым сердцем. Можно принять, будто свою именно так, как она есть в данный момент. Думать, что вы непременно будете ближе к Богу, изменив форму своей жизни, расставшись с кем-то или сменив работу, место жительства или еще что-нибудь... отказавшись от своего стерео, обрезав или, наоборот, отрастив волосы, сбрав бороду и т.д. — заблуждение. Не форма игры, а характер бытия осуществляет форму. Если вы юрист, просто пользуйтесь тем, что вы юрист как способом прийти к Богу. Думать, что какая-то форма жизни обязательно более духовна, чем любая другая — заблуждение. В ашрамах часто бывает самая тяжкая, нервная политическая обстановка, какую я когда-либо видел. В них может быть и прекрасная духовная атмосфера, но, по определению, только то, что ты живешь в каком-то месте, называемом ашрамом или монастырём, еще не означает, что ты ближе к Богу.

Для того, кто в своем развитии дошел до понимания, что именно это бесценное рождение является возможностью для суждения, возможностью узнать Бога, может быть, и стать Богом, вся жизнь становится средством, чтобы туда попасть: брак, семья, работа, игра, поездки — все. Вы одухотворяете свою жизнь. Когда Кришна в «Бхагавад Гите» говорит: «Делай то, что делаешь, но плоды приноси мне», — все, что делается, — делается чтобы стать озаренным, — так что, когда кто-то вас спросит: «Вы кто?», то ответ не в том, что вы юрист или домохозяйка. Ответ — я человек, идущий к Богу. Я занимаюсь юриспруденцией, чтобы получить средства к существованию, сохранить свой храм и выполнить свои обязанности для того, чтобы идти к Богу. Я живу тем-то в такой-то ситуации, потому что эта ситуация для меня оптимальна, чтобы осуществить мою карму и позволить мне идти к Богу. Это же так просто.

Вы найдете свой путь в этом воплощении; у каждого из нас иной путь. Ни один путь несколько не лучше любого другого, они просто разные. Вы должны почитать свой путь. Некоторые из вас будут чувствовать себя как бы разделенными, пока не обретут связь с другой половинкой, и тогда способны будут идти к Богу, другие же будут одинокими на своем пути к Богу. Это ни лучше, ни хуже, просто иначе. Если вы просто покончили с оценочными суждениями, вы услышите то, что вам нужно делать, не попадая в ловушки общества относительно брака или безбрачия. Подлинный брак — с Богом. Смысл того, что вы создаете сознательный брак в физическом плане с каким-то партнером, состоит в том, чтобы вместе работать — вместе идти к Богу. Это

единственный смысл брака, когда вы сознательны. Единственный смысл. Если вы вступаете в брак по экономическим причинам, по страсти, из романтической любви, для удобства, ради сексуального удовлетворения, — все это пройдет и останется страдание. Единственный брачный контракт, который действителен — тот, который был изначальным — мы вступаем в этот союз, чтобы идти к Богу вместе. Вот что такое сознательный брак. На самом деле так же и со всем, что вы делаете. Когда вы готовы, вы выворачиваете рисунок наизнанку, и то, что было рисунком, становится изнанкой, а то, что было изнанкой, становится рисунком.

Оглядываешься и видишь, что ты вовлечен в целый ряд взаимоотношений. Некоторые из них не основываются на том, чтобы разделить путь к Богу, у них иной смысл, а когда отпадает смысл, отпадают и отношения, потому что были друзья, которых вы всегда знали, и вы перерастаете своих друзей. Они идут другим путем. Это резонно. Других же, с кем вы связаны, вы не можете оставить: родителей, детей, родственников. Вы не уйдете. Это карма, данная вам в этом воплощении. Вы можете расти с иной скоростью, чем они, и они станут огнем вашего очищения. Потому что они будут давить на вас, а ваше дело — переносить это. Пока вы не станете настолько ровными и ясными, что кто-то возникнет и скажет: «Эй, Дик!» — или — «Эй, Ричард!», или как-то еще, — и я тут как тут: «Да». А не: «Я теперь Рам Дасс». Вы работаете с кармой, в пространстве которой вы рождены. Так вот, брак в этой ситуации очень специфичен, т.к. первоначально по своему происхождению брачный контракт ставит вашего партнера в те же взаимоотношения, что и родителей и детей. Он не таков, чтобы от него можно было уйти, как от друзей. Он — «пока смерть вас не разлучит», и становится той кармой, над которой вы работаете. И если даже ваш муж или жена оказались последним подонком или последней шлюхой в мире, это ваша работа! И если вы действительно желаете идти к Богу, это не имеет значения. С другой же стороны, вы могли оказаться в таком положении благодаря установкам нынешней культуры, где на браки смотрят как на особую дружбу, а то и не особую даже, люди в них вступают и выходят из них точно так же, как заводят друзей, перерастают и оставляют. Так вот, в смысле кармической ситуации, если вы женились неосознанно, — вы столкнулись с неосознанным затруднением, и останетесь ли вы со своим партнером или нет — не такое большое кармическое дело, как если бы вы вступили в эти отношения сознательно, а затем их разорвали. Это иное дело. То же с абортами. Несознательные люди, которые не ведают, что творят, делают аборт. Их карма может остаться терпимой, потому что исходит из неведения. Они не сознают, что делают. Они действуют всецело в плане вожделения, алчности, страха и т.п. Они просто заблудшие. Но если человек поднял глаза свои, и сознает свое положение, тогда ни один стиль жизни не отличается от другого. Все это зерно на мельницу. Тут уж не убивают и не бросают, чтобы сделать жизнь свою прекрасней. Это принимают как оно приходит и работают с ним.

Нет такой формы, которая была бы ближе к Богу сама по себе. Все формы — просто формы... остаться одному, а не выйти замуж или жениться — не лучше; и жениться не лучше, чем остаться одному. У каждого индивидуума своя уникальная кармическая работа; каждый поэтому должен очень внимательно прислушиваться, чтобы уловить свою дхарму, метод или путь. Для одной — это стать матерью, для другой — быть Брахма-чарья, т.е. целомудренной. Для одного — быть домохозяином, для другого — садху, странствующим монахом. Ни лучше, ни хуже. Жить иной дхармой, пытаться быть Буддой или Христом, потому что Христос делал так — это вас туда не приведет; это просто сделает вас подражателем. Игра гораздо тоньше; вы должны вслушиваться, чтобы уловить, где ваш путь, шаг за шагом, выбор за выбором. Приблизит ли это меня или нет? И тогда вы узнаете, как приближает вас простота ума, как открытие сердца приближает вас. Некоторые действия могут помочь вам отыскать путь, но со временем они вовсе не обязательно будут приближать вас к нему. Когда вы, наконец, будете действительно честным с самим собой, вы признаете, что счастье не обязательно пробуждает вас скорее, чем печаль, боль или страдание..., совсем наоборот, оказывается. Боль и страдания пробуждают вас больше, потому что единственная причина, по которой вы испытываете боль или страдание — это ваши привязанности.

Когда у вас есть сострадание, возникшее из понимания вещей как они есть, вы не станете навязывать кому-то иному путь, — в смысле, какими они должны быть. Вы не скажете родителям: «Почему вы не понимаете ничего духовного?» — или «Почему вот я — вегетарианец?» Вы не скажете мужу или жене: «Почему ты все еще хочешь заниматься любовью, тогда как все, чего я хочу — это читать «Провозвестие Рамакришны»? Сознательный человек делает все, что может, только для создания условий, необходимых для того, чтобы идти к Богу, но не мешает никому осуществлять его собственную карму. Так что вы работаете со своим огнем, но не высокомерно, потому что вы не выше; вы просто — иной. Когда вы сами разберетесь со своим воплощением, — вы поймете, что люди вокруг вас — это сущности на разных уровнях воплощения: некоторые из них — совсем молодые сущности, только что начавшие принимать человеческую форму, и очень заняты материальным накоплением. А есть вокруг нас и другие сущности, очень старые, которые

рождались снова и снова, они проработали невероятное количество кармы и готовы улечь, вновь влиться в Бога.

Некоторые из тех существей, что каждый день вас окружают, очень древние, а некоторые — очень недавние. Но лучше ли это или хуже? Это просто иначе... Лучше ли быть двадцатилетним? Просто иначе. Тогда зачем же судить кого-то за то, что он не так сознателен, как ты? Разве вы осуждаете не достигшего половой зрелости за то, что он или она не способны зачать ребенка? Вы понимаете. У вас есть сострадание. Если понятие сострадания выразить просто, то это — оставить других людей в покое. Вы никому не навязываете цели. Вы существуете как утверждение собственного уровня эволюции. Вы доступны для любого человека, дабы обеспечить каждому из них то, что ему нужно, — в той мере, в какой они попросят. Но вы начинаете понимать, что думать, будто вы можете возложить какой-то путь на другого — заблуждение.

Я, бывало, встречался с людьми и видел что я мог бы для них сделать, — и оттого, что я проделал немалую садхану и развил некоторые меньшие сиддхи, — я мог взглянуть этим людям в глаза, коснуться определенным образом и кое-что сделать, и они начинали становиться такими, какими я хотел, чтобы они были. Тогда я говорила «Ну как?!», а они говорили: «О, спасибо, спасибо». И они меня любили и хотели следовать за мной. Но на следующий день, неделю или месяц они становились прежними, так как жили моим, а не своим умом. Они жили по моему сценарию, а не так, как им нужно было жить на собственном пути эволюции. Лучшее, что вы можете сделать — это стать такой средой для каждого, с кем вы встречаетесь, которая даст им раскрыться тем наилучшим образом, каким они могут раскрыться. Метод, каким вы «воспитываете» ребенка, состоит в создании атмосферы любви и понимания, чтобы дать ребенку возможность стать тем, кем он должен стать в этой жизни.

Точно так же, если вы врач, партнер в браке или духовный учитель; какова бы ни была ваша роль в человеческих взаимоотношениях, игра всегда та же. Если вы контролер на транспорте, ваша работа может состоять в том, чтобы выдавать людям проездные билеты. То, как вы выдадите этот билет — и есть функция вашей эволюции. Вы можете так выдать человеку проездной билет, что тот получит озарение.

Потому что для этой игры форма вообще не важна. Имеет значение — кто в форме. Важно не то, насколько свято вы выглядите, но насколько вы есть дух Христа Живого, сострадание Будды, любовь Кришны, беспощадная мудрость различения Тары или Кали. Нет ни одного действия или эмоции, которые были бы более святы, чем любые другие. Как-то Махарадж-джи сказал мне: «Рам Дасс, перестань гневаться». А я говорю: «Ладно, Махарадж-джи, значит, мне нельзя использовать гнев ради обучения?» И он гневно заорал: «Нет, можно!!!». В этой игре много уровней; это вас и подводит.

Конечно, есть определенные действия, которых сознательные существа не совершают ни в коем случае, — не потому, что нельзя совершить осознанно, но они не вливаются в поток. Вы не можете долго прятаться за формой.

Многие спрашивают меня: «Следует мне быть вегетарианцем, или нет?». «Следует иметь сексуальные контакты, или нет?». «Следует ли мне медитировать по сорок минут?». Люди, которые медитируют в точности положенное количество времени, едят именно надлежащую пищу, все делают в совершенстве, тоже могут попасться на золотую цепь, цепь праведности и ритуала. Это не освобождение. Но, в конечном счете, выполняешь духовные упражнения не по обязанности, не из повинности, а потому, что пришел к ним. Потому что это от вас требуется вами же. Вы пройдете через подлинный ад в медитации для успокоения ума не оттого, что кто-то скажет: «Вы должны успокоить ум», а потому, что от своего возбужденного ума вы на стену лезете, и он же удерживает вас от возможности покончить с этим. Вы научитесь молиться, читать святые книги, практиковать послушание и пользоваться песнопениями, открывая сердце свое и прося Христа наполнить его любовью, не оттого, что вы добры, а потому, что вы знаете, что с закрытым сердцем вы не можете войти в мировой поток.

Сейчас есть очень утонченные писания по поводу пассивности и активности, воли и выбора и т.д. И вы должны очень глубоко прислушиваться к себе. Вы постоянно делаете выбор, а выбор сводится к тому, что пойдешь или в направлении гармонии, Воли Божьей, потока вселенной, — или против.

Пусть это основывается на очень простых понятиях. Абсолютная честность с самим собой, абсолютная честность. Если вы сделаете ошибку, признайте ее и поладьте с ней. Не прячьте свои ошибки. Весь духовный путь есть постоянное падение на лицо свое. Поднимаешься, отряхиваешься и идешь с этим дальше. Если бы вы были совершенны, вы даже и не дмтпли бы в путь. Не бойтесь делать ошибки. Вы можете выбрать не того учителя, можете войти в метод, который нехорош. Много может случиться. Сделаете ошибку — исправьте ее, если сможете, не причиняя вреда духовным возможностям других. Но есть и другое правило этой игры: ни в коем

случае нельзя пользоваться одной душой ради другой. Если ваш путь к Богу удерживает другого от того, чтобы идти к Богу, лучше откажитесь от этого пути. Так вы никогда к Богу не попадете. Это очень просто.

Прислушайтесь к себе и будьте честны с самим собой. Вот правила игры: внимайте внутренне и будьте честны. Так вот, когда вы внутренне прислушиваетесь, вы можете даже и не знать — к чему прислушиваетесь. Десятки голосов говорят: «Слушай меня, я — тот самый. Я — тот, получай все, что можешь». Понимаете? — «Я тот. Оставь все». Видите. Это сверхэго, все эти голоса, жаждущие выйти на передний план. А ты продолжаешь вслушиваться в то, что квакеры зовут «тихим голосом внутри». Вслушиваешься все глубже и спокойнее — чем большеходишь в медитативное состояние, тем яснее услышишь свою дхарму, свой поток, свой путь в дом свой, свой путь обратно к источнику.

Эволюционный цикл.

В 60-х годах, когда мы собирались, мы бывали в замешательстве — психотики мы или люди духовные. Нам нужно было собираться, чтобы убедить себя, что даже если мы психотики, то нас, по крайней мере, много. Мы освобождались от общепризнанной модели реальности, которая считалась абсолютной. И когда мы начали освобождаться, было много театральности: неистовство, гнев, замешательство, равно как блаженство и радость. Определенное замешательство происходило оттого, что мы пытались сделать иным внешнее, чтобы проявить тот факт, что внутреннее менялось. Отчасти в этом была чистота — в том смысле, что новое внутреннее бытие проявляло какое-то внешнее бытие, а отчасти — нечистота, потому что вера наша еще была шаткой, и мы нуждались в новых символах, чтобы убедить самих себя, что мы действительно изменились. Некоторые припомнят период, когда начали отращивать длинные волосы, и власть этого символа, на фоне перестановки сил в экономике и социуме. В 60-х годах мы блуждали между внутренней свободой и внешней свободой, между революцией и эволюцией, потому что в голове у нас не было моделей, которые позволили бы нам оценить грандиозность той перемены, через которую мы проходили. Так что мы преуменьшали ее значение и рассматривали ее как перемену социальную, психологическую или политическую.

В конце 60-х — начале 70-х годов в наших поисках пути был фанатизм и путаницы. Мы импортировали модели Востока с огромной скоростью и очень старались обратиться, но в согласии с нашей традицией продвигаться от периферии к центру, — хотя мы и приняли множество символов и всякого снаряжения и могли снаружи выглядеть как Будда, — внутренне мы были просто кем-то, кто старался выглядеть Буддой. Мы были озабочены всякими обетами и обязательствами, отношением к учителям, всей концепцией Гуру и тем, что такое Путь. В 60-х годах слово «Бог» все еще было табу, и мы говорили об «измененных состояниях сознания».

Во всем, что мы делали, все еще подразумевалась привязанность к тому факту, что мы можем это делать, что те, кем мы были, или те, кем мы себя считали, могли изменить себя и стать кем угодно — Буддой или Христом. Мы принадлежали цивилизации, в которой человек привык диктовать природе свои условия — в определенных пределах, конечно, — и мы были настолько преданы рациональному уму и его влиянию, что полагали, будто можем придумать выход из любого затруднительного положения и при помощи одного лишь разума прийти к новому способу бытия. Но трудность в том, что озарение — это не какое-то конкретное достижение; озарение — это такое преображение бытия, когда по сути нет больше ни достигающего, ни самого достижения.

Многие из нас не соглашались с определением пути, на котором мы оказывались. Мы начинали понимать, что он может иметь какое-то отношение к тому, что называли «Богом», «путем к Богу», или, если хотите, иметь дело с непроявленным состоянием Нирваны. А мы их на самом деле не желали, мы желали их желать. Это совсем иной уровень игры. Для большинства из нас вполне достаточно было желать желания Бога, или же желать желания озарения. Это сохраняло нам спокойствие, безопасность, уверенность с ощущением, что мы движемся в верном направлении. Жутковато становится, когда начинаешь растворяться в Пустоте. В книге «Быть здесь теперь» мы назвали это «кудрявый путь».

А сила-то кроется в нас, в нашей честности с самими собой, в ясном осознании своих заблуждений. Мы вкусили чего-то, и нас влечет к этому, как мотылька к пламени; мы признаем свой страх, уже меньше театральности и мелодрамы: мы терпеливо и настойчиво осуществляем очищение бытия, необходимое для того, чтобы произошло это преображение. Уже понимая, что мы не можем его ни захватить, ни игнорировать, мы все же пытались сделать это. Пытаешься его схватить — выходишь ввысь и скатываешься вниз, чтобы добавить еще одну вершину к своей коллекции рассыпающихся бабочек. Пытаешься его оставить и вернуться к беспамятству, непониманию, что есть еще что-то, и не можешь этого сделать. Когда ты в самой гуще мощного

чувственного наслаждения, в котором ты хотел забыться, тут голос всегда говорит тебе: «Теперь ты оно, твое интенсивное чувственное наслаждение». Ты не можешь ни войти, ни выйти. И вот мы здесь.

Театральность уходит. Мы теперь признаем, что искренне и честно приводим свой внешний мир в гармонию с нашим внутренним восприятием, и нам не нужна больше так стараться создавать какое-то внешнее пространство, чтобы что-то доказать. Мы учимся не убивать своим интеллектом, выдумывая свой путь к святости, так как это кончается тюрьмой иного рода, и мы ловимся на претензии на то, чем мы не являемся.

Мы достигаем более глубокого философского понимания того затруднительного положения, в котором мы оказались как мутанты, как существа развивающиеся. Мы прислушиваемся внутренне, чтобы понять, — что же нас не пускает в то пространство, сознание или единение, которого мы коснулись, вкусили, ощутили, о котором как-то узнали, — и начинаем находить методы для продолжения работы. Мы стали понимать, что хотя мы и собираемся группой и слушаем друг друга, каждый из нас имеет свои собственные особые трудности, и что следует прислушаться к собственному сердцу, чтобы услышать то, что нужно тебе. Нельзя имитировать путь кого-то иного.

Чтобы охарактеризовать эти индивидуальные отличия на языке эволюции, позвольте мне поделиться с вами одной моделью, которая только модель. Представьте себе эволюционные часы.

В 12 часов есть совершенная гармония. «Дао» — как скажут китайцы, «Путь», о котором говорит Христос. Совершенное равновесие, взаимное родство всех вещей и ничего отдельного, все на своем месте. Дерево — это совершенное дерево, река — совершенная река, человеческое существо — это совершенное человеческое существо. Все в своем совершенстве. В 12 часов и 1 минуту — что-то разделилось. В 12 это был Райский Сад: совершенная гармония и равновесие. Затем вкусили яблочка, — и вдруг оделись в фиговые листья, а Бог вопрошает: «Кто вам сказал, что вы наги?». Откуда взялся стыд? Он появился от самосознания. А откуда взялось самосознание? Оно появилось от отождествления с мыслящим умом и, таким образом, восприятия себя отдельным от того, о чем думаешь. В 12.01 создалась двойственность: субъект-объект, мыслящий и то, что мыслится. Отдельность.

С 12.01 до 6.00 имеется постоянная попытка утвердить, уберечь и увеличить силу вашего положения как отдельной сущности, обеспечить безопасность, удовлетворение, власть над окружающим миром, воссоздать то ощущение благополучия, которое существовало, когда вас не было, — но теперь вы есть. Я о вас говорю; вы понимаете, — что я говорю?

Представьте себе, что 12.00 — это что-то вроде полного совершенства; хотя на недавно никакого ярлыка не наклеишь, назовем его «Богом», но поскольку оно действительно неопределимо, лучше, быть может, просто назвать его «Б-г», чтобы нас это не сбивало с толку. Так вот, Б-г имеет в своем совершенстве свободу для всякой сущности, вроде человеческой, противопоставить свою волю воле целого, воле Б-га. Так что сначала были существа, борющиеся против всей системы, против гармонии, и тогда все были «нами», а «ими» были силы природы, бури и т.п. Но между 12.01 и 6.00 произошла странная вещь. Постепенно «ними» начали становиться иные из нас. Наше племя было «нами», а другие племена — «ими». Затем внутри племени оказалась семья, и довольно скоро это стала «наша семья», а все прочие были «ими». А потом внутри семьи дядя Дэвид пытался «подвинуть» нас на нечто сомнительное, так что он стал вроде «них». Нельзя даже было так уж верить в большую семью, «мы» — стало твоей непосредственной семьей. Это около 4.30 — 5.00. Затем произошел разрыв поколений, когда нельзя было верить в старших или младших; так, быть может, теперь это только я и моя жена, или -я и мой муж. А потом есть разница полов, так что я не вполне могу считать супругу «нами», и теперь «мы» — это я, а все иное в мире — «они». «Я очень сильный, я обеспечил себе защиту, я знаю — где я — видите?» Думаете, этим кончится? Но вот примерно 5.45. В последние пятнадцать минут происходит то, что сейчас называют полным отчуждением индивидуума. От кого? От себя. В конце концов смотришь на себя со стороны, и даже себе не веришь, так что и ты уже — «они».

Какова же была самая могучая сила, с которой мы работали на этом пути от 12.00 до 6.00, что за величайшая сиддха — способность — была нам доступна, пока мы были привязаны к нашим чувствам и нашему мыслящему уму? Это был наш интеллект. Взгляните — что создал наш интеллект. Взгляните на эту иллюзию. Взгляните на поразительный технический прорыв. Все это — продление человеческого ума. В данный момент я живу в Манхэттене, где, кроме Центрального Парка, нет ничего, — на что ни взгляни, — что не произошло бы от человеческого ума. Это поистине жизнь внутри человеческого интеллекта. А сила человеческого интеллекта основывается на различении, индивидуальных отличиях; если вы можете определить разницу между тем и этим и можете сделать это лучше любого другого, — вам больше платят. И этот интеллект, который решил теперь, что все может, и начал создавать модели в связи с тем, что делать для того, чтобы попасть в то пространство, о котором он еще помнил как о совершенном ощущении АУМ-поста,

совершенном благополучии. Он создал ряд стратегий. Наиболее очевидная в этой культуре — это «больше — лучше».

Большинство из нас побывало на этом пути, не правда ли? На сверхчувственных астральных планах. «Вы слышали эту новую запись Age, а слушали вы ее, когда вы в ванне — с кем-то еще? А слушали вы ее, когда вы в ванне еще с кем-то при свечах? На хорошем стерео проигрывателе? Есть потрясающее вино, поставьте его рядом с ванной: мускатное масло в ванне, курения, свечи, вино, другое существо, а вода в ванной — как раз какая надо, и стерео... О!...»

Больше — лучше. Явное затруднение, с которым интеллекту нелегко приходится, это необъяснимое понимание, что большего никогда не бывает достаточно, т.е. большего может быть довольно на какой-то миг, но он ведь непродолжителен. Если вы понаблюдаете за шаблонами систем ваших желаний и ума, то конец вашего дня приходит примерно так: «По-моему, мне надо вздремнуть. Хм, мне хочется чаю. Как насчет сигаретки? Послушаю-ка я эту музыку. Что там у нас на ужин? Что ты хочешь на десерт, мороженое? Я бы предпочел кофе. Что там по телевизору? Нет, игру в шары не надо. Велоспорт. Прекрасно. Мороженое с содовой? Идем домой. Ладно. Спать хочешь? Хорошо. Ах, это прекрасно. Сигаретку?»

Снова и снова, и уже посреди вашего основного блюда вы думаете — что у вас будет на десерт. Вы управляетесь с этой игрой, постоянно удерживая, как жонглер, быстро проходящие вещи. Зная, что ни одна из них не будет продолжительной, вы рассчитываете, что достаточное количество их с достаточно небольшими промежутками между собой будут поддерживать эту гонку. Гонка, гонка за гонкой. Но это все равно, что строить дом на песке — нельзя остановиться, так как если остановишься, становится страшновато. Если эти промежутки между ними становятся очень большими, появляется депрессия, смятение, дезориентация, гнев, чувство одиночества, жалость к себе, чувство неполноценности. Такая чушь! Да. Так пусть же все идет. Мало. Еще и еще!

Но, оказывается, прав был Христос, когда сказала «Не собирайте себе сокровищ там, где моль и ржа поедают, и вор подкапывает и крадет». Прав был Будда, когда говорила «Причина страдания — желание», желание вещей, которые непостоянны, — но ведь ничто не постоянно. Так что, если вы привязываетесь к чему-то, имеющему форму, вы будете страдать. Такова была точка зрения Бумы. Какова же та сверхценность, в которую вы можете вложить свой капитал и о которой стоит беспокоиться? Ваше тело? Тело ваше разлагается в эту самую минуту. Даже солоди юный здесь — разлагается. Вы знаете, где будет ваше тело лет пятьдесят-шестьдесят спустя, и как оно будет выглядеть. А ваш интеллект? Все знание, что вы накопили? Видели вы когда-нибудь череп и думали ли — что в нем было съедено, и кто это съел? И знаете ли вы — что такое эта пустота? Вот и все, что вы, по-вашему, знаете. Не удивительно, что вы страшитесь. Если вы думаете, что вы и есть ваш мыслящий ум, или что вы — ваше тело, то это просто вызывает панику.

От 12.00 до 6.00 возрастает надежда, будто вы можете обрести это все сразу, получить и почувствовать, что все в порядке. Но есть и боязнь, потому что пытаешься сделать это в измерении, которое существует во времени, где все меняется, и вы можете все потерять. По крайней мере, вы можете умереть. Как материалист — не тот материалист, что в золотом кадиллаке, а тот, что привязан к чувствам и интеллекту, и к тому, о чем думаешь, — вы боитесь, потому что когда вы умрете — вы умрете. И с приближением смерти вы очень пугаетесь и оказываетесь в довольно затруднительном положении. «Доктор, — говорите вы, вцепившись руками в простыни, — вы получили новые пилюли, примените их, сделайте что-нибудь, спасите, заморозьте меня, сделайте что-нибудь, я не хочу умирать» — и платите все больше и больше, и становитесь все истеричней, впадаете во все большую озабоченность, и остаетесь жить, даже если вам что-то вынуждены пересаживать. Но как бы вы ни старались, вы вдруг умираете.

И тогда какой-то голос говорит вам: «Привет!». Если вы последователь философского материализма, это заставляет вас сказать: «По-моему, я не умер». На что голос отвечает: «О нет, ты умер». Просто как пример: Бума однажды оглянулся назад своим ясным видением и увидел свои последние 99 тысяч воплощений. И это было только незначительное их количество. Рождение — смерть — возрождение — снова смерть и т.д.

Так вот, в ранний период, скажем — между 12.00 и 3.00, всякий раз, как вы умираете, вы настолько захвачены своими привязанностями к своим чувствам и уму, вы так глубоко увязли в иллюзии, что если кто-то скажет, что вы умерли, — вы этого не признаете и останетесь в абсолютном смятении, пока вас не пошлют в новый цикл. А все это, как вы увидите, задумано в совершенстве. Впоследствии, когда вы продвинетесь с этим кругом рождений и смертей, вы поймете свои затруднения. Вы пребываете под покровом иллюзии рождения — и не хотите умирать, затем вы умираете и говорите: «Замечательно, вот и еще один раз». Тут вы оглядываетесь вокруг и видите всех своих прежних матерей, отцов, друзей. «О Господи, на этот раз ты была мне женой, а в прошлый раз ты была мне братом».

Когда вы станете более сознательным, вы приобщаетесь к пониманию того, где находятся ваши стрелки на этом циферблате, в кругу рождений и смертей. Вы начинаете в точности видеть, что должны сделать в следующем рождении с кармической точки зрения, что должно быть проработано. И когда вы наметите следующее рождение, вы скажете: «Так, по-моему мне следует родиться в мелкобуржуазной среде Нью-Йорк Сити, и тогда лет в десять, по-моему, я созрею и пойму, что было бы полезно для этой особой самсары, — того глубоко внедренного ментального впечатления, которое я прорабатываю уже четыре тысячи рождений. Посмотрим. Первый ребенок у меня будет в восемнадцать лет» и пр. и пр. Вы намечаете весь путь — вплоть до того, как вы умрете. Вы прокрутили все это в компьютере — сходятся подходящие родители, возникают нужные сочетания, наступает момент рождения. И вот вы пошли. Вы погружаетесь снова. Некоторые вступают на этот путь в момент зачатия, другие — в момент рождения. Можно узнать тех детей, которые вошли в момент рождения — дитя вступает в мир и вид у него какой-то бесчувственный, как бы говорящий: «Какого лешего я здесь делаю?!»

Как старый лама, который родился, скажем, в Бронксе, он хотел бы всех благословлять, да не мог этого делать. Те же, что вошли в момент зачатия, уже заняты тем, что они — дети: «Уа, дайте мне». И вот вы находите большую часть времени рядом с родителями, которые заняты своим делом за своей пеленой непонимания, и все говорят: «Ты — дитя, ты — дитя. Гу-гу, взгляните-ка на ребеночка». Довольно скоро вы на это покупаетесь, и вот вы снова тут, за этой же пеленой. Все снова, снова и снова. Пока в 6.00 или 6 с минутой не произойдет нечто интересное. До тех пор в каждом рождении вы все впадали в заблуждение, что вы — это тело, вы — это мыслящий ум, вы — это чувства. Все, что вы считали возможным обрести, было только тем, что вы можете почувствовать, тем, о чем можете думать, и вы хватаете, озираясь во все стороны. Все хватаете и хватаете, и вот в одном рождении вдруг наступает момент, где пелена хотя бы на секунду отходит, вы просовываете сквозь нее свой нос и говорите: «Ну и ну, это все совсем не так, как я думал». Может, пелена отойдет на тысячную долю секунды, но если вы готовы, то и этого будет достаточно. Пелена расходуется все время и для всех, но большую часть времени карма ваша такая тяжкая, и вы настолько привыкли к этой пелене, что вы просто не готовы. Так что в этот миг, когда вы что-то видите сквозь нее, вы тут же это отрицаете или как можно упорнее стараетесь отстранить. Недавно в журнале «Нью-Йорк Тайме» я прочел статью «Мистицизм в Америке», в которой сказано, что две пятых населения Соединенных Штатов имели подлинные мистические трансцендентные переживания, что означает, что они заглянули за завесу, за пелену. При опросе этих двух пятых населения 85% из них заявили: «Это было самое грандиозное переживание в моей жизни, но я больше никогда бы не хотел, чтобы оно повторилось». Конечно нет, потому что, смотрите-ка, как оно расстраивает все планы... Если вы построили целый мир вокруг того, что вы кем-то являетесь, и вдруг видите, что вы — совсем другое, — что тогда?

Но каким же должно быть необходимое условие, чтобы момент, когда вы что-то видите сквозь пелену, изменил бы с тех пор все так, чтобы с 6.01 и до 12.00 весь ваш путь обрел смысл? Необходимым условием для того, чтобы это случилось, является отчаяние, понимание, что всего того, что, как вы считали, вы можете сделать, чтобы создать совершенство, всего этого — недостаточно. Что вся проблема в том, — кто вы и кем себя считаете. Это приводит к глубокому отчаянию, которое является для вас необходимым условием обратиться ввысь в этот миг. Если же вы увидели и знаете, что увидели, вы никогда уже не вернетесь ко сну полностью. Даже если вы и можете забыть это на мгновения — а вы пройдете еще через много-много рождений от 6.01 до 12.00 — вы никогда не забудете совсем. Вас начнет притягивать к 12-ти часам.

Я говорю о часах рождений и смертей, которые всецело во времени, и являются ли они полностью иллюзией, или относительно реальны, — но именно с этой иллюзией мы-то как раз и работаем в данный момент. Природа тех людей, которые согласятся с этими словами, по определению соответствует времени после 6-ти часов. Иначе для вас не было бы смысла читать так долго. Может быть, вы где-то у 4.13, но зачем бы вам мириться с этой длинной канителью, тогда как вы могли бы быть во внешнем, приобретая больше, которое лучше. Но вы что-то знаете, и вы попались на то, что вы знаете, и смотрите — к чему это вас приведет. И все это усугубляется, а вот это-то и замечательно. Раз вы начали в 6 с минутой обратный путь к 12.00, вы стараетесь нахватать переживаний, которые должны привести вас обратно. Вы начинаете собирать переживания, которые называются «высоко попасть». Вы снижаетесь откуда-то и относитесь к этому снижению как ко времени между тем последним разом, когда вы попали ввысь, и следующим, когда вы снова в ладу со своим путем к Богу, обратно к 12.00, или зовите это как хотите. Пока эти эмпирические часы тикают, растет ваше понимание — как все это работает, — и вы начнете признавать тот своеобразный феномен, что, как отметил К.С. Льюис «нельзя увидеть центр вселенной, потому что вся она — центр», что вы на самом деле центр вселенной, которая задумана в совершенстве с тем, чтобы пробудить вас от иллюзий, и что всякий опыт, которым вы располагаете, равно годится как зерно на мельницу пробуждения. Все ваши воплощения — это обучение. Далее вы начнете понимать, что хотя всякий опыт равно отличается свойством учить,

некоторые из ваших переживаний как будто потрясают вас больше других, что модель, в которой вы увязли иной раз так тонко, что даже и не знаете об этом, переживает потрясения боли и страдания всех негативных свойств. На этом этапе вы признаете странный феномен, что страдание — это милость. Сейчас это тяжело. Потому что до сих пор вы старались увеличить наслаждение и сократить боль.

Когда вы это вполне осознаете, вы еще можете жить ради усиления наслаждения и сокращения боли. Но что бы ни возникло — все правильно. «Ребята, я подавлен. Замечательно. Вот и депрессия». Пока, наконец, не будет: «Вот и наслаждение», «Вот и боль». «Я только что заработал тысячу долларов. Ой-ой-ой!» Или же: «Ох, меня только что ограбили». И все эти «Ой-ой-ой», «ох», «ах» и «ух» — просто вздор, чудесный милый вздор. Это воплощение — абсолютно оптимальное, именно в нем вам сейчас следует быть, чтобы сделать то, что следует сделать, чтобы привести вас домой, в дом, в ОМ, т.е. вовне или вовнутрь. Это происходит, знаете вы об этом или нет. Но когда вы знаете это все меняет, это сюда входит, все это тоже карма.

Примерно около 10.00 или 11.00 вы входите в своей медитации или как-то еще в иные планы реальности, и они равно реальны, как и тот план, в котором вы начали это воплощение. Вы не вполне понимаете, где это вы оказались, иной раз бываете в замешательстве, это очень неровная и сложная работа. Но если вы стремитесь к более совершенной истине, вы двигаетесь с той скоростью, с какой можете все это удерживать вместе. Вы работаете ради совершенного равновесия разных планов.

В 6 с минутой вы начали смотреть ввысь и были настолько очарованы тем, что увидели, что не могли глаз оторвать от этого, и забыли посмотреть вниз, и «упали на лицо свое». Вы начали изучать «абсолютные истины Бога чистого», и настолько очаровались безличным совершенством вселенной за всеми противоположностями, настолько вошли в ледяную безличность всего этого, что ускоряли события (то и дело наступали на что-то), смотрели и говорили: «Ну и что же, все ведь совершенно». Но вы учитесь простому правилу этой игры: пока вы отстраняете один план, чтобы выхватить другой, вы все еще не в равновесии. В конце концов, вы поймете, что истина должна быть уравновешена с заботой о здесь и сейчас, с почитанием этого воплощения. Тогда-то вы и начинаете различать способность смотреть и ввысь и вниз в один и тот же миг. Смотреть внутрь и вовне.

Когда вы вновь узреете чистую истину, вы поймете, какая милость в страдании. С вашей точки зрения, когда вы страдаете: «Прекрасно, я страдаю, это интересно», но в то же время, если вы смотрите вниз и читаете свое воплощение, вы работаете для возвышения страдания. Позвольте мне привести один пример. Кто-то говорит: «Я хочу изучать у вас йогу. Хочу поголодать», вы скажете: «Хорошо, поститесь девять дней». К концу недели говорят: «Я постился неделю». А вы говорите: «Прекрасно, прекрасно. Вам еще два дня осталось». Затем вы гуляете по улице и кто-то к вам подходит и говорит: «Эй, парень, есть у тебя четвертак (25 центов), я неделю ничего не ел». Вы не скажете: «Прекрасно, прекрасно, вам еще два дня осталось». Этот ответ не подходит, потому что для этого человека страдание — не милость, а бремя.

Когда развилась та дисциплина, которая позволит вам смотреть и ввысь и вниз одновременно, у вас будет абсолютная ясность чистых белых снегов на пиках Гималаев, та исключительная ясность, неразбавленная истина, безличное совершенство, куда все входит — Вьетнам, Камбоджа, Бангладеш, Биафра, преследования в наших городах, неравенство, насилие, равно как и все блаженство, любовь, сострадание и доброта — вся мозаика. В ледяных пиках Гималаев вы видите совершенство всего этого на эволюционном пути людей. И в то же время заботливая сторона в вас, как кровоточащее сердце Иисуса, вы смотрите вниз и видите кровь на этом снегу. Вы удерживаете в голове и то, и другое в любой момент, так что можете помочь тем, кто страдает, тем способом, который им нужен.

Если вы действительно собираетесь помочь им выбраться из иллюзии, вы сами не должны увязать в иллюзии, вы должны удерживать глаза свои на абсолютно ясной истине. Вы любите без привязанности; поможете, не отождествляясь с помогающим; протестуете, не увязая в своем протесте; заботитесь о ребенке своем, забывая, что вот мы здесь за всем этим. Истина и забота. Вы будете почитать свое тело, свое общество, всю вашу игру, вы меняете ее так, чтобы уловить — какое же у вас конкретное кармическое задание в этом цикле, и найдете свою дхарму — способ прожить эту жизнь в совершенной гармонии с силами внутри и вне себя, чтобы привести себя к дому своему.

Если вы станете жадничать и попытаетесь надавить или поднажать, вы упадете на лицо свое. Если придете и сядете в пещере, вы станете настолько святым, что голова светом воссияет, все будет падать к вашим ногам, и у вас будут огромные силы. Но попробуйте приехать в Нью-Йорк Сити, и вы увидите, что есть внутри вас малые семена, как говорил Рамакришна, которые еще не совсем сварились. Интересная у вас точка зрения, когда вы говорите: «Эх, терпеть не могу жить в городе, мне надо жить в сельской местности». То, что вы сказали, значит: «Терпеть не могу тех

своих качеств, которые город проявляет». Поверьте мне, если нет ничего, чего бы вам хотелось, то город — то же, что и пик Гималаев. Все, что показывает вам город — это материал в вас самих, которого вам не хотелось бы иметь.

С вашим продвижением по пути, притяжение к 12.00 становится таким жутким, вы так сильно хотите это осуществить, и тут вы говорите: «Дай мне огня. Хочу жаркого огня. Сделай его жарче. Дай же его мне». Тогда, если кто-то приводит вас в ярость, вы знаете, что единственная причина вашего гнева в том, что вы еще держитесь за тайную модель того, как, по-вашему, все должно было быть. Вы поймете, что человек, который вас рассердил, явился для вашего обучения, и вы мысленно благодарите его. Вы так жаждете искоренить в себе все, что удерживает вас от движения вперед от пробуждения, что вы начинаете стремиться к ситуациям, которые вынуждают вас делать это.

Пару лет назад я провел девять дней в Сешн-Дзэнском приюте. Несомненно, это был самый жалкий, жуткий, жестокий, садистский опыт... Я заболел, я с ума сходил. Они выжали меня, обольстили мое это, заставляя чувствовать себя полным Идиотом. Затем я попал туда и они даже вознаградили меня за это, сказав: «Рам Дасс, добро пожаловать». Меня встретил парень с какой-то доской и сказал: «Дасс Рам, вы будете на верхней койке в третьей кабине. Вот ваша постель. Явитесь на дзэн-до через пять минут». Был там парень с палкой, и если ты не сидел в совершенной позе, которая была действительно ужасно неудобна, тебя били. И за это я платил деньги! Стоило тебе наклониться, как тут же возникал этот поистине жуткий тип, кланялся тебе, и ты ему кланялся, а затем ты наклонялся, а он бил тебя по плечу, ты наклонялся, а он бил по другому, и ты благодарил его, а он — тебя. Пять раз в день ходишь повидать Роци, весьма непокладистого японца с лысой головой. У него был колокольчик и палка, и он задавал тебе забавные вопросы, например: «Как узнать свою природу будды по звуку хлопка в ладоши?». А ты отвечал так или иначе, как думал об этом все время, пока там сидел, зная, что ты еще должен прийти сегодня четыре раза, а он говорила «Ох, доктор, вы это вообще не так делаете. Может, мы вернем вам ваши деньги и вы уйдете? Я так на вас надеялся. Вы такой важный, вас люди знают, вы очень известный, но вы, кажется, ничего не понимаете, по-моему, вам лучше забыть об этом».

Потом он звонит в колокольчик, ты уходишь, и ты совершенно раздавлен. Но мало того, ты еще должен бежать скорее на место и сесть прямо, чтобы тебя не били. И это продолжается с двух часов утра до десяти вечера. Нет конца. Пять дней я провел, продумывая план, как бы выбраться в связи с каким-нибудь особым обстоятельством, не теряя лицо. Я пробовал даже прятаться в туалете, но туалет заперли. Просто некуда было зарыться.

Наконец, на пятый день, я уже проклинал Роши и весь этот спектакль. Я как-то скис и подумала «Черт с ним, пусть меня выгонят», а он говорит: «Доктор, как узнать свою природу будды по хлопку в ладоши?» А я сказал: «Доброе утро, Роши!» — «А-а!», — говорит он, — «Вы становитесь начинающим учеником Дзэн!»

Ну, это было интересно, потому что как раз перед этим я только подошел к этому пули и сказала «Поднажми». Огонь стал исходить из всех кустов, все небо озарилось, и я вошел в иное состояние. Я как бы освободился от своей невероятной слабости и напряжения и вошел вовнутрь, у меня было переживание сатори. А он спрашивал меня коан за коаном, и ответы выходили верными. Я был прямо в этом мгновении, и в уме у меня не было никаких моделей. И мы просто шли все выше и выше, мы оба просто раскручивались.

После этого в дни, оставшиеся от девяти, был экстаз. Позы для сидения были прекрасны, и я просто летал. Совершенство пустоты форм и безличность вдруг стали моей свободой.

Это похоже на любую медитацию, когда все — не блаженство и свет, вам неудобно и становится жарко, и надоело, что-нибудь болит и все такое. Это то же, что и Сейши. Но вы это делаете. Потому что есть что-то, через что вы очень хотите пройти, бороться с силами в себе, которые вечно хотят «больше». Об этом и сказано в «Бхагавад Гите», — о внутренней битве между двумя этими силами. И до самого конца это сплошной ад. Сколько-нибудь лучше не становится, становится хуже, потому что огонь все жарче и жарче.

Понимаете, раз вы решили, что действительно хотите пойти на ломку, за большой истиной, раз вы вбили это себе в голову, вы в конце концов заявляете: «Я не хочу ничего иного, я просто хочу уйти» (что обычно ложь, но вы это все-таки говорите), тогда это тяготение, это притяжение, будет привлекать к вам всякие силы, которые помогают этому случиться. Это зовется милостью. Есть много сущностей, как на этом, так и на иных планах, которые могут вас направить и помочь вам, но они не придут, если вы их не хотите. Ваше притяжение вызывает их помощь.

Обучение становится суровее, огонь жарче, вы начинаете делать это для себя, так как притяжение к Богу все глубже и глубже. В этот момент как раз у 12.00 на ваших эволюционных часах весь мир внутри вас, и вы испытываете все страдание, которое связано с формой на любом плане существования. Вы — одно с ним. К тому времени вы проработали всю свою личную карму,

т.е. привязанности. Теперь вы осознаете коллективную природу кармы. Как раз в этот момент тяготение к 12-ти часам невероятно. Войти в 12 часов значит для вас погрузиться обратно, вы как сознательное отдельное существо прекратитесь. Все, что шло от 12.01 до 11.59 задумано было ради этого момента выбора. Если вы хотите быть Богом в этот миг, вы можете погрузиться обратно, но какой выбор вы сделаете — это не имеет значения. Большинство из нас настолько захвачены праведностью, что боятся истины. Праведность скажет, что в 11.59 это имеет значение, а истина скажет — нет. В 11.59 у вас есть выбор вернуться к Богу, и в этом случае, если вы оставите тело, это было бы чем-то вроде распада, так как в нем никого нет, или же можете остаться в форме на этом или ином плане. Зачем вам делать это? Это — свободная воля в истинном смысле этого слова, а не иллюзия свободной воли, которая у нас имеется, ведь в этом нет никакой индивидуальной кармы. Единственная причина, по которой совершенно свободная сущность предпочла бы остаться внутри иллюзии — это для того, чтобы облегчить страдания всех существ. Это момент, когда принимается обет, известный как «Обет Бодхисаттвы». Это единственный момент, когда это реально, до тех же пор — это блеф, это прорабатывается ваша карма. В этот миг, когда вы предпочтете вернуться, вам придется отстраняться от силы, влекущей вас к слиянию. Вы отстраняетесь от Бога. Это жертва. Жертва, которую совершил Христос, — на распятие. Для сознательной сущности оставить тело — это блаженство. Жертвой прежде всего было — оставить Отца и стать Сыном.

Свободные сущности, ставшие совершенными, имеют этот свободный выбор. Они здесь только ради вас, я говорил вам, витому что иначе вы бы их не повстречали. Всякий, кто встретится с ними, имеет предвзятое отношение к тому, что они сделают для облегчения страдания. Они здесь только как инструменты, чтобы подготовить к той истине, что без привязанности, чтобы создать зеркало, в котором вы можете увидеть — где вы храните свой секретный материал, который вас удерживает от того, чтобы также быть совершенным. Это сущности, которые даруют милость. Это — боги, богини и Гуру на всех планах. У каждого человека есть один из этих помощников, специально предназначенный для вашей кармы, но большинство никогда не встречает их в этой жизни, потому что они никогда не общаются внешне.

Будда, бывало, каждую ночь обзирал все царства, сферы Будды, чтобы увидеть — кто готов, кто смотрит ввысь, кто тянется, кто скажет; «Я желаю уйти», кто скажет; «Узнай меня, дай мне уйти, я готов, позволь уйти». Не желает желания, не псевдожелает, а желает. Если вы не стремитесь выйти, ничего не случится. В ком отчаяние достаточно глубоко?

Игра эта рассчитана на то, что в иллюзии, что есть свободная воля, к ней нужно стремиться. Понимаете трудность? Единственно свободная воля, какая в этих часах есть, была с 12 часов до 12.01. — свободная воля пойти против системы — и в 11.59, чтобы вернуться в эту систему. В ином же случае все было предопределено законом.

Имейте в виду, что все эти часы прибывают в царстве иллюзии, т.е. относительной реальности. В 12 часов вы не были никогда, ничего не происходило, нет никого. Одним из ответов на вопрос — почему все это началось, — будет то, что это никогда не начиналось. Это просто игра ума. Люди, которые так далеко зашли в этой передаче, есть всюду между 6-ю с минутой и 11.59, а вы, вследствие характера ваших привязанностей, можете видеть лишь то, что можете видеть. Вы можете сидеть рядом с человеком из 11.59. — и не узнать его, потому что на нем нет никакого знака, а те, на ком знаки, есть, обычно не таковы, так как сами их себе начертали. Может оказаться, что ваша тетка Тельма и есть Будда. Она варила куриный суп, а вы сорок лет ездили в Индию и Тибет в поисках кого-то, кто выглядел бы, как Бума. Вы совершенно отчаялись, и в этом отчаянии оставили всякую надежду и все свои модели. Вы приехали домой, вошли — и вот она. Вы смотрите и падаете на лицо свое перед этим сияющим светом; а она говорит: «Хочешь супа?». Чистый Будда, ум, который свободен от привязанностей, существует везде и всюду в совершенной гармонии со всеми силами вокруг.

И для довершения этого образа часов могу добавить, что для некоторых из вас настало время пробудиться, а для других — оно гораздо позже, чем вы думаете.

Уровни реальности.

Полезно понять разные уровни реальности, исследовать сферы восприятия, которыми отличаются разные люди, увидеть — каковы разные реальности. Представьте, что у вас прямо перед глазами небольшая шкала и что вы можете менять каналы ваших реальностей. Эти каналы, разумеется, не следует смешивать с чакрами. Установите на первый канал, оглядитесь в комнате и увидите мужчин и женщин. Вы увидите, что одни — высокие, другие низкого роста, одни светлые, другие черные, одни красивые, другие некрасивые, одни блондины, другие брюнеты, одни толстые, другие худые, одни вас привлекают, другие — нет. Это физическая реальность.

«Кто был в комнате?» — спросит кто-нибудь. А вы скажете: «Ну, там было примерно равное количество мужчин и женщин. И они в основном были молодые — от...» Если бы вы были социолог, вы могли бы сказать: «Там было столько-то эндоморфов; столько-то экзоморфов и столько-то мезоморфов». Если вы занимаетесь общественной деятельностью, вы могли сказать: «Черных было меньшинство, протестантов столько-то, столько-то... и пр.» Если бы у вас была на первом плане в этой среде сексуальная ориентация, вы видели бы каждого в одной из трех категорий — те, с которыми можно иметь дело; соперники ваши на пути к кому-то, с кем потенциально можно иметь дело, и к делу не относящиеся. И это весьма преобладающая тема клиентуры «Плейбоя», «Пентхауза», «Уи», которая включает в себя большой процент нашего общества. Вот это для них реально, а все остальное — козни. Когда шкала стоит на первом канале и вы смотрите на мир, вы видите физическую, материальную среду.

Если ваша работа связана с одеждой, вы идете по улице и видите, — во что каждый одет. Это для вас реальность. И если бы кто спросил: «Кто это только что прошел?», вы сказали бы: «Платье от Бергдорфа», или же: «Туфли Сакса и шляпа Филеи, бывшая в продаже на прошлой неделе». Если же вы заняты своим телом, когда идете по улице, знаете, что вы видите? Тела других. Люди, поглощенные тем, что они низкого роста, заняты тем, насколько высоки другие. Люди, которым не нравится их нос, замечают у всех носы.

Щелк! Второй канал. И мы в сфере психологической. Если бы вы были лицом очень техничным, вы смотрели бы на всех в плане ММОЛ (Миннесотское Многофазовое Описание Личности) или теста Роршаха по чернильному пятну. Теперь мы видим счастливых, печальных, вершителей, озабоченных невротиков, депрессивно-маниакальных, энтузиастов, духовно ищущих. Нетерпеливый, подавленный, сердитый, счастливый, печальный, удачливый — столько психологических атрибутов. Для многих из вас это реальность, в которой вы живете. И кто вы есть — это ваша личность. Вы тратите время на ее анализ и лечение, на ее поощрение и проклятие, питаясь ее виной, ее стыдом, ее неполноценностью. Случается, что психики находятся в телах, но тел вы даже и не заметите, вы слишком заняты психикой и личностями. Когда вы знакомитесь с людьми, вы говорите: «Личности у нас вполне согласуются». Это единственная реальность. Тел не замечают. Они ни вверх, ни вниз не смотрят, они суть целиком психологии. Это уровень личности.

Затем другой канал. Щелк! Теперь мир — это 12 категорий и разные их перестановки. Вот лев, а вот — овен. «Я знаю — вы — Стрелец, я скажу каким путем вы идете». Сейчас вы сделали астральное определение, новую игру в индивидуальные отличия. Теперь вы знаете тонкое тело людей, которое внутри их тела физического, и знаете еще кое-что чем, что кроется за их личностью, — планетарную реальность. Это иная игра в индивидуальные отличия. Но третий канал позволит вам пересмотреть каналы первый и второй. Вы теперь пользуетесь одной системой индивидуальных отличий, чтобы освободиться от другой.

Что же вы скажете дальше? Щелк! Четвертый канал. Теперь, когда вы смотрите в глаза другому человеку, вы видите другого человека, который смотрит на вас. «Вы там? А я здесь. Замечательно. Как вы туда попали?» Теперь мы видим другое существо, точно такое, как мы, другую сущность, попавшую в иллюзию всех этих упаковок индивидуальных эмоций тела, личности, астрологии. А глаза — окна души, встречаются и вы говорите: «Что же это там за существо?»

Вы заметите, что когда вы встречаетесь с другими людьми, вы их встречаете на всех этих разных уровнях. Если вы, к примеру, девушка и находитесь на личностном уровне реальности, но вам довелось иметь очень красивое с культурной точки зрения тело, и всякий, кто с вами встретится, видит только ваше тело, вы можете сказать: «Почему никто меня не хочет за личность мою?». Это потому, что вы такой сильный стимул по первому каналу, что никто не может попасть на второй. Или, скажем, вы находитесь на четвертом канале, который просто душа внутри всего этого вздора, но большинство занято реакцией на вас как на личность, тело, астрологический знак.

Если вы будете ходить по улице, посмотрите в глаза кому-то, а вот и на вас кто-то смотрит. Они не наступают на вас и не пытаются вас соблазнить, переменить, купить, вами завладеть, обратить вас в свою веру, отвергнуть или судить или еще что-нибудь. Они просто тут. «Вы здесь, я здесь, замечательное место для встречи, не правда ли?» Это просто люди, сущности, встречающиеся внутри этих упаковок из индивидуальных отличий. И эти индивидуальные отличия не так уж и важны. Они просто вроде рубашек, курток и свитеров. «Приятную вы личность надели. Где вы ее достали?». «Я приобрел ее в Гештальт-терапии. Крик моды». Но это еще отдельность. Вы еще отделены от другого.

Еще раз. Еще один щелчок! Что вы теперь видите, глядя на другого? Как будто у вас два зеркала лицом друг к другу, а между ними ничего нет. Оно само смотрит на самое себя, смотрящего на самое себя. В этой реальности есть лишь один из нас здесь в движении. Единый кажется многим для того, чтобы играть в эту игру. Все мы — Предвечный Единый. Мы — Единый.

И единственный становится многим ради игры, забавы, танца, и вы можете потеряться в этих многих реальностях I, II, III или IV; но на V канале есть лишь Я один, не в каком-то интеллектуальном или метафорическом смысле, мы суть одно. Всякая реальность до этого момента — в равной мере действительная, относительная, символическая реальность. Все они реальны, но все просто относительно реальны. Ни одна из них не более реальна, чем другая. Способ, по которому мы — Одно, не более реален, чем тот, по которому нас много.

Щелчок на следующий канал, и происходит то, что все внешнее исчезает и нет никого, кто смотрел бы на что-то. Все телевидение пропадает, все возвращается в Пустоту, из коей возникло, возвращается к бесформенному — к тому, что стоит за Единым. Это и есть Бог, не понятие Бога, но Сам Бог. В буддизме это — Нирвана, в индуизме — Брахма, в даосизме — вечное Дао. Это — Аум, непроявленная вселенная. Потому-то евреи пишут слово Бог — Б-г, потому что это невыразимо, это невыразимый источник всего. Когда вы переключаетесь на VI канал, вся субъектно-объектная вселенная исчезает. И все просто есть, но без формы. Потому что, чтобы знать форму, нужно быть отдельным от нее. Вступить в бесформенное, которое кроется за формой, из которого форма возникает и которое возвращается, — значит коснуться реальности, из которой возникают все относительные реальности. Когдаходишь в сферу шестого канала, последним моментом признания какого-то самосознания является понимание, что все каналы от первого до пятого были творением ума. Освобожденная сущность — это сущность, которая вольна быть в любой из реальностей, но не быть привязанной ни к одной из них. Это сущность, которая может войти в океан канала шесть и тем не менее вернуться в форму. Это сущность, для которой все каналы доступны сразу, хотя она и не может уделять им внимание до некоторой степени последовательно.

Каждый из этих щелчков — реальность. Но когда вы целиком и полностью в одном из них, тогда это ваша абсолютная реальность. Вы есть некто, сидящий здесь и читающий книгу, — это реальность. Но является это более или менее реальным, чем то, что есть лица один из нас, читающий сам себя? Это просто иной уровень реальности, иной щелчок шкалы.

Мы проходим через процесс пробуждения, признания, что реальности, которые мы считали абсолютными, лишь относительны. Когда мы переключаем шкалу, мы идем ко все большей и большей энергии, ко всё большей и большей тонкости вибраций, и когда мы встречаемся с какой-то новой реальностью, мы испытываем такую интенсивность энергии, что это заставляет нас думать, будто эта новая реальность более реальна, чем реальность прежняя. Мы одновременно живем на многих уровнях. Вы существуете и функционируете на многих уровнях одновременно, изживая карму своей отдельности на одном плане за другим, план за планом. Но вы как самосознающая сущность во всякий момент, вероятнее всего, отождествлены лишь с одним из этих планов. Таким образом, определить себя пребывающим в пределах любого одного плана этой реальности — значит наложить ограничивающее условие, и тогда вы вовсе не свободны. И даже считать каналы от I до V реальными есть просто принуждение интеллекта, описывающего структуры. Интеллект восходит лишь на несколько уровней, а затем становится ограничивающей системой. Когда вы уйдете плана на три, на четыре, — там нет никаких измерений, ни временных, ни пространственных. Прошлое, настоящее, будущее, здесь и там, — все здесь. Бума запросто оглянулся на свои последние 99 тысяч воплощений и увидел все ясно и одновременно, потому что ему не надо было ограничивать себя своим линейным умом. Так что ключ к признанию иных своих идентичностей состоит отчасти в процессе допущения реальности для вас других видов познания, иных, чем способы, известные всем через пять чувств и мыслящий ум. Иногда мы зовем это интуитивным умом. Хайилайн назвал это «гроканием».

Далее. Тот факт, что вы родились на этом плане, который существует в данном месте в данный момент времени, означает, что вы родились в каналах I и II, хотя и существуете также на каналах III, IV, V и VI. Большинство людей вокруг вас, с которыми вы росли, принимают каналы I и II как абсолютную реальность. Таким образом, когда вы уходите в каналы III, IV, V и VI, они говорят: «Вернитесь к реальности. Твердо стойте ногами на земле. Будьте реалистичным. Вы ведете себя не реалистично».

Людей, которые признают каналы III, IV, V, и VI, некоторые считают психотиками. «Ты выпал из согласованной реальности». Если кто видит насквозь эту игру относительных реальности, он поймет, что привязанность к любой реальности как к «реальности» поистине является определением ненормальности. Как-то я навестил брата в психиатричке. Я сидел в комнате с ним и с его психиатром. Он считал себя Христом, а психиатр считал себя психиатром, и оба были убеждены, что другой — ненормальный.

Большая часть переживаний, к которым вы стремились в жизни, были попыткой войти во всеобщее единство канала пять — полный оргазм: момент, в котором нет больше кого-то, кто имеет половое общение с кем-то, тогда это просто вселенское событие, тот момент совершенного потока, в котором всякая отдельность пропадает, — это и есть момент, когда вы снова дома, когда

вы знаете, к чему принадлежите, когда вы вернулись в единое, когда все напряжение, созданное отдельностью, на миг рассеялось. А большинство из вас знает, что в момент оргазма все ваши невроты отпадают, не за миг до того, не миг спустя, а именно в этот момент. Для того, кто способен жить по каналу пять, этот момент оргазма, полного слияния с Единым все время является реальностью.

Многие из вас, кто курил наркотики, принимал кислоту или пользовался другим средством для выхода за свои программы, чтобы открыться для этого слияния, знают, что можно на время отложить свою программу и войти в более высокие каналы, но «рез некоторое время ты опускаешься, и в результате очень расстраиваешься. А вниз сводит как раз твоя привязанность к моделям, шаблонам или программам — в связи с тем, кем себя считаешь и каков, по-твоему, мир, — с этими привычками ума. Многие из нас на своем духовном пути дошли до того пункта, где не стараются попасть более «высоко», так как мы знаем, как это сделать, мы просто пытаемся быть. А в бытие входит все. Мы теперь признаем, что если есть вообще что-то такое, что может нас снижать, — что угодно — то дом наш выстроен на песке, и имеется страх. А там где страх, — там вы не свободны. Таким образом возникает побуждение стать лицом к лицу с тем в себе, что вас снижает; и не только встать, но и нарочно создавать ситуации, чтобы выманить это наружу. Это переключение с такого умственного настроения, который заявляет, «Я просто хочу попасть в высокое состояние». Этот склад ума заявляет: «Я хочу свершить; хочу освободиться в этом самом рождении. Я понял — как это может быть; я устал от простого просмотра кусочков грядущих аттракционов; я хочу стать гвоздем программы».

Этот умственный настрой совершенно иной, чем тот, что был у нас десять лет назад. Теперь-то, когда бывает депрессия, вместо того, чтобы бежать, прятаться от нее и пытаться захватить еще одну высоту, вы оборачиваетесь и смотрите на эту депрессию, как будто дьяволу в глаза, и говорите ей: «Ну, депрессия, делай свое дело, потому как ты всего лишь депрессия, а я — вот он». Это потому, что вы уже немного связаны с четвертым каналом, который выше второго, а депрессия — как раз по каналу психологическому.

Для человека, который живет по четвертому каналу, — о какой, по-вашему, сексуальной озабоченности может идти речь? «Хорош ли я был? Достаточно ли было? Удовлетворил ли я ее, или удовлетворила ли я его? Не слишком ли скоро это случилось? Соберусь ли я с силами? Следует ли мне как-то подделать это? Фригидна ли я? Будет ли это настоящее?» Эти заботы — по первому и второму каналам. Они не реальны; но насколько иначе вы чувствовали бы себя, если бы ваша идентичность коренилась в четвертом канале! Если бы вы способны были сказать: «Я — душа, принявшая воплощение в теле, у которого есть эта конкретная сексуальная привычка.» Вы даже придете к пространству, где вы в состоянии оглянуться на всю свою жизнь — жизнь невротизма и страданий, — и сказать: «Смотри-ка, как она была совершенна в смысле доведения меня до этого момента».

И вот мы имеем такой забавный парадокс, что по каналам I, II, и III идет невероятная мелодрама, и вы — актер в ней. Там мало страдания, и когда вы заперты на первом канале и голодны, а пищи нет, — это подлинное страдание, а не псевдострадание. Но из четвертого и пятого каналов вы можете взглянуть на I, II и III, на все индивидуальные отличия и всю мелодраму и сказать: «Смотри-ка какой совершенный танец. Смотри, как совершенен поток Божественного Закона, включая и волю человека, который может пойти против Божьей Воли. Взгляни на совершенство всего этого.»

Но это не свобода для существа, привязанного к каналам IV или V, который, когда вы испытываете боль, заявляет: «Это же нереально, не беспокойся, ты ведь Будда, а все это иллюзия». Он не более свободен, чем тот, кто захвачен I-м, II-м и III-м потоком и заявляет: «Везде только боль и страдание, это ад, жизнь ужасна и безобразна». Свободный человек живет во всех этих реальностях одновременно. Он парадоксальным образом понимает, что когда есть страдание, следует делать все, что можно, чтобы его облегчить. И в тоже время страдание есть само совершенство, и ваш способ делать все возможное для его облегчения также относится к совершенству. Потому что в конечном счете, когда вы свободны для перемещения без привязанностей с уровня на уровень, вы поймете, что единственный смысл оставаться в форме — в облегчении страдания, в приведении других к свету, сознанию, освобождению, к Богу. Каков парадокс! Совершенно ли это? Конечно. Или это ад? Конечно. И то и другое в одно и тоже время. И это все тоже — лишь на одном уровне исследования.

Мелодрама.

В не столь отдаленном будущем придет время, когда мы способны будем собраться и сидеть в молчании, не в ожидании чего-то, а в свершении. Ибо мы признаем — кто мы, признаем, что мы

существа духовные, и будем искать ту пищу, которая питает нашу душу. Интеллект будет в нашем распоряжении, — но успокоенный, а сердца наши будут переполнены Христовой любовью, этой свободно изливающейся, сознательной любовью. Мы покончим с романтизацией своего пути, исследуя себя скромно, чтобы понять, — как мы работаем. Нам не надо будет сравнивать, оценивать — достаточно ли мы достигли, ибо мы будем полагаться на сердце свое.

Для многих из нас время это — теперь. У других вера еще слишком неустойчива. Недавно в своих лекциях я много говорил о лжесвятости — т.е. когда кажешься себе более святым, чем ты есть. А теперь я скажу о лженесвятости. Многие из вас выше, чем вы себя считаете, вы создали образцы, модели своей реальности, которые удерживают вас от признания себя. Для многих из вас вашей духовной моделью была «хорошая жизнь». «Хорошая» — значит — жизнь, прожитая сознательно, просто, праведно, не отрываясь от людей и среды, сознательно в социальном отношении, будучи человеком честным и мирным. Не впадать в расстройство, гнев и вожделения, не прибегать к насилию. Это неплохо. Обрести этот уровень в нашем обществе — это уже ставит вас на редкостную сторону одного процента из ста. Но даже если вы всего этого добьетесь, в вас еще останется что-то, что жаждет. Потому что неважно, сколь утонченно-прекрасна ваша модель, она все-таки определяет вас в мирских понятиях. Но хотя вы в действительности живете в этом мире, вы не исключительно от мира сего. Вы научились жить в этом мире, но вы еще не вполне поняли, откуда вы явились, т.е. кто вы есть на самом деле. Поскольку исследования за пределами этого мира немного похожи на погружение в пустоту; это все равно, что нырять за борт погружающегося судна, когда нырять боишься.

Но если вы стремитесь к свободе, если такие слова, как освобождение, свершение, озарение или жизнь в Боге, имеют для вас какой-то смысл, тогда хорошей жизнью вступают на путь «домой». Многие из вас в этой жизни прошли от ужасающей занятости своими неврозами, своими достижениями, своей карьерой, своей мелодрамой, и пришли к тому, что могут посмеяться. Вы можете сказать: «Ну разве это мелодрама!» И речь не о чьей-нибудь, а о вашей. Некоторые из вас заняты не столь своим неврозом, как неврозом всего общества, потому что вы начали принимать свою личность немножко менее серьезно. Она тут, как и ваше тело — вы его расчесываете, моете, чистите, одеваете, перемещаете туда-сюда, любите, нежите, стимулируете, им наслаждаетесь. Это ваш храм в пути. Личность ваша — просто еще один покров, укрытие. Но многие из вас уже понимают, что вы не просто тело или личность.

Мы вместе уже столько лет, вместе прошли столько дорог. И я терялся не раз, как и многие из вас. Сейчас в большинстве лекций я почти вовсе перестал говорить о своей личной истории, не потому что дон Хуан мне это велел, но просто это стало каким-то ограничивающим условием. Скорее я говорю сейчас о том, как это происходит, когда ты волен играть с Богом всю оставшуюся жизнь.

Но все же кое что нужно сказать. Мне просто хотелось бы проиграть немножко «его историю». В 1970 г., когда я уже три года как вернулся из Индии и вот-вот должна была выйти книжка «Быть здесь и теперь», я был изрядно потрясен тем, насколько я заблудился в миру. Я помчался обратно в Индию к своему гуру. Когда я прибыл туда, он спросил: «Ты что тут делаешь?» А я сказала «Вот, я недостаточно чист, чтобы делать то, что предполагал. Я даже не знаю — что, но я недостаточно чист, чтобы это делать». Он стукнул меня по голове, дернул за бороду и сказала «Ты будешь».

Год и месяц я следовал за ним по всей Индии и всякий раз, когда я хотел его повидать, он меня выгонял. Другим он позволял месяцами быть с ним, а я приду, и он мне говорит: «Уходи. Поезжай в Дели!» Поезжай туда, поезжай сюда. У меня было немало приключений, и всякий раз когда я возвращался и говорила «Махарадж-джи, вы обещали, что сделаете меня достаточно чистым». А он просто смеялся и говорила «Ты будешь».

В конце концов правительство Индии вытурило меня из страны из-за проблем с визой. Позвольте мне объяснить, что когда я в тот раз попал в Индию, Махарадж-джи сказал: «Сколько ты хочешь пробыть?». Я сказала «Не знаю, я хочу навсегда — остаться». Что было неправдой, но я считал, что должен так сказать. А он говорит: «Как насчет марта?» Был февраль, и я сказала «Вы хотите сказать — месяц?» Махарадж-джи говорит: «Правильно — год с марта месяца». Так и обернулось, что как раз через год с марта месяца индийское правительство меня вытурило. Сейчас не видно никакой связи между предсказанием Махарадж-джи и действиями правительства, но если ты начинаешь понимать, как эта игра работает, то не станешь полагаться на кого-то, пока можно его вытурить. Не знаешь больше, кто на кого работает. И сделано-то это даже не на этом плане, вот что странно. Когда правительство вот-вот должно было меня вытурить, я сказал: «Махарадж-джи, вы же обещали». Я полагал, что когда буду достаточно чист, я почувствую себя чистым. Я не знал — какое это будет ощущение, но знал, что иное, чем то, как я себя обычно чувствую. Тут он говорит: «Вот, съешь это манго». Ну, я прочел немало святых книг, вот я и рассчитывала «Это и есть то самое манго». Я забрал его в ванную, чтобы не пришлось ни с

кем делиться. Я не знал — высадить ли семя, чтобы у меня было еще, или этого будет достаточно. Я съел манго и ничего не случилось. Это было просто хорошее манго.

Потом я уезжал в Америку, и он сказал: «Я никогда не допущу, чтоб Рам Дасс сделал в Америке что-нибудь дурное». «Отлично!» — подумал я, — «Заставим его сдержать слово». Вот я вернулся в Америку и опять начал делать свое дело. И мало-помалу мирские влияния начали доставать меня. Легко было оставаться сосредоточенным на Боге, сидя в храме в Индии. Особенно тот год. Там происходила одна огненная церемония. К концу девятидневной церемонии берешь то, от чего хочешь избавиться, и бросаешь в огонь. Я хотел избавиться от вожделения. Помимо всего прочего, мне тогда исполнилось сорок лет: довольно уж! Я этим был всецело занят лет тридцать. Если мне этого недостаточно до сих пор, значит всегда будет недостаточно, вот я и решил от этого отказаться. Я и бросил это в огонь.

На другой день был праздник Рам Лила. Должны были сжигать огромное соломенное чучело Рамны. Равана — плохой парень из «Рамаяны»: у него грандиозное это и десять голов, все исполненные желания. Можно бросить в чучело все, что в тебе подобно Раване. Я поразмыслил и порешил: «Ну, я могу вдвойне обезопаситься, брошу-ка я в Равану», — а он сидел в огромном кресле, и подожгли его прямо между ног. Очень символично. Оказалось, что в эту ночь был йом-Кипур, и чтобы быть трижды уверенным, я опирался и на эту основу.

Месяца три это как будто действовало. А потом, сию в двухэтажном автобусе в Лондоне и замечаю, что глаза мои поглядывают на тротуар, следуя за каким-нибудь привлекательным существом на улице. «Хо-хо!» — подумал я, — «ну вот опять». Вот так я и вернулся на Запад, снова готовый быть духовным учителем. Я собирался снова поехать в Индию через два года: т.е. в 1974 году, но Махарадж-джи уже оставил тело, интеллект мой меня спросила «Куда же он мог уйти?». Потому что иной раз в прошлом я сживал с ним, видел его физическое тело, а затем успокаивался в медитации и ощущал его присутствие на другом плане. Тело мое начинало сотрясаться от Шакти, от того количества энергии, которая исходила из этих разных планов. Я переходил с плана на план, встречая его везде.

Я припомнил рассказ, который вы, может быть, слышали, о Рамана Махарши. Он умирал, а его последователи говорили: «Баба-Лжи, не оставляй нас, пожалуйста. Исцели себя». А он говорит: «Нет, тело это изнурено». Они опять: «Не оставляй нас, не оставляй?». А Рамана Махарши сказала «Бросьте эти глупости, куда я могу уйти?». Это казалось мне самым лаконичным утверждением иллюзорности тела. Но где-то во мне самом была совсем иная история. Я знал, что я еще не пропечен как следует; «пекарем» был Махарадж-джи, а он как раз ушел.

Когда тело Махарадж-джи сжигали, разные люди видели разные вещи. Большинство плакали, причитали и, как и я, чувствовали, что потеряли своего Гуру. А один человек стоял у огня, просто смеялся и пел: «Шри Рам Джон Рам Джон Джай Рам» — всю ночь напролет. На другой день его спросили: «Почему ты смеялся и пел?» А он говорит: «Махарадж-джи сидел и смеялся, а Рам поливал гхи, очищенное масло, ему на голову, чтобы он скорей сгорел; а Брахма, Вишну и Шива и все боги и богини посыпали его цветами, и все были счастливы». Так вот, был ли этот человек в заблуждении, или это была реальность? Одна женщина видела, как Махарадж-джи приподнялся на локте и помахал ей, как бы говоря: «Не расстраивайся, Ма!», лег снова и сгорел.

Два года после этого я соединял все, чему научился от своего Гуру, жил и учил сколь возможно лучше, надеясь, что его слова: «Никогда не допущу, чтобы Рам Дасс сделал в Америке что то дурное» означают, что моя нечистота не будет создавать кармы для других людей. Я делал кое-что, чтобы держаться, как умел. У меня был фольксваген и я выезжал, скажем, в пустыню в Аризоне для уединения месяца на полтора. Таким путем я многое вычистил в своей игре. В те годы я раз в год принимал кислоту, чтобы выяснить, что я забываю, раскрыть все эти тонкие, неосознанные ухищрения, при помощи которых я обманываю себя самого.

Один раз я принял ее в Среднеамериканском мотеле в Салина, штат Канзас; это было в моей поездке по Центральной Америке, а последний раз я принимал кислоту за три года до того в Аризоне. Хотя я постоянно ощущал присутствие Махарадж-джи, мне все же хотелось испытать его еще сильнее, потому что — это мой путь, а я хотел идти дальше.

Затем летом 1974 г. в институте Парены я вел курс «Бхагавад Гиты», на который, как я чувствовал, Махарадж-джи дал свое благословение. В этом институте я попал в совсем иное окружение, т.к. Трунгпа Ринпоче представлял другую традицию. Я оказался в некотором затруднении, потому что моя традиция была несколько аморфной по сравнению с твердостью традиции тибетской. Мы с Трунгпа вместе выступили в нескольких телепередачах. Одна была — о традициях, и я чувствовал себя банкротом. Махарадж-джи передал мне любовь и служение, но я ничего не знал о его биографии. Я не знал, — как рассказать о том, что проходит через меня, в терминах формальной традиции. Я также все больше закручивался в мирской спектакль и чувствовал себя все более и более подавленным и лицемерным. Так что к концу лета я решил

вернуться в Индию. Я не знал, что я там найду, — во всяком случае съезжу. Я знал, что я уже иной, чем десять лет назад, но я кое в чем еще не был готов к тому, что считал себя обязанным делать.

Выехав на Восток, я остановился переночевать в мотеле в Пенсильвании, где намеревался посмотреть по телевидению разбор дела в комиссии Судебной Палаты, но из-за бури отключилось электричество. Спать было слишком рано и ничего не оставалось, как по медитировать. Минут через пятнадцать-двадцать Махарадж-джи явился ко мне в видении. Он выглядел точно так же, как всегда. Он смеялся и разговаривал со мной. Интересно — он говорит только на хинди, а мой хинди был очень скверным. В Индии всегда кто-нибудь переводил. Но на этих уровнях передача происходит в мыслеформах, а затем выходит на том языке, на котором думаешь. Так что он сказал мне на очень хорошем английском: «Тебе не следует ехать в Индию. Обучение твое будет прямо здесь». Это было так живо и так реально, что в тот же миг я решил не ехать в Индию. Я решил поехать в Нью-Хемпшир, по медитировать с месяц в шалаше, прочистить себе мозги и посмотреть — что будет дальше.

На следующий день, проезжая через Нью-Йорк Сити, я позвонил Хильде Чарлтон, чтобы ее поприветствовать. Она мне сказала, что в Бруклине есть одна женщина, с которой мне следует встретиться. Когда же я воспротивился, так как мне хотелось побыть одному, она мне сказала, что женщина эта заявляет, будто мой Гуру сидит у нее в подвале.

Конечно, я решил остаться еще на одну ночь, и на другой день поехал с Хильдой повидать эту женщину, по имени Джойя. Мы спустились в подвал ее дома, и вот она сидит в том состоянии, которое Хиледа называла самадхи. И я проверила я не мог дружить ни дыхания, ни пульса. Она была словно камень. Выглядела она очень необычно: у нее были длинные накладные ресницы, тяжелый парик и платье с глубоким вырезом. Махарадж-джи был старый человек на подстилке, но впрочем, я уже отказался от каких-то моделей о том, в какой упаковке должна дойти следующая весть.

Наконец она пришла в себя, взглянула на меня и говорит: «Какого хрена тебе надо?».

«Дорогая», — сказала Хиледа, — «это Рам Дасс», что не произвело вообще никакого впечатления на эту женщину. «А мне все равно — кто он такой», — сказала она. — «Вон тот старик имеет к тебе какое-то отношение?» Я взглянул — там было лишь одеяло, а на нем — ничего, и я сказала «Не знаю». «Он меня изводит», — сказала она, — «Забери его отсюда к черту».

Затем ее сознание чуть-чуть переключилось, она вошла в очень легкий транс, и вдруг со мной через нее как бы заговорил Махарадж-джи. Он говорил о вещах, которые мы уже обсуждали с ним в Индии, когда я видел его в последний раз мелкие взносы о содержании храмов в Индии и всякие пустяки, о которых она, вероятно, не могла знать, а я уже забыл. Она вернулась с того плана, но, как она пояснила, она не умела совмещать планы и потому не знала, что случилось только что.

А я обрадовался, т.к. опыт этот последовал так непосредственно за видением в мотеле Пенсильвании, что казался ответом на мои молитвы.

Через несколько месяцев я переехал в Нью-Йорк Сити и год и три месяца интенсивно занимался с Джойей.

Обучение отличалось какой-то странной напряженностью, которую трудно передать. С 5-ти утра и до часу — двух ночи каждый день, как будто ты закручен в торнадо или заложен в гигантскую стиральную машину. Надо либо уйти, либо сдаться.

Предание себя этому предписывалось как абсолютная необходимость для восприятия высших учений этого довольно необычного учителя. Преданность, благоговение и были методом, которым я открывал сердце свое в обучении у моего Гуру, так что метод этот был просто более глубокой стадией отказа; отказа даже от своего сопротивления многому из того, что, казалось, шло против здравого смысла. В это время я также получил много ужасных сообщений от некоторых ближайших последователей Ими, что любое сопротивление вызывает у Джойи кровотечение и мучительную психосоматическую боль. Не было иного выбора, как воздержаться от суждений и предаться этим учениям, просто позволить обучению протекать и сжигать все мои установки относительно того, каким должен быть учитель и как должно передаваться учение. Я отдался тому, что серьезно считал чистой передачей. И все глубже и глубже предаваясь этим учениям, я заявил публично, что, как возвещала Джойя, она является озаренной сущностью; заявление, о котором я впоследствии сожалел. Интенсивность общения (часто часов по двадцать в сутки) вызывала на поверхность мои защитные стороны тонкого эго. И Джойя на манер Кали набрасывалась на эти моменты нечистоты и преувеличивала их до того, что мне надо было либо уступить, либо уйти. Я отступался от этих моментов нечистоты насколько мог скорее и тушевался как мог. Просто моя хроническая неполноценность стремилась к этому огню очищения.

Напряжение всего спектакля и блеск рампы создали реальность, в которой я готов был поверить странному убеждению, будто еврейка-домохозяйка, мать троих детей, жена убежденного католика — итальянца, бизнесмена из Бруклина, и есть на самом деле мисс Большая-Творческая-Сила-Вселенной. Джойя представляла себя как реальную форму Кали, равно как и множества других космических тождеств, включая Афины, Шри Мата Брахму-Матерь Вселенной и Тару — Тибетскую Богиню Тагоры. С этим было нелегко согласиться.

Нас, несколько сот человек, соблазняло в эту реальность сочетание ее мощной харизмы, ее утверждений, что она вроде бы часто входила в состояния глубокого транса с прекращением телесных функций; она отмечала также, что у нее были проявления стигматов, и явно знала такие вещи, которых нельзя было ожидать от человека со средним образованием. Спектакль был хорошо поставлен, и мы на него пошли, потому что наша жадность и наш духовный материализм привели нас к огромному желанию — поверить в него.

Вначале Джойя много времени проводила в состояниях транса, в которых очевидно действовала как медиум. Через нее пришло много соблазнительно богатых учений от мудрецов прошлого — мужчин и женщин Библии, Хасидов, Индуизма и Буддизма или от сущностей иных планов. В ее голосе и языке грубый бруклинский жаргон часто сменялся исключительно поэтическими отрывками, которые изливались часами. Я не дыша ловил богатство этих мгновений.

Я приходил к все большему и большему преданию себя реальности всего этого окружения, потому что нам было сказано, что только благодаря полному любовному преданию себя со стороны окружающих и могут приходиться эти более высокие учения. Она говорила мне, что некоторыми из моих учителей в то время были такие величественные фигуры как Ефтро (тесть Моисея), Падма Самбхава, Лао Цзы, как и Рамакришна, Христос, Мария, Нитьянанда, один из ранних учителей Каббалы, Кали и Дурга. Поскольку я никогда не был рядом с людьми в состояниях транса, весь этот спектакль меня действительно поражал. Я был совершенно обольщен всей этой мелодрамой, как турист, который раскрыв рот смотрит на факира, прodelывающего индийский фокус с веревкой.

Джойя вновь и вновь повторяла, что пришла на Землю только для того, чтобы быть инструментом моего приготовления как духовного учителя мира, и что в конечном счете она будет сидеть у моих ног. Это звучало несколько чрезмерно, и я как-то странно чувствовал, что все более и более становлюсь просто ничем особенным. Бывали на самом деле моменты, когда я чувствовал себя как Кришнамурти, склоняемый к руководству Орденом Звезды как раз перед тем, как он от этого отказался, оставив пятьдесят тысяч членов Ордена, которые думали, что он будет новым учителем мира, возвестив им, что им следует обратиться внутрь себя, а не искать Дхармы где-то вне.

Меня в тот период, как раз перед тем, как я встретился с Джойей, очень беспокоило то, что я еще не вполне освободился от своих сексуальных привязанностей. После продолжительного и активного периода полумонашеской жизни я находил, что мое восприятие все еще окрашено сексуальными желаниями. Я мог себе позволить потерпеть с моим очищением от сексуальных фантазий, но ввиду моей общественной деятельности я был обеспокоен тем, что любая сексуальная озабоченность с моей стороны будет заражать тех, с кем я работаю на лекциях или индивидуально, и таким образом усиливать их собственные привязанности и их страдания. Невзирая на тот факт, что Махарадж-джи сказала «Я никогда не допущу, чтобы Рам Дасс в Америке сделал что-нибудь дурное», упорство этой сексуальной озабоченности заставило меня усомниться в мнении Махарадж-джи и глубоко стремиться к очищению моего сексуального плана. Ввиду того, что я столько лет пытался освободиться от этих привязанностей, включая свое подношение вождения в жертвенное пламя в Индии, я оставил надежду узнать когда-нибудь свободу в этой жизни. Сексуальная карма казалась слишком тяжелой.

Я читал о тантрических посвящениях в некоторых тибетских сектах как раз для этой цели. Монах проходит ряд ритуальных раскрытий, работая с дакини, женщиной небесной сферы. В большинстве своем это были молодые женщины, которых с детства готовили к служению в этих ритуалах безо всякого личного включения или привязанности к чувственному аспекту ритуала. В своих фантазиях я надеялся, что на каком-то этапе я также буду ознакомлен с такими учениями, и благодаря таким сознательным ритуалам с дисциплинированным гидом стану раз и навсегда непривязанным к этим желаниям.

И вот я предстал перед учителем-женщиной, которая через несколько месяцев после начала занятий стала сосредотачиваться на моей сексуальности. Когда я все более и более открывался, уверяемый ею в ее совершенной непривязанности к любой системе желаний, я ощутил новую надежду на то, что моя мечта об очищении наконец проявляется в этом обучении. Я с головой окунулся в торнадо, выбросив на ветер осторожность и сомнение.

Быть может, самым важным из всех соображений, повлиявших на мое глубокое участие в этом обучении, было то, что Махарадж-джи когда-то не раз говорил мне: «Смотри на мир как на Матерь и познаешь Бога». Часто можно было услышать, как он снова и снова повторяет слово «Ма». У него был алтарь, воздвигнутый Дурге — аспекту матери. Все это поклонение Матери заставляло меня чувствовать себя посторонним. Мои собственные чувства к матерям были окрашены отношениями с моей матерью и моим образованием врача и теоретика-фрейдиста. Пребывать в любви со вселенской Матерью мне просто еще не приходилось. Я жаждал уразуметь этот аспект поклонения. Ибо я знал, что поклонение Матери, точно так же, как и Хануману, слуге Божьему, к которому я испытывал неодолимую любовь, входило в традицию моего Гуру. Я чувствовал, что рано или поздно я найду путь к благоговейному отношению к Матери. Когда я прибыл в Нью-Йорк Сити и начал заниматься с Джойей, вошел в ее матриархальную реальность, я почувствовал, что наконец пришел к учению, к которому так давно стремился, особенно когда Джойя заявила далее, что она — сама Божественная Мать.

Тот факт, что Джойя постоянно говорила о Махарадж-джи и подразумевала его присутствие, как бы продолжая беседы с астральным Махарадж-джи, питал во мне желание и несколько шаткую веру в то, что хотя Махарадж-джи и оставил тело, он все еще рядом, чтобы направлять мой духовный путь.

Для Джойи, казалось, было огромной трудностью оставаться в теле, и она при малейшем стимуле становилась твердой, как доска. Усилия удержать ее в теле, удержать от простого ухода из тела в иные сферы занимали у нас много времени. На шее у Джойи был драгоценный камень, который Хильда снабдила мантрой, чтобы возвращать ее обратно. Когда Хильда касалась камня, Джойя обычно возвращалась, но, как она говорила, с такой болью, будто в нее впивалась тысяча лезвий. Это, в свою очередь, было мучительно для всех нас. Поэтому мы шли на все, чтобы угодить любой прихоти Джойи, и не быть ответственными за ее мучительную драму.

Со все возрастающим чувством власти она также отстраняла Хильду. Хильда, хотя и не являлась достаточно сильным источником учения, как соотечественница Джойи своим астральным легкомысленным поведением создавала атмосферу полу истерии, необходимую для поддержания всего спектакля Джойи.

Но становилось все очевиднее, что то, что началось как спонтанное медиумическое раскрытие, явно оказалось чрезмерным для возможностей и сил неподготовленного индивидуума в связи с ее собственными потребностями в силе и любви. Кажется, для нее просто очень нелегко было преодолеть соблазн злоупотребить этой верой и влиянием для личного возвеличения и эмоционального подкрепления. Вместо того, чтобы оставаться полным сосудом, который при случае содержит мудрость веков, Джойя объявила его содержимое своим собственными она действительно заявила, что она более не сосуд, а просто источник провозвестий, которые через нее проходят — как если бы чаша, наполненная морской водой, объявила себя самим океаном.

Слишком много было разных «сигналов», как например, когда мы однажды были у Джойи, зазвонил телефон. Она сняла трубку и страдальческим голосом сказала: «Сейчас я не могу разговаривать. Мне слишком тяжело», и бросила трубку. Затем без колебаний продолжила нашу беседу, как будто ничего не случилось. Я понял — сколько раз я бывал на другом конце провода.

И я заскучал.

Несколько месяцев я истолковывал свою скуку и еретические мысли как свое эго, отчаянно защищающееся от необходимости сдаться окончательно.

Но как бы я это не объяснял, мои сомнения и скука возрастали. Тантрические упражнения не казались более продуктивными. Я стал воспринимать Джойю как обычного человека с привязанностями. Таким образом я начал подозревать, что чувства эти являются указанием на то, что я покончил с этим обучением и должен уйти.

Все более возникало признание факта, что хотя все эти планы и существа просто очаровательны, это совсем не то же самое, что и освобождение. Сил, света, энергии было невероятно много, шакти просто протекала через нас, существа эти являлись нам, великие учения, мудрость, знание, — но ты отмечаешь, что твои привязанности все еще здесь, все еще живы. Ты видишь, что думаешь: «О, я давно этого ждал». И там есть еще план и еще. Но это просто еще одно пространство, и привязанность к этому пространству — просто еще одно страдание. Как любил повторять Шестой Патриарх Дзэн: «Создай ум, который ни к чему не привязывается». Все эти планы описаны в йогических трактатах. Но все это ерунда. Они интересны и полезны, чтобы ослабте ваше цепляние за этот план, преобразить и сжечь этот материал, но в конечном счете — это просто еще один материал. Потому что переживания в медитации и переживания шакти, — точно так же, как переживания от кислоты, должны в конце концов уйти. Если вы можете отказаться от всего этого, тогда вы просто поедаете вашу карму живьем, просто истребляете всю

свою нечистоту. Тогда вы сможете пойти за полярность, за удовольствие и страдание, и пробудиться от иллюзии своей отдельности.

И вы начинаете понимать, что приняли рождение для того, чтобы пройти через ряд переживаний, восприятий, пока не превзойдете этот дуализм воспринимающего и восприятия. Вы будете в бытии, а не в становлении. Пока не сможете быть, а не просто знала, учения.

К концу этого периода я почувствовал, что завершил свою работу с Джойей и теми многими сущностями, которые через нее учили. Просто мне больше это было не нужно. Я как бы старался узнать, сколько ангелов может уместиться на булавочной головке. В конце концов единственное, что можно сделать, — это стать ангелом и посмотреть, сколько твоих друзей может быть с тобой на этой булавке.

Сомнения мои возрастали скорее, чем я мог с ними справиться. Джойя за этот год очень изменилась. Она стала отрицать, что через нее говорят сущности и отказалась служить медиумом. Таким образом, хотя у нее еще была значительная шакти и харизма, лекции ее стали просто отражением той культуры, в которой она выросла, окропленным духовными проповедями.

Когда реальность эта развилась, я начал видеть мучительную закулисную жизнь актеров и попытался удалиться как можно тактичнее и мягче. Махарадж-джи предостерегал нас, что бы мы ни делали, ни в коем случае не изгонять из сердца своего другого человека. Я хотел сделать это, пока любовь моя еще была сильной, но когда попытался уйти, это было очень трудно, и стало ясно, что я вошел в систему, из которой нет выхода. Я вынужден был бороться против этой системы, хотя для такой деятельности поддержки было очень мало. И я стал видеть сходство между тем, что я испытываю, и рассказами, которые слышал о других движениях, таких как группа Почтенного Мужа, так наз. Природы Иисуса, и скандал в обществе Сознания Кришны. Каждая из них казалась полной реальностью, в которую входило обязательство, не допускаящее измены.

Мой уход от Джойи был частью значительного исхода разочарованных последователей, включая и тех, кто служил в ее доме. Когда беженцы, покинувшие переднюю, обменялись историями, начала раскрываться невероятная ткань фальши и злоупотребления истиной. Оказалось, что ее фантастическая энергия исходила не только от духовных источников, но вполне пополнялась и некими пилюлями. Близкие к ней доверенные лица признались, что им неоднократно велено было звонить мне и сообщать о страшных приступах, что, как они знали, было неправдой. Они соглашались, потому что Джойя убеждала их, что это для моего же блага.

Таких случаев хитрости было немало. Я решил, что сыт по горло.

Поскольку я теперь видел, что некоторые вещи, о которых я говорил прежде об этом учении в лекциях и статьях, были просто неправдой, я оказался с носом, но гораздо важнее моего замешательства — обретение истины. В каком-то смысле я оказался в положении, не отличающемся от того, когда Махатма Ганди, организовав солидный марш протеста, в котором участвовали многие тысячи, после первого дня вызвал своих заместителей и отменил протест. Они энергично возражали, заявляя, что после всей этой работы и усилий он не может этого сделать. Он ответил «Обязательство мое относится к истине, а не к постоянству».

Таким образом, я столкнулся с дилеммой по поводу того — как передать это тем, кто глубоко верил в меня, как я верил в Джойю, и как не допустить, чтобы и они так же разочаровались, как я.

Но учение это имело и положительную сторону. Многие прошли через невероятно глубокие переживания в связи с тем, кто они есть на самом деле в интенсивной садхане. Они могли и не предпринять ее, не имея иллюзии извлечения энергии и передачи, необходимых для выполнения работы, которую каждый должен проделать для себя сам. Благодаря этим учениям и выходу из них многие из нас обрели больше силы и сострадания, больше открытости и способности позволить моменту быть таким, как он есть. За все это я глубоко признателен. Однако, хотя я и другие извлекли пользу из этих учений, — это сделали не все. Некоторые, казалось, были уязвлены и отошли от ее учения с отчаянием, цинизмом и тоской.

Таким образом возникает, конечно, вопрос, есть ли смысл бояться принимать учения, ведь учитель может явиться не из самого чистого места. Думаю, нам не надо этого бояться, так как часто ученик может прогрессировать очень быстро, поистине, очищение может быть значительнее, чем у его учителя, потому что намерения чище. Я получил свою кармическую проработку вследствие собственного духовного материализма. Если ваше стремление к Богу чисто, — это будет вашей силой. Тогда, хотя вы и можете на время заблудиться, в конце концов сердце ваше услышит, — что делать, и вся нечистота в вашем мире станет просто зерном на мельницу.

Линия.

Много лет я старался быть чистым эклектиком, т.е. быть верным любой традиции, когда изучал ее. И тем не менее, достаточно сильным, чтобы суметь удержать в себе их все. Сохранить их. Но что я должен был делать, что вынуждено было делать большинство из нас, — это замыкаться в сфере концептуальных группировок, так что когда ты с буддистами — ты как Будда; когда ты с суфиями — ты как суфий; с индусами — как индус; с христианами — как христианин; с хасидами — как хасид.

Несколько лет назад нашим прибежищем был монастырь бенедиктинцев, и там было сборище «больших людей»; там был сваи Сатчитананда, Аллой Уотс, Судзуки Роши, Врет Дэвид, Пир Вилайят Хан и т.д., и т.п. У всех нас была возможность продемонстрировать свою особенность, и все принимали участие. Так в 4 утра я сидел рядом со снами Сатчиданандой и мы делали дзадзен. Нам был дан коал: «Как познать свою природу будды по треску сверчка?» Затем нас учили, как должным образом ходить с тремя поклонами, преклонять колена, и всему ритуалу, чтобы попасть к Роши. А он восседал с колокольчиком и палкой. Я это делал впервые. Так что все время, пока мы сидели там «пустыми», я, конечно же обдумывал свой ответ, потому что не хотел оказаться в дураках. Я хочу сказать, что это была высшая лига, и играть в ней было совсем не просто, понимаете? Так вот: «Как познать свою природу будды по треску сверчка?» Я думал-думал и наконец нашел то, что, как я считал, прекрасно подходит. Вот я вошел, а Судзуки Роши говорит: «Ах доктор, как познать свою природу будды по треску сверчка?» И я поднес руку чашечкой к уху, как Миларепа, прислушивающийся к звукам вселенной. Я представил, что я — европейский индеец в католическом монастыре. Вот и дам ему тибетский ответ на японский коал. Я был просто в восторге от своей сообразительности. А он взглянул на меня, ударил в колокольчик и говорит: «шестьсот». И в этот момент я был весь у него в руках. Он уловил мою мелкобуржуазную личность, ориентированную на достижение. Оба мы рассмеялись.

Эти моменты единения, как с Судзуки Роши, более чем на одном плане одновременно, — очень ценны; когда встречаешь другое человеческое существо и в форме и вне формы; когда танцуешь с ним, и тем не менее свободен от привязанности к ролям в этом танце.

У меня был такой момент со сваи Муктанандой, когда он дал мне мантру, и в подземелье его храма мантра эта возвела меня на астральный план, где я вновь встретился с ним. Я посмотрел ему в глаза, и когда сделал это, я стал подниматься и летать. Когда я летал, я начал терять равновесие, старался выровняться и тут же вернулся обратно в подземелье, где медитировал. Я выполз из подземелья, как бы только что вернувшись на Землю, и встретил его в коридоре, и он сказал мне через переводчика: «Как вам понравилось летать?» и подмигнул мне. Что означало: «Мы с вами просто встретились там; и тем не менее мы здесь и мы вместе во всех этих местах одновременно». Это был такой восторг, восторг сопричастия.

Аллой Уоттс был из тех, кто очень во многом разделял то пространство двух планов одновременно, того восторга. Как Карл Юнг, который входил в эти иные сферы, иные планы реальности и выходил из них, но когда он возвращался, он говорил «Я всегда был так счастлив вернуться обратно к своей семье, к Земле, к дому своему из этих иных состояний». Но это не полная свобода, ибо быть озаренным означает, что вы ни к чему не привязаны: ни к тому, ни к этому.

И большинство людей, с которыми у меня был такой контакт, могли быть там только момент. Я никогда не знал, происходило ли это оттого, что существует возможность получить только момент, или же оттого, что я или любой из нас не был достаточно чист, чтобы быть в состоянии сохранять то пространство постоянно. Единственным человеком, который всегда был там, хотя я никак не мог определить его в пространственно-временной «установке», был Махарадж-доки. Потому что как бы высоко я ни ушел, он всегда был там, куда бы я ни взглянул — он был и его не было. Куда бы я ни ушел, я всегда ощущал его присутствие. Может, мое сердце было особенно открыто ему. Или что-нибудь еще. Что-то, касающееся его и его собственной свободы.

Так что в начале пути вы очень эклектичны. Такой была книжка «Быть здесь и теперь», она была очень эклектична... немного того, немного другого. Буддистская медитация для успокоения ума. Суфийский танец, чтобы раскрыть тело и сердце. Кое-что из Тай-Цзы, когда тело не уравновешено. Какой-то массаж, чтобы все отпустить. Мантра как направляющий девиз. Множество методов из традиционного духовного набора на выбор.

Но наступает момент, когда протяжение в вас начинает увлекать вас в направлении так называемой линии — той или иной. Их можно также назвать путями или аспектами Божьими; все они идут к Богу, но все идут путями, слегка различными. Это — ваш путь дхармы. Так, одному оптимальным путем в этой жизни было бы жениться и иметь детей, быть главой семьи, идти к Богу через свое служение в этой области. Для другого же это не было бы путем дхармы — он увел бы

его от Бога. Невозможно решить, будто есть какой-то путь, который сам по себе является совершенным для любого из вас. Однако путь есть, и в процесс настройки входит и прислушивание к тому, — что он есть для вас. И то, на что вы настроились, в конечном счете будет средством, благодаря которому вы сможете в достаточной степени покориться.

Особый путь, который является моей традицией — это то, что можно назвать Благоговеиной Тантра. В дополнение к моему Гуру реальность, в которой я действую, содержит две вещи, две главных темы. Одна из них — Мать, а другая — Бог. Вся вселенная, все ее формы, всякая форма есть Мать. Все вы — часть Матери. У Матери много ликом. Дева Мария, Дурга, Лаюшаи, Кали. Одни гневны, другие нежны. Некоторые из вас вовлечены в рассмотрение природы как Матери, т.е. Матери-природы, но если это расширить, все формы станут Матерью, и вы встанете перед интересным выбором — либо укрыть мир Матерью или закрыть Мать миром. Для меня — Мать закрывает (объемлет) мир; для большинства из вас — мир укрывает Мать. Вы захвачены в одну иллюзию и не видите другой, что скрывается за этой.

Если вы скроете Мать за миром — вы затеряетесь в мире, и машина — это машина, телевизор — это телевизор, гнев — это гнев, сомнение — сомнение, а мать и отец — это мать и отец. Если же вы покрываете мир Матерью, то всякий опыт, который вы получаете в этой жизни, есть лишь иной аспект, лик, иное качество, тон или движение Матери, и в этой реальности вы как ищущий относитесь к миру как к Матери, и ваше отношение связано с тем, как научиться любить Мать, питаться ею, взаимодействовать с нею, и наконец исчезнуть и стать Матерью.

Я покрываю мир Матерью, так что весь мой диалог со вселенной, включая собственное тело, — это все форма любви к Матери: и как дитя, кормясь у груди ее, и как любовник со своей возлюбленной, как Сита с Рамой, — это та же традиция. И это делается через мои повседневные жизненные ситуации: это тантрическая сторона, всеми моими чувствами. Мое отношение к Матери — от сердца; как и у Рамакришны к Кали. Тело мое есть часть Матери. Я вскармливаю Матерью. Я впитываю Мать. Я питаюсь у груди Матери постоянно. Мать — это шакти, сок, вибрация, энергия вселенной. Я расту внутренне со все большим и большим питанием. Я должен пожрать Мать. Я пожираю все. Я пожираю насилие, красоту. Я даже должен поглотить Кали, а равно и красоту мира. Я должен поглотить ее, не переварить так, чтобы ее больше не существовало, но сохранить в сердце своем, чтобы я признал все это.

Я поглощаю Мать, беру всю эту энергию и пользуюсь ею для того, чтобы остаться с Богом. Я люблю Мать. Я люблю вселенную. Поистине, я — невеста Божия. Ибо, поистине, эта игра — игра возврата к Богу. И говоря иначе, на языке Тантры, истинной Тантры, а не ложной, созданной человеком, это сношение с Богом. Вы становитесь и лингамом, фаллосом, и йони, влагалищем, становитесь как тем, что внедряется в Бога, так и тем, что раскрывается для приятия Бога.

В конце концов вы присоединяете его и открываетесь ему, так что есть оргазм души, не половой, но оргазм души. Вы продолжаете поглощать все это в себя и даровать все это вовне. Поток становится таким полным, он ведет вас прямо к Богу. Идти к Богу — значит идти в то, что за формой. Потому что понятие Бога, конечно, относится к Матери.

И как же быть с этим дальше? То, что не ведет вас к Богу, вы оставляете. Что же вы оставляете? Неполноценность. Вы ее не анализируете, вы просто ее оставляете. Оставляете вину. Вина вас к Богу не приведет. Оставляете гнев. Он не поведет вас туда. Хотите вы попасть туда или хотите вертеться по кругу, заниматься своей мелодрамой. Хотите ли вы ее держаться или пойти дальше с нею. Богу все равно. Вы стремитесь: вы эту книгу купили. Вы хотите покончить с этим, оставьте это, это очень просто. Потому-то Махарадж-джи сказал мне: «Рам Дасс, ты сердись?» — а я говорю: «Да». Я был очень прямым, и он сказал: «Оставь это». Я говорю: «Но...» А он говорит: «Просто оставь это». И посмотрел на меня, как бы говоря: «Я твой Гуру, и я велю тебе оставить это». Я вам скажу, если вы чувствуете себя недостойным быть, в присутствии Божьем, оставьте это, не анализируйте и не говорите: «Я намерен это оставить», сделайте это сейчас. Вот Рам Дасс, прими это. Вот Кали, поглоти это. Кали это поглотит. Кали поглотит гнев, она поглощает в вас все, что удерживает вас от Бога.

Кали является аспектом Божественной Матери, но какой матери! Она поистине ужасна. Она всколыхнет целый ад у большинства людей. Знаете, почему? Потому что они хотят держаться за то, кем себя считают. Она — огонь очищения. Она заберет у них их самих до единой крохи и останутся лишь чистые души, возносящиеся в Единое. В тот миг, когда вы не привязаны больше к своей отдельности, к своим индивидуальным отличиям, к навязыванию миру того, каким он должен быть, вы вдруг перестанете видеть эту форму Кали, вы смотрите прямо сквозь нее и видите Золотую Богиню.

Сначала, когда вы только начали этот обратный путь к Богу, вы всякий раз видите Кали, которая сталкивает вас со всем, чего вы боитесь — с бедами, случайностями; вас ограбят или изнасилуют, вы потеряете работу или случится еще что-то «ужасное». Вы скажете: «О, уйди от

меня. Я хочу счастья. Я хочу удовольствия. Я не знал, что это имеет отношение к нашей сделке». Но впоследствии, когда вы станете сознательнее в связи с тем, куда идет путь, вы скажете: «А ну, детка, дай это мне». В этот момент вы признали, что страдание — это милость. И в этот момент вы стали неуязвимы, потому что — как и что вам могут сделать?

Вы откроете способ, согласно которому страдание — это огонь очищения: что лишь тогда, когда вы заблудились в своем эго, вы проклинаете страдание свое. Когда же вы душа, жаждущая освобождения, вы пользуетесь своим страданием и пользуетесь своим наслаждением. Вы пользуетесь всем этим, чтобы прийти к Богу, чтобы освободиться. И вы начнете замечать, что страдание пробуждает вас больше, чем наслаждение. Если вы повсюду ищете страдания, тогда вас назовут мазохистом. Так что вы его не ищите, потому что это было бы нечестно на психологическом уровне реальности. Но когда оно приходит...

«Ах, рак. Замечательно. Как существо в теле, в храме души моей на это воплощение, я сделаю все возможное, чтобы его излечить, но я буду работать с раком, вылечусь я или нет, как со средством пробуждения.» Сознательное существо использует все. Ничто не отклоняется. В том числе и момент смерти, который может быть самым глубоким переживанием для развития и пробуждения, если вы готовы воспользоваться им таким образом, когда вы больше не ловитесь на свою мелодраму, — вы перестаете создавать для себя новую карму.

Отказ — это акт очищения. Таким образом весь материал, называемый Пять Препятствий, или Пять Оков: гнев, лень, апатия, возбуждение — все эти явные, и тонкие — вроде привязанности к тонкому материальному плану, астральным сущностям, — весь этот материал просто замедляет ваш путь к Богу. Вы наконец так возжаждете покончить с ним, что захотите просто избавиться от этого хлама. Вместо того, чтобы тратить годы на его анализ или лечение, как бы перелопачивая весь этот мусор, вам просто захочется с ним покончить, захочется просто все выкинуть.

Так вот. Кали явится за вами, только, если вы ее попросите, если же вы ее не попросите, она вообще не станет вас беспокоить. Но если вы ее позовете, она поставит вас лицом к лицу со всеми вашими «безобразиями», а затем поглотит ваши реакции. Но если вы пытаетесь держаться за свои реакции, тогда вы и будете в них. Это лжесвятость. Если вы действительно хотите отказаться от них, скажите: «Вот Кали, Ма, возьми это».

Если вам этот хлам не нравится, оставьте его. Можете отдать его мне: тот аспект Кали, что во мне, примет его. Я не стану за него держаться. Я отошлю его Богу, я не стану увязать в вашей карме, я ничего не возьму от вас, если вы этого не отдадите, потому что если я возьму это от вас без вашего желания его отдать, тогда — это моя проблема, моя карма. А у меня и без вас ее хватает.

Когда вы окрепнете, вы начнете воспринимать Кали в себе. Тогда вы сможете поглощать в себя все свои реакции. И таким образом поглотите в себя весь мир, все формы. Поглощенные, модели форм обращаются вновь в чистую шакти, энергию, из которой они возникли. Просто поглощаете их, как грудь сосете, все наливаясь и наливаясь. А когда вы развернетесь настолько, что весь мир будет в вас, то не будет ничего отдельного от вас, и мало-помалу вы все ближе и ближе входите сначала в присутствие Бога, а потом начнете питаться Богом. Вы действительно будете чувствовать, как это изливается вам в голову.

И всякий мирской восторг, который вы знаете, ничто в сравнении с тем экстазом и блаженством, когда тело ваше входит в самадхи, когда дыхание прекращается и вы — на краю бытия в Боге. Ибо тогда вы начинаете понимать ту сторону в себе, которая является энергией вселенной. Вся садхана, в конечном счете, становится подготовкой вашего тела, сердца, ума к получению этой энергии. Если сердце ваше не открыто, а вы пытаетесь идти к Богу, оно станет сухим и хрупким, и у вас будет много страданий.

Когда вы начнете испытывать такое большое давление со стороны шакти, то причина — отчего вы его испытываете, — в том, что шакти не в равновесии с любовью. Как вам быть с этим давлением? Вдыхать и выдыхать через сердце. Начните ощущать поток и откройтесь, потому что вы слишком засушились; откройтесь сокам вселенной, возлюбите Мать и питайтесь от груди ее. С этим раскрытием и потоком вы сможете принять в десять раз больше шакти. Вы всегда ведома шакти, следуйте за любовью, следуйте любви. Степень этого определяется глубиной вашей мудрости. Они друг друга уравнивают, пока наконец не сольются вместе. Потому что любовь — величайшая сила.

Это процесс вхождения в самадхи, наполнения, а затем возвращения на физический план. В конечном счете игра состоит в том, чтобы вы были в так называемом сахадж самадхи; со всяким Вдохом и выдохом питаетесь от Бога, затем на выдохе питаете человечество. С каждым вдохом все обратно вбираете в себя, между вдохом и выдохом нектар изливается на вас, на выдохе возвращаете это обратно в свое воплощение: это акт облегчения страдания. Так что в конце концов вы придете к «Не моя, но Твоя воля да свершится», вы станете проявленной милостью

Божией; вы приготовитесь. Вы приготовите себя, чтобы стать инструментом передачи света. Потому что, попросту говоря, без Бога не стоит жить. Это очень просто.

Так что в конечном счете каждый находит свою линию, свой путь. И когда вы приходите к этапу призывания: «Боже, узнай меня. Дай мне озарение», «Хочу Нирваны», или как бы вы ни сказали, в этот момент вы призываете своего духовного лидера или Гуру, которого можете не знать, а можете никогда и не узнать вплоть до момента озарения. Эта Сущность может быть Христом, может быть любой из множества Сущностей, и не обязательно на физическом плане. Фактически, для большинства из вас ваш подлинный Гуру, ваш Сат Гуру — не на физическом плане.

Ваш Гуру будет направлять вас в той степени, в какой вы искренне просите, через одно обучение за другим, некоторые из них будут в форме учителей ситуаций или переживаний. И когда вы поверите, что находитесь в определенном отношении к своему Гуру, вы постоянно будете учиться, как внутренне просить Гуру, вслушиваться и настраиваться на осознание присутствия вашего руководителя, позволять Гуру направлять вас, и начнете видеть, как каждая ситуация даруется вам вашим Гуру, чтобы привести вас домой. Ваш Гуру или руководитель представляет уникальную и особую линию. Христос представляет линию. Падма Самбхава представляет линию. Кочиа (американский индеец) представляет линию. Авраам представляет линию. Это не обязательно линии, тождественные какой-то особой религии. Многие из высших сущностей воплощались сквозь все времена и в разных религиях. И нисходили одни и те же линии, так что какая-то Сущность могла представлять линию, которая проявлялась в тибетском буддизме, в индуизме, в иудаизме, в христианстве. Точно так же, как Лука отличается от Иоанна, от Павла и от Петра, как Миларепа отличается от Тилопы, Желтые Облака от Кочка в традиции святых у американских индейцев. Разные цадики в мистической традиции иудаизма представляют разные линии. В Талмуде разные раввины представляют разные линии. В конечном счете вы пройдете по своей особой линии. Или у вас может и не быть руководителя в форме, вы можете быть «адвайт» — т.е. недуалистом, бесформенным, что, в конце концов привлечет вас, быть может, к дзэн буддизму или к докна-йоге. И вы в конце концов начнете входить в какую-то линию не потому, что интеллект ваш вам говорит «как это интересно», не оттого, что это приятное общество и вам нравится, как они одеваются, а потому, что путь этот привлекает вас. Это ваш путь.

И когда вы настроитесь на эту линию, ваше восприятие меняется, и вы начинаете отмечать изменения в форме и в отношении. Вы заметите учителей, которых никогда не замечали прежде, вы заметите, что с вами будут люди, которых вы никогда не замечали прежде; весь процесс начнет заметно сужаться, и вы станете выходить прямо на то, что теософы зовут «лучом, исходящим от Бога». Даже благоговейная работа с понятием «Бог» есть луч. Ибо погружение в Бога — это погружение туда, где нет Бога, потому что это — за понятием Бога. Где нет Бога — это как раз и есть состояние Нирваны. Но знание, что все пути ведут к цели, не снимает требования, что рано или поздно вам придется принять то или иное обязательство. Акт покорности необходим.

И вы проходите эту линию. Линия, которая определена правильно, в которой учитель — Свободная Сущность, — это такая линия, которая в конце концов катапультирует нас на другой край; она предназначена не для того, чтобы провести вас через себя и освободить вас на другой стороне. Менее подлинное для вас учение какой-то линии заманивает вас в эту линию, делает вас буддистом, христианином или индуистом, а не Свободной Сущностью, так как если люди, которые ведут вас, не отличаются полным единением, они привязываются к учреждению, а не к истине, на которой основывается это учреждение, а учреждения разъедаются, если они не питаются постоянно Духом Живым. А Дух Живой протекает лишь через тех, кто им является. Вы можете стать организующим руководителем группы на каком-то этапе пути, но если вы знаете, что этого недостаточно, имейте честность оставить это. В конце концов вы выйдете из этой линии с другого края и признаете, что через суфиев, евреев, христиан, буддистов, индуистов, зороастрийцев, через одну линию за другой являлись Сущности, которые стали Духом Живым. Тогда, как Рамакришна, вы испробуете их все, не из нужды, но от признания, чтобы оценить универсальность идей. Подлинный учитель в совершенном смысле — это тот, кто является утверждением кульминации всех путей, если даже форма, в которой он или она проявляются, может быть средством передачи определенной линии. Рамакришна в конце концов был средством на пути поклонения Матери. Но когда он завершил свое дело, хотя он и остался на пути поклонения Матери, он был целиком и полностью в состоянии не двойственности, был за Матерью. Таким образом, в начале — эклектизм, в конце — универсальность, а в середине — линия.

Направляемая медитация.

(Читать вслух духовному другу как направляемую медитацию)

Сядьте прямо, чтобы голова, шея и грудь были на одной прямой линии. Начните с сосредоточения в области сердца, посреди груди, где находится Анахата — духовное сердце. С закрытым ртом вдыхайте и выдыхайте из груди, сосредоточившись на сердце, как будто вы вдыхаете и выдыхаете через сердце. Дышите глубоко.

Вследствие чистоты нашего стремления здесь присутствуют многие невероятно высокие сущности, а с ними приходит много духовной субстанции, из которой производится всякая форма. Можете представить себе эту субстанцию как золотистый туман, который наполняет воздух. С каждым вдыханием не просто вдыхайте воздух; представьте себе, что втягиваете в себя эту золотистую субстанцию. Наполняйтесь ею, пусть она протекает через все ваше тело.

Вдыхайте энергию вселенной, шакти вселенной. Вдыхайте дыхание Божье. Пусть оно наполняет все ваше тело. Всякий раз при выдохе выдыхайте из себя все, что удерживает вас от познания подлинного «я», выдыхайте всю отдельность, всякое чувство неполноценности, всякую жалость к себе, всю привязанность к своему страданию, физическому или психологическому. Выдыхайте гнев, сомнение, жадность, вожделение и замешательство. Вдыхайте дыхание Божье и выдыхайте все помехи, которые вас удерживают от познания Бога. Пусть дыхание это будет преображением.

Теперь пусть этот золотистый туман, который излился в ваше существо, сосредоточится посреди груди, пусть он примет форму крошечного существа — с большой палец, — сидящего в цветке лотоса прямо посреди вашего сердца. Отметьте его невозмутимость, сияние, которое делает его ярким от света, исходящего изнутри. Пользуйтесь воображением. И, глядя на это существо, осознайте его сияющий свет. Увидьте, как свет истекает из всех его пор. Медитируя над ним, воспримите тот глубокий мир, который излучается от этого существа. Ощутите, глядя на это существо, что это Сущность огромной мудрости. Оно сидит тихо, спокойно, в совершенном равновесии. Ощутите его сострадание и любовь. Позвольте себе наполниться его любовью. Теперь пусть это крошечное существо постепенно вырастает в размерах, пока не заполнит ваше тело, так, что его голова как раз заполнит пространство вашей головы, его торс — ваш торс, его руки — ваши руки, его ноги — ваши ноги. Так, чтобы теперь под кожей вашего тела сидело это существо, сущность с бесконечной мудростью, сущность с глубочайшим состраданием, сущность, которая купается в блаженстве, блаженстве, им самим изливаемом, сущность света, совершенного покоя. Пусть это существо в вашей коже начнет расти в размерах. Ощущайте себя растущим, пока ваша голова не достанет до потолка, а вы будете сидеть под полом и все существа, собравшиеся в этой комнате, находятся в вашем теле. Все звуки, даже звук моего голоса, исходят изнутри вас. Чувствуйте свою огромность, мир, невозмутимость.

Продолжайте расти. Голова ваша уходит в небо, синева вокруг, пока весь ваш горал все ваше окружение не окажется внутри вас. Посмотрите внутрь себя и почувствуйте положение человека, взгляните на его одиночество, радость, заботу, взвинченность, страх, любовь матери к ребенку, болезнь, страх смерти, узрите все это. Осознайте, что все это внутри вас. Взвешивайте на все это с состраданием, с заботой и в то же время с невозмутимостью, чувствуя, как свет истекает через ваше существо внутрь и наружу.

Теперь вырастайте еще больше, чувствуйте, что ваша огромность возрастает, пока ваша голова не окажется среди планет, а вы сидите посреди этой галактики, и Земля лежит глубоко вас в животе. Все человечество — внутри вас. Почувствуйте тревогу и тоску. Ощутите красоту. Восседайте в этой вселенной, — безмолвный, огромный, мирный, сострадающий, любящий. Пусть все творения умов человеческих будут в вас; смотрите на них с состраданием.

Продолжайте расти, пока не только эта галактика, но и все галактики не будут в вас, пока все, что вы можете себе представить, не будет в вас. Все это внутри вас. Вы — единственный. Ощутите свое одиночество, свое безмолвие, покой. Ни одного иного существа, все планы сознания — в вас.

Вы — Предвечный Единый. Все, что когда-либо было, есть или будет, входит в танец вашего существа. Вы — всё во вселенной и таким образом обладаете Бесконечной Мудростью, вы оцениваете все чувства мира, так что обладаете Бесконечным Состраданием. Пусть границы вашего существа теперь распадутся, погрузитесь в то, что за формой, и момент посидите в бесформенности, по ту сторону сострадания, любви, Бога... Пусть все это будет, в совершенстве.

Теперь очень мягко, очень медленно пусть восстановится форма границ вашего огромного существа, Единого. Вы огромны, вы безмолвны, все внутри вас. Вернитесь от Единого и медленно уменьшайтесь в размерах, сойдите через вселенные в эту вселенную, пока голова у вас снова не окажется среди планет, а Земля — внутри вас. Пока голова снова не окажется в небесах, а города не будут внутри вас.

Уменьшайтесь в размерах, пока голова ваша не будет под потолком этой комнаты. Остановитесь там на мгновение. С этого места взгляните вниз в комнату и найдите то существо,

которым вы себя считали, когда начали эту медитацию. Взгляните на это существо, содействуя ему всей своей любовью и состраданием. Взгляните на путь этого существа, как оно изживает это воплощение, взгляните на его положение, страхи, сомнения и отношения. Взгляните на все, к чему оно привязано, что удерживает его от освобождения. Посмотрите, насколько близко оно к пониманию того, кто оно есть. Загляните внутрь этого существа и узрите чистоту его души.

В этот момент склонитесь со своей высоты и очень мягко, очень деликатно, с умом, положите нежно руку на голову этому существу и даруйте ему свое благословение, чтобы оно здесь, в этой жизни, могло вполне познать себя. В этот миг вы — и тот, кто благословляет, и тот, кого благословляете. Воспринимайте обоих одновременно.

Уменьшайтесь теперь в размере, пока не окажетесь снова в теле, которым вы себя считали, когда начинали. Вы — все еще плоть, окружающая существо сияния, мудрости, которая исходит от Сущности того огромного Единого, сострадания, которое исходит от Сущности, сонстроенной с истиной, и любви ко всему. Ощутите любовь и мир, истекающие из вас. Воспользуйтесь светом, который исходит через вас теперь, для передачи энергии, этого благословения всем существом повсюду. Станьте мягким и пошлите мир и любовь всем, кто страдает.

Подумайте обо всех людях, которых вы скорее чувствовали, чем любили, взгляните им в души и окружите их светом, любовью и миром в данный миг. Оставьте гнев и осуждение. А затем пошлите свет любви и мира тем, кто болен, одинок, кто боится, кто потерял путь свой. Поделитесь своими благами, потому что только когда вы даете, вы можете продолжать получать. Когда вы вступите на этот духовный путь, вы должны принять ответственность и делиться тем, что получаете, ибо это принадлежит гармонии Божьей, чтобы вы стали инструментом проявления вали Божьей.

Теперь пусть это сияющее совершенное существо вновь примет свою уменьшенную форму, величиной в палец, сидящее на цветке лотоса в сердце вашем, в вашем духовном сердце в середине груди, сияющее светом, мирное, безмерно сострадательное. Это существо есть любовь, существо это — мудрость. Это внутренний Гуру, это Сущность в вас, которая всегда знает. Это будущность, с которой вы встречаетесь через все более и более глубокую интуицию, когда выходите за ум свой. Эта Сущность — поток вселенной, малейшая форма всей вселенной, которая в вас есть. В любое время вам надо лишь сесть и успокоить ум, и вы услышите эту Сущность, направляющую вас домой. Когда вы завершите этот путь, вы исчезнете в этой сущности, покоритесь, исчезнете и тогда узнаете, что Бог, Гуру и «Я» суть одно.

Вопросы и ответы.

Я действительно хочу быть хорошим йогом и очень стараюсь очиститься. Но это так трудно. В чем дело?

Очищение — это акт отказа. В одном из Евангелий упоминается, что люди не должны ходить с постными лицами, чтобы познать Бога.

Есть некий вид праведности и серьезности, которая тихо появляется в тот момент, как вы решите заняться духовной практикой. Где вдруг оказывается, что это дело серьезное, и вы должны быть так или иначе как бы «туго затянутым». Вы можете обнаружить, что, хотя это хорошо выглядит снаружи, изнутри это начинает ощущаться как-то противно. И бывает, что чрезмерные их усердствования останавливают поток. Есть немало людей, которые действительно хорошо умеют медитировать, отлично «сидят», и ум у них очень успокаивается. Но они не свободны. Потому что они оттолкнули форму, оттолкнули землю, они оттолкнули сердце, оттолкнули поток.

Если я вообще понимаю что-нибудь в этой игре, то эта игра чрезвычайного равновесия. А равновесие можно понимать в разных системах. К примеру, в традиции южного буддизма, есть три компонента, которые всячески подчеркиваются. Один называется — шила, другой — дхьяна и третий — праджня. Шила — это очищение: не убий, не укради, не лги, надлежащая речь, надлежащие средства существования и т.д. Дхьяна — это сосредоточение и внимательность. А праджня — это верное понимание, и верная мысль, или мудрость, связанная с этим. Теперь, если посмотреть — как игра эта работает с этими тремя компонентами — очищением, сосредоточением и мудростью — вы увидите, что вы даже и не начнете этот танец без хотя бы малой доли мудрости. Вы должны понимать хоть немного — что это за игра, чтобы даже просто сесть и по медитировать. Таким образом, у вас есть немного праджня, и тогда вы пытаетесь осуществить дхьяну, сосредоточение. Но всякий раз, как вы пытаетесь сосредоточиться, все ваши желания, все ваши связи с миром и привязанности к нему давят на вас все время. Таким образом, вы вынуждены немножко очистить свою игру это называется шила — очищение. Вы немного очищаете свою игру, и тогда медитация ваша уходит немного глубже. Когда ваша медитация

немного углубляется, вы становитесь спокойнее и способны больше понимать мир, так что углубляется мудрость и вы понимаете больше. Более глубокая праджня делает легче отказ от некоторых привязанностей, таким образом это облегчает возрастание шилы. А возросшая шила дает углубиться дхьяне. Таким образом, вы видите — как эти три вещи переплетаются друг с другом. Это прекрасный акт уравнивания.

Точно так же в моей конкретной линии есть уравнивание, которое можно понимать иным образом. Один способ говорит о сердце и уме, т.е. о потоке и покое. Другое уравнивание — о форме и о бесформенном. Выражая это иначе — говорим о Матери и Отце. Еще один способ выразить равновесие — сказать о шакти и любви или о силе и потоке. У некоторых бывают симптомы шакти — давление в голове, дрожь, возбуждение, судороги, тошнота, боли в спине, разные симптомы вследствие отсутствия равновесия. Потому что вы оказываетесь слишком в сфере шакти без потока. Но вы начинаете уметь диагностировать собственные препятствия в своем теле, в своем существе, чтобы определить, — что же не в равновесии, — и вернуться в поток. Потому что обретение сил, йогических сил — сиддхи, без любви, без потока, без сострадания сделает вас просто таким же захватчиком сил. Общество наше полно людей, обладающих сиддхами, у них есть сила интеллекта и сила ума для управления другими. А сострадания там нет.

С другой стороны люди, у которых есть поток, много любящего потока, но нет силы, шакти, нет контроля, дисциплины, нет единонаправленности, склонны стать слабыми и сентиментальными. Они как мягкая почва, в них нет ничего твердого и этот недостаток твердости позволяет им только пройти немного, и они опять падают. Нет стержня в этом процессе.

Ко всей садхане подходить надо с твердостью и с легкостью. Не с истеричным «ха-ха-ха», а с легкостью, восторгом, радуясь свету всего этого, делая это легким. Вспоминаю цитату откуда-то: «Ангелы могут летать, потому что принимают себя легко». Люди склонны очень запутываться в своей мелодраме, романтизируя свой духовный путь. «Я иду к Богу». Они склонны принимать себя весьма всерьез. Они приобретают себе родословную, начинают выглядеть, как йоги и пахнуть, как йоги, и выступают, как они представляют себе йогов, у них есть целый образ себя, становящегося йогом. От всего этого придется отойти. Вы вернетесь в настоящий момент. Вы есть то, что есть. Вы оставите эту романтическую легенду собственной важности. Потому что она лишь удерживает вас от того, чтобы быть тем, кто вы действительно есть в данный момент. Это самосознание.

Я как раз хотел бы отметить, что праведность, будучи очень «хороша», не обязательно приведет вас к истине. Если вы сочетались с истиной и погрузились в нее в смысле бесформенности, тогда вы будете праведны. Это вроде Десяти Заповедей. Вы можете исполнять их на «тетушкином» уровне с гневом в сердце, праведностью и страхом наказания, или же можете войти в пространство собственной сущности в связи с Богом, где вы смотрите и видите — почему все вещи таковы как они есть; и это просто истекает из вас и вы уже не можете действовать способами, которые создают карму или взваливать пути на других людей. Тогда вы начинаете понимать десять заповедей с иной уже точки зрения. Праведности, исходящей от Истины, а не от истин.

«У моего сына возникло невротическое состояние, которое несколько беспокоит жену и меня, что нам делать?»

В той степени, в которой вы свободны от привязанности к тому, как все у него должно быть, и к своей отцовской власти, оставаясь тем не менее хорошим отцом — я не говорю о снятии ответственности за присмотр и выживание, просто не впадать в «отцовство», — вы сможете увидеть его как сущность — изживающую определенное воплощение, в котором выявляется эта форма невроза. Благодаря контакту с этой сущностью за этим неврозом она сможет остановить его, когда будет готова его оставить.

Мое понимание того, как растет ребенок, состоит в том, что вы разводите сад, а не выращиваете этот цветок. Вы только можете удобрить почву и поддерживать ее мягкой и влажной, и тогда цветок растет как только может. Вы создаете атмосферу своим сознанием, которое определяет — проникает ли эта форма невроза глубже в ребенка или же будет восприниматься как нечто такое, что может быть сброшено, когда придет время. Если вы определяете эту сущность как «своего ребенка, у которого это состояние», и это самая значительная реальность взаимоотношений между вами и ребенком, то закрепляете его в таком состоянии. В тот момент, когда вы видите его как душу, воплотившуюся в ситуации, в которой он прорабатывает этот материал, — он волен оставить его, когда будет нужно, потому что вы не привязаны к тому — есть он у него или нет.

Это очень интересно, потому что люди вечно чувствуют себя виноватыми, будто они недостаточно сделали для своих детей, и склонны впадать в замешательство такого рода. Вы не измените жену свою или ребенка. Вы просто продолжаете работать над собой, пока не будете

настолько ясным зеркальным отражением, таким оплотом любви для всех этих существ, что всякий волен будет оставить этот материал, когда захочет. Жена ваша — свою озабоченность, ребенок — то состояние. Вы создаете атмосферу, в которой люди могут расти, когда они готовы расти.

Трудность в том, что дитя и родитель могут быть на весьма различных уровнях эволюции в смысле возраста их бытия. Ребенок может быть гораздо старше, чем родитель, или много моложе в эволюционном смысле. Множество старых сущностей рождается в настоящий момент в нашей культуре. Они стремятся принять рождение в сознательной среде. Так у некоторых из вас дети, которые не особенно желают воплощения, т.к. они почти уже за ним. Они просто осуществляют небольшую очистительную операцию.

В тот момент, как вы «принимаете» существа как души, а не личности и тела, вы не так сильно привязываетесь к воплощению. Вы понимаете его функцию и не требуете, чтобы воплощение было иным, чем оно есть. Вы поймете, что рождения избираются сознательно, чтобы проработать специфические кармические нужды и не так уж погружаетесь во всю мелодраму на этом плане.

На каком уровне реальности вы взбираетесь — дело очень мудреное. Сила сознательных сущностей в том, что они не используют один план против другого. Они сохраняют все эти уровни сознания одновременно. Так что кому-то доведется, скажем, увидеть кого-то на носилках и они в страшной панике; и на одном уровне реальности я могу понимать, что они проделывают огромную работу в этой жизни, а на другом: «Боже, этот человек так страдает, могу ли я что-нибудь (делать, чтобы облегчить это страдание?») И оба в один и тот же миг сознательно. И если какого-то человека привело ко мне, и он говорит «Я хочу пробудиться в этой жизни; Рам Дасс, помоги мне». Я ему скажу «Да, вы действительно сожалеете о себе. Вы действительно обрели хорошее рождение; вы вычищаете много материала. Давайте поработаем над тем — как превращать боль». А если он этого не скажет, но нам просто довелось встретиться, как с чьей-то теткой или как-нибудь еще, я скажу «Боже, поистине жестоко так страдать. Вот вам таблетка» или же: «Есть ли у вас нужные медицинские средства?». Или: «Что я могу сделать для вас?»

Очень интересно — как ты обходишься с проблемами и состраданием, в зависимости от того — какой план сознания преобладает, хотя никогда не забываешь и другого плана. Сильное сознание сохраняет все это в одно и то же время. Вы делаете все возможное, чтобы помочь сыну почувствовать себя более любимым, спокойным, чувствовать поддержку, помочь ему избавиться от этого невротического состояния — и в то же время вы не привязаны и понимаете, что это изживается кармой этой сущности и работаете над собой, пока не будете совершенной средой для этой сущности и работаете над собой, чтобы она могла делать то, что ей нужно сделать.

Как вы толкуете сны?

В общем, я склонен предположить, что в этом танце вы не слишком много делаете аналитической работы, потому что ум ваш выкидывает слишком много трюков. Если сон имеет непосредственный смысл, который воздействует на вас эмоционально, поработайте с ним. Он может дать вам какой-то ключик к чему-то, что вам нужно было понять о себе самом. Прекрасно.

Но если вы говорите: «Интересно — что это значит?» — оставьте это! Это относится к той категории вещей, что когда вы готовы знать — вы будете знать. Не сидите и не анализируйте, не давите и не занимайтесь этим. Все это имеет смысл. Все это работа, которую вы проделываете на иных планах. Это важно в духовном отношении, но вам не обязательно понимать это.

Вы существуете в данный момент одновременно на многих планах.

Единственная причина, что вы не знаете других своих тождеств — в том, что вы так привязаны к этому тождеству. Но то или это — не теряйтесь, не увязайте нигде, все это просто еще материал. Идите на прорыв, пробуждайтесь совсем.

«Вы говорите, что любая жизненная ситуация является каким-то совершенным уроком как это так?»

Мир состоит из опыта, который предназначен для того, чтобы сжечь вашу реактивность, которая является вашей привязанностью — к боли, удовольствию, страху, ко всему этому. И пока есть какое-то место, где вы уязвимы, мир найдет способ столкнуть вас с ним лицом к лицу. На то и весь этот танец. Поистине есть миллионы и миллионы стимулов, которых вы даже не замечаете, которые проходят мимо, на всех планах существования, во всякое время. Причина того, что вы их не замечаете — в том, что в вас нет к ним привязанности. Желания ваши влияют на ваше восприятие.

Каждый из нас живет в своем собственном мире, созданном нашими проецируемыми привязанностями. Это и имеется в виду, когда говорится: «Вы создаете свой мир». Вы создаете этот мир из своих привязанностей, которые возникают как результат того, что вы боитесь и избегаете увидеть самого себя как вы есть на самом деле. Так, вы все более и более сжигаете свою реактивность и заявляете: «Так, и эта ситуация, и эта. И эта тоже, и эта, и эта». Тогда они начинают утрачивать свое притяжение и отпадать.

И вы приходите к тому, что вполне хотите делать то, что делаете. И делаете это в совершенстве. Как Махатму Ганди посадили в тюрьму, выдали ему зашивленную униформу и велели чистить нужник — и все дела! А он подошел к начальнику стражи и сказал искренне: «Спасибо». Он не делает вид и не возвышает их. Он говорит: «Вот это обучение и я его получаю, спасибо». Вот что занятно — вы приходите к тому, что кто-то взваливает на нас какое-нибудь тяжелое дело и вы ловитесь, а потом вы смотрите через эту свою взваленность и говорите: «Спасибо». Вы можете не сказать этого вслух, потому что это слишком вызывающе. Но вы чувствуете благодарность. Люди возникают, они буйны или гневны и или пишут вам мерзкие письма или делают еще что-то, чтобы выразить свои обманутые ожидания, гнев или соперничество, и все, что я могу сказать на это — спасибо.

Когда какой-то угнетатель или гнетущая экономическая система заставляют людей страдать, мне кажется, недостаточно любить того, кто угнетает, одинаково с тем, кого угнетают. Кажется, если бы кто-то действительно любил их, то заявил бы об этом. Боюсь, что многие из нас, идущих, чувствуют, будто больше не нужно выступать с критикой такого рода.

Он поднимает вопрос о нашей социальной ответственности за политическую несправедливость, социальную несправедливость... где наша ответственность? Достаточно ли медитировать? Достаточно ли стать любящим человеком?

Ну, затруднение ваше таково — мы находимся в воплощении. Мы не можем убедить себя, что это не так. Мы должны уважать вытекающие отсюда обязанности, которые соответствуют этому воплощению, мы должны уважать родителей, политические единицы, социальные единицы, и работать в форме для того, чтобы облегчить страдание — на каком бы уровне мы его не обнаружили. Далее, особые трудности возникают, когда видишь в мире какую-то несправедливость, если привязан к гневу своему в связи с этим, или привязан к тому, что это должно быть как-то иначе, если даже работаешь над тем, чтобы с нею покончить.

В Йоге Патанджали сказано, что не будет ни дарования, ни получения. Значит ли это, что никто не будет дарить, и никто не будет принимать? Нет. Это значит, что когда вы дарите, вы не привязаны к тому, что вы даритель. Таким образом, вы не вынуждаете другого быть получателем. Политическая несправедливость — это наша политическая несправедливость. В мире нет никаких «они». Есть только «мы», более или менее чистые. И мы как коллектив должны очищать себя. Каждый индивидуум должен уловить свою дхарму, т.е. тот путь, которым должно проходить проявление для того, чтобы облегчить страдание. Пока вы не станете озаренным, вся деятельность должна быть упражнением в работе над своим собственным сознанием. Формы же могут быть различны. Если, например, ко мне приходит кто-то, как мой друг Вейви в прошлом году, и заявляет кие, что всего десять центов нужно, чтобы человек в Биафре не умер, то его приход и заявление создает ситуации в которой я сейчас существую. Ситуация эта требует от меня соответствующего поведения, чтобы сделать то, что я могу — вот я и делаю доброе дело — достаю деньги, чтобы накормить голодающих детей Биафры. Если б Вейви мне не сказал этого, я, вероятно, этого бы и не сделал.

Вы не можете уйти от жизни на этом плане. Я, например, чувствовал, что для меня будет в дхарме — в данное время участвовать в политической жизни. Я поддерживал Джерри Брауна, когда тот стремился в президенты, т.к. чувствовал, что он человек более сознательный. А мне хотелось бы видеть сознание в правительстве.

Есть тысяча и один способ, которым человек бывает несправедлив к своему согражданину. Как вы будете работать во изменение? Каков ваш конкретный путь дхармы? И когда вы работаете для облегчения страдания, будете ли вы осторожны, чтобы тот способ, которым вы это делаете, не создавал в конечном счете больше страдания? Будьте сознательны. Поскольку вы еще не вполне озаренный человек, все, что вы делаете, должно делаться как работа над собой. В то же время вы должны прислушиваться, чтобы уловить — какую форму должны принять ваши усилия для облегчения страдания.

Вы можете работать в яслях, можете просто помочь пожилой женщине перейти улицу, можете поехать и воевать в Израиле, можете вступить в Корпус Мира, можете включиться в общественное служение, поехать в Вашингтон и активно участвовать в политике, работать в бесплатной больнице, стать концертным гитаристом. Можете воспитывать детей своих с большой любовью и сознанием. Мы не в состоянии судить друг друга. Каждый должен уловить свой путь дхармы. То,

что вы ощущаете, как самое важное, кто-то иной может не считать самым важным. Мы входим в очень сложное общество. Оставайтесь в мире, играйте свою роль, воспитывайте своих детей, заботьтесь о питании, примите ответственность свою на всех уровнях. Делайте все это как работу, которая ведет вас к Богу. Ибо пока вы не с Богом, всякий акт, который вы осуществляете, будет и освобождать и улавливать. И если вы действительно заинтересованы в прекращении страдания, вы признаете, что конец страдания — это полное сознание. А человек может помочь другому стать сознательным, только если человек этот сам сознателен.

Именно поэтому мы в первую очередь забыли Первую Заповедь, мы теперь сталкиваемся со всем этим. Так что сейчас мы — в процессе воспоминания. Это очень просто. Вы улавливаете?

«Как лучше всего поступать с оценивающим умом?»

Наблюдайте за ним. Следите, как он делает свое дело. Вот опять суждение. Очень просто. Если вы работаете с символом Матери, можете жертвовать его Матери. Если вы работаете над медитацией, вы просто возьмите свой основной объект медитации, который может быть слежением за дыханием, а затем всякий раз, как возникает какая-то мысль-суждение, отметьте — «мысль-суждение» или как-нибудь в этом роде, а потом вернитесь прямо к дыханию. Это просто еще одна мысль. Мысли облачаются в шелка и всякую мишуру и заявляют: «Я не просто еще одна мысль... Я — ты», — понимаете? — «Я настоящая». Это суждение — настоящая, реальная мысль. Но это просто еще одна мысль. Вся эта игра — просто мысль.

«После действительно хорошей медитации я чувствую, будто я не в теле».

Вероятно, да: это верно. Я честно признаю, что я из суровой школы. Я не собираюсь вас оберегать от столкновения с нашими привязанностями. Причина того, что вы не в теле — в том, что вы не хотите возвращаться в тело. Вы привязаны к высокому. Отлично. Разберитесь в этом. Если вы сознаете это настолько, чтобы сказать мне, вы видите свое затруднение. Я думаю, что кормясь с ложки, не пройдешь. Махарадж-джи позволил мне войти в состояние погружения, где тело сотрясало, а дыхание совсем прекратилось, потом сказал переводчику «Спроси Рам Дасса — сколько зарабатывает Стив». Я пытался его игнорировать, но он требовал, чтобы я вернулся немедленно. Через некоторое время научаешься контролю, можешь делать все это. Нет никакой нужды защищаться от самого себя. Просто видишь свои привязанности.

«Почему все это началось? Почему мы оставили Бога, прежде всего?»

Этот вопрос — вопрос последний, и ответ Будды на этот вопрос был таким: «Это не ваше дело». И это не шуточный ответ. Он заявляет, что ваш субъектно-объектный ум не может знать ответ на этот вопрос. Это ответ, которым вы можете быть, а не знать, так как для того, чтобы это знать, вы должны были стать тем, с чего это возникло, но вы этим не являетесь, поскольку вы задаете этот вопрос. Это один из тех абсурдов, на которые вы ловитесь. Есть дюжина разных ответов, и все они в равной степени реальны и нереальны. Вы можете сказать, что Бог принял форму, чтобы познать самого себя, что он должен был разделить, чтобы себя узреть. Или же можно сказать, что поскольку на ином уровне реальности времени нет, то ничего и не произошло. Это тоже реальный ответ. Все это — обоснованные ответы на том или ином уровне реальности. Всякий уровень имеет свой ответ на этот вопрос, но, поистине, вопрос этот непознаваем, пока вы не вышли за пределы своих уровней, потому что любой ответ, который вы даете, просто питает ваш ум с того или иного уровня, и все они лишь относительно верны. Сейчас все это звучит так, будто это вопрос неподходящий. Вы продолжаете спрашивать, но ответа не получаете. Я имею в виду — не только от меня, вы просто не получите ответа.

«Что такое шакти?»

Шакти — это универсальное вещество, материал, из которого все возникает. Все здесь есть шакти, все это просто шакти, формы шакта. Это вещество вселенной, тоньше квантов энергии. Вы можете ее игнорировать, если ваш метод не заключается в сосредоточении на энергии, или же можете работать с нею, вбирать ее, мобилизовать, направлять и использовать ее как силу. Вы можете пользоваться ею точно так же, как пользуетесь электричеством, точно так же можете ее накапливать, она сгущается точно так же, за исключением того, что она гораздо тоньше. Вы можете ее вбирать, вбирать и вбирать, и будете испытывать новые сферы восприятия и новые силы. Пока не все у вас будет в порядке, вы будете подвергаться или вынуждены будете покориться все возрастающей интенсивности энергии, пока она не станет как вся энергия вселенной, и в той мере, в какой есть в вас нечистота, страх или тело у вас не содержится в хорошей форме, когда вы начнете настраиваться на эти более высокие энергии, вы действительно можете нарушить свой контур, или получить тяжелое потрясение. Когда вы видите людей, которых трясет, все это — дело скачущей энергии, этого быть не должно. Это оттого, что человек пытается подключить 220 вольт в систему на 110 вольт. Процесс очищения — это подготовка себя как приемника к обращению со все большей и большей энергией, большей и большей любовью, а для

этого нужны все более и более спокойный ум, все более крепкое тело и все более открытое сердце.

Есть много разных традиций, и некоторые из них очень сильно ориентированы на шакти; Кундалини-йога, например. Другие же признают и используют эти энергии другим образом. Когда вы просто работаете с шакти, вы приобретаете огромную силу. Но если эта шакти не уравновешена в совершенстве мудростью, успокоенным умом и любовью, она может быть крайне разрушительна. Аналогичным образом, если вы только работаете над интеллектом и успокоением ума как в некоторых системах йоги, и вам недостает открытости сердца, путь ваш становится сухим и зыбким. И хотя вы примете Бога, вы не примете Его в полноте. Под такой полнотой я подразумеваю — в цельном потоке, открытой текучей связи с миром. В конечном счёте неважно, каким методом вы пользуетесь для обретения очень ровного баланса между вашей энергией, сердцем и умом.

«Как на духовный путь действует ЛСД?»

Моя первая борьба с этим происходила в переписке с Меером Баба еще в 1965 г., и он заявлял, что очень немногие могут пользоваться им положительно, многих же людей это приведет к безумию. А я писал: «Это странно, Меер Баба, но единственная причина, по которой я прочел ваши книги, — в том, что я принимал кислоту, и это верно для многих ваших последователей в Америке». А он ответила «Я знаю, вы — хороший человек, и для немногих это может быть полезное но для большинства — не полезно; и вы можете принять его еще три раза». Ну, я не послушался Меера Баба, я принимал его гораздо больше. Затем в 1967 или в 1968 году Махарадж-джи спросил меня о том «лекарстве», которым я пользовался на Западе, и принял 900 микрограмм, как вы можете знать из книги «Быть здесь и теперь». С ним не случилось ничего впечатляющего. Должен признаться, несмотря на то, что ничего не произошло, я испытал некоторое сомнение. Я думал — может, он выбросил ее через плечо, может, она никогда и не была у него во рту, все произошло так быстро, а когда ты рядом с таким человеком, ты так изумлен, — кто знает. Так что у меня было некоторое сомнение, но я вернулся и всем рассказал, что он принял 900 мкг. В 1970, когда я был в Индии в другой раз, он сказала «Рам Дасс, давал ли ты мне лекарство, когда был в Индии в прошлый раз?» — «Да» — «Принял ли я его?» — говорит он с лукавинкой в глазах. «Да», — говорю, — «По моему, да». «И что же случилось?» — спрашивает он. А я говорю: «Ничего, Махарадж-джи». Он говорит: «Жид! Жид! Ао! Уходи прочь». На следующее утро он говорит: «Есть у тебя еще?» Тогда я принес все, что осталось, и он принял 1200 микрограмм на этот раз. Он брал каждую таблетку и совал себе в рот, убеждался, что я вижу, и разжевывал их. Затем он сказала «Можно выпить воды?» — «Да», — говорю, а он спрашивает: «Могу я сойти с ума от этого лекарства?» Тут я говорю: «Вероятно». А он говорит: «Как долго это будет действовать?» Я говорю: «Час, самое большее». Тогда он позвал одного старого человека с часами, взял их и смотрел на них. И выпил много воды и примерно через полчаса стал выглядеть поистине дико, он даже забрался под одеяло и выглядывал из-под него совсем как ненормальный. «Боже мой», — подумал я, — «Что же я наделал с этим славным старичком? Он, наверно, в прошлый раз выкинул ее через плечо, а мне хотел показать, какой он большой человек». По истечении часа он посмотрел на меня и говорит: «А нет ли у тебя чего-нибудь покрепче?» Потому что явно ничего не произошло. Затем он сказал: «Это было известно в Долине Кулу давным-давно, но большинство йогов это забыли». При дальнейшем расспросе он ответила «Да, это может быть полезно, в тихом месте, где испытываешь покой, а ум обращен к Богу, и когда будешь один». Он сказал, что это дало бы возможность войти внутрь и сделать прана, т.е. поклониться Христу, но можно только пару часов побыть, а потом вы вынуждены опять уйти. «Понимаешь», — сказал он, — «гораздо лучше было бы стать Христом, чем просто навестить его. Но твое лекарство этого не делает, потому что это ложное самадхи», — именно это говорил мне и Меер Баба, «Хотя это полезно», — продолжал он, — «навестить святого; это укрепит вашу веру». Потом добавила «Но любовь — более сильное средство».

Так вот, после этого я раз в год принимал ЛСД, когда был в мирном настроении, в одиночестве и мой ум был обращен к Богу, чтобы как-то выяснить — что происходит, и всякий раз бывало очень глубокое переживание. В эти последние годы, когда я начал проделывать более интенсивную работу, в моей садхане наступил момент, где я работал с необычайно интенсивными энергиями шакти и ощутил невероятное напряжение в затылке. Это оказало» результатом бесконечного количества кислоты, которую я принимал и которая, хотя никакой физиологической стойкой угрозы и не представляла, создавала определенное психологическое сопротивление, психологическое в том смысле, что чакры — это феномены психики, а не физические феномены. Употребление кислоты создало психическую блокировку в области мозга, что на некоторое время затрудняло мою духовную работу из-за работы с этим невероятным давлением у меня в голове. Оказывается, не глотай я столько психоделиков, я смог бы гораздо скорее пройти через это пространство. Так что сейчас мое заключение по этому поводу таково: «Тем, кто не знает об иных уровнях реальности, при соответствующих условиях, это могло бы, если они действительно склонны к

духовной жизни, показать такую возможность. Это и произошло со мной. А если вы знаете эту возможность, и действительно хотите пойти с этим дальше, тогда игра не просто в том, чтобы снова попасть в высокое состояние, а в том, чтобы «быть», а в бытие входит и высокое и низкое.»

Верно также, что сейчас культура меняется и теперь в повседневной жизни принимаются реальности разного рода. Есть немало молодых людей, которые никогда не принимали кислоты и никогда не курили трав, чье сознание свободно для парения прямо в гуще нашей культуры внутри и вне этого пространства, и это отчасти из-за движений рокн-ролла, а отчасти и в результате культурных изменений, которые проистекали от употребления кислоты в 60-х годах. Не следует недооценивать тех официальных изменений, которые произошли в результате феноменов кислоты. Я не думаю, что для человека, находящегося на духовном пути, опыт ЛСД далее является сколько-нибудь необходимым. Это явно не современная садхана, это вас не освободит. Потому что есть один тонкий момент, в котором имеется привязанность к воспитыванию вашей неполноценности, так как без кислоты вы туда не попадаете; и вам приходится устремляться вовне, а не внутрь себя, чтобы достать ее. И как метод это пакет ограничения, т.к. он не принимает во внимание материал, с которым вам лучше было бы разобраться. Нахватывание восприятий и отстранение старых привычных шаблонов для того, чтобы попасть в высокое состояние, в конце концов просто задерживает весь процесс, потому что в конечном счете вам придется столкнуться с этими привычными шаблонами лицом к лицу и очищать их. После того, как вы узнаете эту возможность, вы будете в ладу с нею и всякий раз вы просто все больше ловитесь на измененных восприятиях и восприятия эти — ловушка. Игра состоит в том, чтобы пользоваться методом, а затем, когда вы с ним покончили, его отбросить. Это не плохо и не хорошо, это просто вопрос честности с самим собой — действительно ли вы используете свои возможности для того, чтобы пробуждаться сколь возможно успешно.

«Как открыть сердце свое?»

Хорошее упражнение — делать глубокое дыхание сердцем, как если бы у него были ноздри, прямо в сердце и из сердца. Вы можете воспользоваться этим дыханием, чтобы найти в себе места, где есть глубокая печаль или какие-то глубокие привязанности, которые замедляют процесс; пусть они выйдут и уйдут, отдайте их Кали, Христу, Гуру или Богу. Выводите их, те печали в сердце вашем, которые вас закрыли, выводите их на передний план, входите все глубже внутрь, пока не дойдете до позвоночника. Копайте, копайте дыханием, выдыхая их снова и снова.

Другой способ — это пойти в лес или на море, чтобы сосредоточенно произвести физические движения открытия сердечного пространства, как это делал Хануман, физически, — хотя вы, конечно, не станете действительно раздирать свою плоть, вы откройте сердце и вызывайте к кому-то, с кем вы в тесном контакте, может быть, ко Христу: можете сказать: «Христос, дай мне почувствовать Твою любовь». Вы не просите Его любить вас, вы просите, чтобы вам дано было ощутить ту любовь, которая есть у Него к вам. Если вы действительно откроетесь и на самом деле попросите об этом, вы почувствуете, что вас коснется тепло, которое проникнет в вас и начнет процесс вашего раскрытия. Или вы можете сесть с портретом какой-нибудь Сущности вроде Христа и просто воспринимать, как любовь эта течет взад-вперед между вами и портретом в глубоком дыхании.

Это удивительно нежно и прекрасно — начать диалог любви с Сущностью, которая есть любовь. Некоторые из вас знали Меера Баба, который и есть такая огромная любовь, или Христос, — выражение любви, сама Любовь. Вы просто открываете себя. Сядьте в своем укромном местечке для медитации и возьмите изображение Сущности, чья любовь чиста, чья любовь — в свете Божьем. Это не любовь личности, не романтическая любовь, не любовь нужная: «Вы мне нужны». Романтическая любовь — ревнивая и собственническая, потому что объект этого отношения становится вашей связью с тем местом в вас, которое есть любовь. Та любовь, которую дарует Христос, это сознательная, необусловленная любовь, он просто есть любовь. И в конце концов вы станете такой любовью. В ней нет никакой «нужности». Вы живете в том пространстве и не нуждаетесь в ком-то, чтобы тот обратил вас к любви, потому что вы — она, и всякий, кто соприкасается с вами, изолюет от нее.

И когда вы все более и более будете выражением любви, вы будете любить каждого. Здесь нет никого, с кем бы я не был в любви, когда я на них смотрю, потому что все, что я вижу и есть то, что в них является любовью. Я вижу и их ловушки, но я в них не влезаю. Я их не отрицаю, но я и не увязаю в них. И оттого, что вы чувствуете любовь, когда вы со мной, это раскрывает вас для того места в вас самих, которое есть любовь. Иной раз, когда вы это испытываете, вам хочется привязаться ко мне, потому что я — ваша связь любви; но я неуловим. Вы никак не можете завладеть мной; единственный способ сделать это — самому стать этим. А иначе вы всегда будете искать связей. Большинство желают Гуру, потому что хотят любовника или отца. На самом же деле Гуру может быть лидером в запредельное. Не слушайте, что другие говорят о Гуру, даже — что Гуру говорит о Гуру, слушайте — что сердце ваше говорит о Гуру.

Если вы следуете сердцу своему, с вами ничего не случится, вы под защитой. Пока действия ваши основываются на чистом устремлении к Богу, вы — в безопасности. А всякий раз, как вы неуверены в какой-то ситуации или боитесь ее, на это есть прекрасная и очень сильная мантра: «Сила Божия — внутри Меня. Милость Божия окружает меня», которую вы можете повторять про себя. Она защитит вас, почувствуйте силу ее, она как упругий стальной стержень от головы до основания вашего существа, милость обступит вас как силовое поле. Через открытое сердце слышишь весь мир.

«Как вы истолковываете такое заявление как: «Ни один человек не придет к Отцу иначе, как через Меня?»»

Почти во всех священных книгах, а особенно в случае слов Святых людей вы имеете дело с передачей находящихся на разных уровнях «учеников» и последователей, которые могут услышать разные вещи. В Новом Завете являются ли эти слова словами Иисуса или словами Христа? Действительно, в этой Сущности по крайней мере два существа, одно из них, Сын — форма Отца, проявленного на Земле: «Я в Отце; Отец — во мне». Затем есть Христос, который является тем сознанием, которое признает Дух Живой. Это не обязательно Иисус, человек. Затруднение в зависимости от вашей готовности состоит в том, что вы преисполнены благоговейным отношением либо к Христу-человеку, либо к Христу-сознанию, Христу-любви. И мое восприятие этой конкретной евангельской цитаты таково, что это говорит Христос, а не Иисус, что Иисус есть историческое выражение проявленного совершенства, а в этот момент истории Христос сказал кому-то: «Вы можете прийти к Отцу лишь через Меня», хотя это и можно истолковать как исходящее от того тела, которым был Иисус. А это сознание Христа и есть то, что называют Духом Живым. Это вроде заявления: «Вкусите от плоти моей; испейте крови моей», он не ожидал, что люди придут и оторвут ему руки или станут пить из его вен; это универсальная форма выражения, означающая: «Поглощайте мир в себя, испейте от мира, чтобы могли вы познать Отца». Это не Иисус говорит, — это Христос.

И возникает проблема, что много тяжкого насилия сделано было через истолкование этого первоначального заявления как заявления Иисуса, а не Христа. Его неверное толкование привело к обращению в свою веру, а это привело к отсутствию признания путей других людей к встрече со Христом, иных чем через форму Иисуса.

«Шаблонная критика не только духовной практики, но и всех форм религии состоит в том, то она — опиум для народа, способ уйти от действительности, орудие правящих классов для отвлечения умов людей от социальной борьбы и обращение их на что-то нереальное (на пиросе на том свете), что, как они думают, разрешит их проблемы, а на самом деле — нет. Что вы на это скажете?»

Это вопрос очень сложный. С одной стороны они абсолютно правы в том, что когдаходишь в эти иные реальности, то социально-психологически-экономические предубеждения и лишения выглядят совершенно иначе. Я встречал людей, условия жизни которых я назвал бы нечеловеческими, и это были светлые, ясные, совестливые люди, никто их не эксплуатирует, так как они есть, у них есть выбор, но это для них просто не важно. Я смотрел на них и не видел в них тех, кто отравлен так называемым «опиумом для народа», не видел тех, кто утратил свою свободу. Эти люди нашли что-то, что делает для них мирские заботы менее важными. Это не делает их плохими или хорошими, не делает их слабее или сильнее. Однако, если духовные искания используются группой людей для того, чтобы править другими, — это дело другое. Никто не имеет права контролировать сознание, другого человека. Это относится как к революционерам, так и к учреждениям, и если я предпочитаю сидеть спокойно и жить в комнатухе без всякой мебели, на хлебе и воде, я не думаю, что я должен определять себя как непривилегированного или страдающего оттого, что я живу на уровне ниже прожиточного минимума. Если бы кто-то взвалил это на меня против моей воли, — тогда это угнетение, а если я сам это выбрал как средство выйти из глубокой обусловленности, — это дело мое. Не допускайте, чтобы страх правил игрой. Джерри Рубин только что вернулся из Китая и заявил мне: «Зачем ты пользуешься такими словами как «Бог»? Это анахронизмы, ты просто уводишь людей назад. В Китае величайшая религия всех времен, потому что она прямо здесь в мире».

А я сказала «Ну, Джерри, это все же весьма ограниченная точка зрения на то, что делать людям, и они еще при этом страдают». Все зависит от уровня, с которого вы смотрите на этот танец и на свободу индивидуума, избрав себе тот образ жизни, какой вам хочется. Я верю во внешнюю свободу, но не пожертвую своей внутренней свободой ради внешней. Большинство западных деятелей желают свобод, которые можно видеть и измерить, свобод внешних. Но тот, кто ясно понимает, я думаю, может признать, что если даже вы получили все внешние свободы, которыми фактически располагают в обществе многие, вы все-таки не свободны. Потому-то духовность и обращается на дело внутренней свободы. Если у вас есть внутренняя свобода, вы можете быть, а можете и не быть политическим деятелем; можете быть, а можете и не быть

художником, артистом; можете быть, можете и не быть кем угодно. Наверное, вы не станете сидеть равнодушно на месте. Но нет никакого правила, которое гласило бы, что вам этого нельзя делать. Это внешняя свобода. Сказать, что всякий, кто более сознателен, должен быть политически активным, — это наивно, насколько я могу судить, потому что общество — это крайне сложный и тонкий организм, и требует разных сторон, чтобы стать прекрасным. Я понимаю эволюционную политическую перемену как нечто весьма волнующее, как прилет марсианина, а не как что-то покое, когда все хватают пистолеты и начинают палить друг в друга. Это не должно быть «нами» против «них». Это мы становимся ими, а потом они — нами. Но это пугает, так как нет иных символов, за которыми можно было бы спрятаться. Среди тех, кто приходит ко мне, есть юристы, врачи и профессора колледжей. Я не говорю им: «Не будь врачом». Я не сказал Джерри Рубину, чтобы он перестал быть деятелем, Джерри Брауну, чтобы тот перестал быть губернатором, или Джону Леннону, чтобы тот перестал петь. Просто делайте то, что делаете, таким образом, чтобы это увеличивало единство Человечества, повышало сознание взаимосвязи всего. Сюда входят сложности экологические и сознательность экономическая и политическая. Продолжайте делать то, что делаете, потому что нет ни одной роли, которая бы определяла эту игру. Оттого лишь, что вы просто выступаете в ратуше, вы не становитесь подлинным политическим деятелем. Христос и Будда оба были подлинными политическими деятелями, каждый по-своему. Я думаю, нам следует признать, что в этой игре жизни есть огромное многообразие разных стратегий. И это не какие-то хорошие люди или плохие, это просто индивидуальные отличия.

«Могут ли быть полезны духовные упражнения тем, кто находится на таком временном этапе и на таком месте, где им надлежит вести политическую борьбу против угнетения и несправедливости?»

Да, потому что, в смысле эффективности всякого действия, вы более эффективны, когда вы способны быть всецело заняты тем, что вы делаете, и совершенно непривязанны. Хотя мне и понятно, как слово «непривязанны» может показаться противоречащим первоначальным заботам, которыми и мотивирована эта занятость. Позвольте пояснить. Какая-то доля спокойствия, которое необходимо при напряжении, исходит от сострадания ко всякому затруднительному положению. т.е. способности обзирать всю шахматную доску... это как сражение в наземной битве, а вы располагаете дополнительной перспективой вида с вертолета, сверху изучая всю стратегию. Это вам позволит не настолько погружаться в свои эмоции, чтобы вынудить другого оставаться на другом полюсе противоположностей. Иными словами, вы даете ему простор расти, понимая, как он захвачен в свое затруднительное положение. Я например, могу понять позицию Нельсона Рокфеллера, хотя не согласен с нею. Я могу заявить протест по поводу его действий, что он не должен был делать то-то и то-то, и выступать за наказание в связи с его ответственностью за Аттику, что я и делаю. Но в то же время я могу уловить его затруднения. И эта способность понять его затруднения дает ему возможность расти. Потому что каждый человек имеет право выбраться из своих моделей. Но в тот момент, как вы отнимаете у них возможность расти, даже если это дурные люди, вы налагаете на них именно те заблуждения, которые хотели бы исправить. Не создавайте эту полярность в своем рвении уничтожить плохих людей, вы можете увеличить их число. Как говорилось в книге «Быть здесь теперь», хиппи создавали полицию, а полиция создавала Хиппи, это было столь очевидно в Хейт-Эшбери. Горожане были напуганы обстановкой и потребовали, чтобы полиция притесняла хиппи больше, полиция стала притеснять больше, и это стало символом, против которого хиппи мобилизовались на борьбу. Чем более хиппи мобилизовывались на борьбу, тем больше полиция притесняла; каждая сила создавала другую. И никто в том месте не был настолько сознательным, чтобы пресечь эту поляризованность, что могло бы обратить это в целый Танец взаимного сотрудничества. Думаю, мы с Джерри Рубиным согласимся в том, что духовная сознательность, сострадание и осознание способствуют политической эффективности.

Вы знаете, что Аллеи Гинзбург творил невероятные вещи в 1968 году на Демократическом Конвенте в Чикаго. Он прямо выходит и распевает «АУМ» посреди сцены. Так вот, это очень интересная и сложная игра. Я в то время сидел в храме в Индии. Я прочел некоторые газетные вырезки об Аллене в Чикаго. И я прошел ряд перемен такого рода:

«Что это я, попался что ли? Я хочу сказать, вот моего приятеля там дурачат и бьют. А я, что я делаю? Сажу в храме в Гималаях в этой комнатухе, закутавшись в одеяло и завариваю себе чай. Ловушка ли это, или же я сталкиваюсь ради нас всех с другими искусственными демонами, которые, пожалуй, также трудны, как и те демоны, злые люди внешнего физического плана. Что я принесу моим собратям?».

И оказывается, мне есть что предложить и Джерри Рубину и Джерри Брауну, Аллену Гинзбургу, Джону и Йоко, а может быть, и всякому, кто сможет разделить это понимание. Я как бы что каждого за его вклад, но признаю, что в то же самое время он стремится к чему-то, что сделает его поток

более свободным. Сидение в том храме осуществило кое-что полезное для облегчения страдания на физическом плане.

Кажется, революционная тактика в нашей стране во многом выиграла сражение, не проиграла войну. Если вы облегчаете человеческое страдание на одном уровне, но акт ваш не дает его облегчить на другом уровне, тогда вы не осуществили целей прекращения страдания. Как и в обеспечении для людей экономических благ, если вы углубляете их привязанность к мнению, будто экономические блага даруют им абсолютный мир или счастье, вы увековечиваете иллюзию, которая вызывает страдание. Вот почему характер сознания революционера определяет: освободит ли в конечном счете революция тех, кому намеревались помочь, или заманит в ловушку. Это поистине прекрасный исход. На самом деле это напоминает тех европейцев, которые первоначально прибыли в Америку, и полагали, что если они получают политическую и религиозную свободу, они это совершат. Ну вот, они сюда приехали и получили ее и ничего не свершили.

«Как решиться избавиться от сексуальных желаний? Мне бы хотелось от них отказаться, да не знаю как».

Мы в Америке поняли, наконец, что на самом деле в сексе нет ничего дурного. Нам не следует быть в этом отношении викторианцами. От секса невротического мы пришли к разумному здоровому сексу — и это поистине хорошо. И если вы живете в миру, то секс — это очень красивая сторона существования. Однако если вы действительно хотите идти к Богу в этой жизни, тогда вы начинаете направлять свои энергии на то, чтобы туда попасть. Трудность сексуальности в том, что как бы ни были прекрасны ваши намерения, самый акт этот настолько силен, что он захватывает вас в удовлетворение, которое происходит от вашей отдельности, т.е. чувственное удовлетворение. И в этом смысле он усиливает вашу отдельность. Вы не откажетесь от секса оттого, что он дурен или вреден, не из-за вины, ни от чего такого. Что не надо делать, так это отказываться от секса. А надо — признать, насколько вы желаете Бога, и обратить свое сердце и ум в этом направлении, чтобы это не звучало как выступить в цирке Барнума и Бейли. Вы не можете вступить с этим в битву. Потому что всякий раз, как вы заняты борьбой против чего-то, вы усиливаете его реальность. Игра состоит в том, чтобы просто уйти в реальность, где секс подобен трению палочки для добывания огня. Вы приходите к тому, что уже существуете в том месте, для попадания в которое вы пользовались сексом.

Я обычно настаивал, чтобы в продвинутых классах у меня все были брахмачарья, целомудренны, что обычно делает размеры этих классов малыми. Но и когда я не настаивал на этом, пары заявляли мне: «Что такое? Когда я больше включаюсь в этот путь, наша половая жизнь значит для нас все меньше и меньше. Что-нибудь не так? Разве секс не божественен?» Да, секс божественен, но причины для секса отпадали. Впоследствии они могли иметь секс без всякого противоречия со своей внутренней работой или ослабления ее. Высокие существа могут иметь невероятно прекрасный секс, какой только можно представить, потому что их сердца открыты, чего большинство людей в нашей культуре, занимающихся сексом, не испытывают. Проблема в том, что самые высокие сущности не имеют никакого желания оргазма, потому что они уже в том месте.

Люди, жаждущие сексуального удовлетворения часто играют с традицией Тантры. Они как бы пытаются и съесть пирог, и сохранить его. На самом деле, когда вы жаждете сексуальных отношений с другим человеком, процесс возбуждения и удовлетворение усиливают это желание. Единственный вид подлинно тантрической сексуальности, какой только возможен, происходит между двумя человеческими существами, которые настолько укоренились в Боге, что нет никакого озабоченного желания другого человека как «другого». Тогда вы можете воспользоваться физиологическим процессом взаимодействия тел для того, чтобы пробудить энергию для подъема ее вверх по чакрам. Но это только тогда, когда нет никакого озабоченного желания чего-либо и в том, и в другом партнере. А это условие, которое едва ли может осуществить кто-либо из тех, кого я знаю. Короче говоря, будьте честны с самим собой: сексуальность — это сексуальность, это не Тантра. Подлинная Тантра — это по существу отношение между Радхой и Кришной, между ищущим и Матерью, когда вы откроете свою душу и станете и лингамом, и йони, фаллосом и влагалищем. Вы и проникаете во вселенную, и вбираете ее в себя. Потому что душа — не мужчина и не женщина. А когда вы определили себя как душу, идущую к Богу, половой танец теряет свое притяжение.

А теперь в связи с тем, что я сказал, я должен предупредить вас. Каждый из нас — на разных этапах в нашем эволюционном цикле. Многим из вас предстоит немало поработать в межличностных отношениях, с половым удовлетворением и т.д. Вы — на этом этапе, где желаете желания Бога, но сначала вам нужно уделить внимание другому делу. Считать, что ты покончил с чем-то, с чем ты не покончил, — значит затормозить себя на пути к Богу. Пытаться держаться за что-то, с чем ты покончил, в равной мере замедлит путь твой к Богу. Здесь нет простого правила игры — кому стать Брахмачарья, а кому — нет. Одни это делают, другие — нет. Женатые пары

могут быть, а могут и не быть Брахмачарья. Пары в Брахмачарье имеют половое общение, чтобы родить ребенка, и все. А не раз в месяц в новолуние, и все такое.

Вы не прекращаете половое общение, чтобы идти к Богу. Все это входит в танец. И точно так же, как в конце концов вы можете есть что угодно, вы в конце концов сможете и делать что угодно. Это вообще не предмет морали. Так что, если вы разберетесь и будете честным с самим собой, вы будете знать, когда вы с этим покончили, а когда — нет, и когда одна система желаний сильнее другой. Просто будьте искренни с самим собой. Не притворяйтесь. Фальшь — это в духовной жизни самое худшее. Люди стараются быть чем-то. Некоторых из своих учеников я поощряю на Брахмачарья, тогда как других — на половые отношения. Есть немало рогатых целомудренных в этом мире, которые не идут никуда, кроме психиатрички. И немало есть имеющих общения, которым хочется не иметь их больше, но они не могут остановиться именно потому, что думают, что они должны. Они уже вступили на те планы сознания, где это неуместно. Имейте доверие к себе, дайте отпасть своим желанием, когда это соответствует действительности.

«Какую роль играет в духовной работе диета?»

Насколько я понимаю в диете, на разных этапах вашей садахны показана разная диета. Вас начинает тянуть к ней. Она не основывается на моральности. Она основывается на том, какой уровень вибраций вы в состоянии поглотить и преобразовать. И есть этапы, где вы не можете иметь дело с мясом из-за уровня вибраций, раджасического, активного свойства, жаркой интенсивной страстности этого вещества. Вы не можете быть из-за него достаточно спокойными. Таким образом ваша диета начинает облегчаться: до рыбы и яиц, овощей и зерен, молочных продуктов и плодов. Когда вы не сможете и с ними иметь дело, вы довольно скоро сможете перейти на зерновые и молочные продукты, овощи и фрукты; потом бывают времена, когда вы не можете употреблять ничего, кроме фруктов. А затем вы можете пройти этап, где вы совершенно едины и ясны, и за ним вы можете снова есть что угодно.

Есть определенные диеты, которые, помогут очистить организм, когда он полон токсинов от того сорта гречихи, который мы обычно постоянно употребляем. Они, в общем, действительно хороши. Макробиотическая диета вас очистит. Так же простые вегетарианские диеты, но не попадайтесь здесь в ловушку плохого или хорошего. Это не работает. Вы просто подловитесь на праведную нравственность. Множество людей более озабочены тем, что входит им в уста, нежели тем, что исходит из них. Я должен вам честно сказать, что люди достигли освобождения, питаюсь чем угодно. Таким образом, — это явно непросто. Американские индейцы питались мясом бизонов, а среди американских индейцев были очень высокие мистики и святые. Тибетцы ели мясо и почитали животных, и все это было для всех них частью кармической проработки. А так, как они делали это, для них это не было ни желанным, ни расточительным, ни гневным, никаким. Это было в порядке вещей.

Помню я сидел и медитировал в Биг Су в доме, который мне сдал Исаленский Институт, и который достался мне вместе с кошкой. Каждое утро кошка уходила искать себе добычу. Она возвращалась, и поскольку она меня любила, она подходила ко мне и усаживалась у меня между ног, когда я медитировал, и пережевывала косточки мышки или ящерицы, которые иной раз еще были живы и бились у нее в зубах. А я не знал — кого ненавидеть, а кого любить, и что делать. Я многому научился. Я прошел через потрясающее понимание некоторых уровней нашего существования. В настоящее время моя диета — видеоизмененное вегетарианство, т.е. я ем рыбу и яйца. И я делаю это, потому что на том этапе, на котором я нахожусь, с той шакти, с которой приходится работать, тело мое нуждается в белке определенного рода, которым я должен его питать. Но от многих учеников я требую, чтобы они либо были строгими вегетарианцами, либо еще более мягкой диеты. Вам, точно также, как и мне, следует прислушиваться к собственным нуждам.

«Как женщине-психотерапевту, мне очень трудно сочетать то, чему вы учите, со всей повседневной работой — с моими пациентами. Не могли бы вы немного осветить эти неясности?»

Я думаю, что противопоставление внутренней работы и внешней общественной деятельности есть полярность, которая возникает от привязанности к какой-то модели в голове своей. С моей точки зрения — обе они хорошо сходятся в Карма-Йоге, йоге повседневной жизни: исполнении повседневной деятельности таким образом, чтобы прийти к более ясному состоянию сознания, более глубокому покою, озарению, или называйте как хотите. Работа, которую вы выполняете, и становится вашей практикой, а не уход от повседневной жизни, т.е. если вы как раз начнете с того места, где вы есть, а не где хотели бы быть, и вашими условиями будут определенные занятия, умения и ответственности, — тогда игра будет заключаться в том, чтобы обрести во всем этом путь к озарению, и как воспользоваться всем этим как методом работы над собой.

Я сейчас провожу почти все свое время в служении, являясь доступным для тех людей, что так или иначе страдают. Трудно определить, кто страдает больше другого. Когда люди приходят ко

мне, мое взаимодействие с ними с их точки зрения состоит в том, чтобы позволить им пересмотреть свою жизненную стратегию, свои эмоции и т.п., но в действительности они суть моя работа над собой, точно так же, как трудные пациенты являются для психиатра работой над собой. Если вы увязнете в жалости, ударитесь в гнев, отвергание или желание — сексуальное желание или желание власти над пациентами, — тогда вы станете менее эффективным агентом изменения. Одна сторона вашей работы состоит в том, чтобы иметь дело с контрпереносом и собственными эмоциональными реакциями на людей. С моей точки зрения, моя работа — оставаться в пространстве полного участия на психологическом плане с полной непривязанностью. Я делаю то, что делаю, и делаю это настолько совершенно, насколько это позволяет мое осознание, исключая лишь то, что я не привязан результату. Я просто делаю это как можно лучше. Это получается, как Богу угодно, а не так, как я хочу или предполагаю, т.е. когда я встречаюсь с людьми, я не думаю сразу же, что им следует измениться оттого лишь, что они находятся в психиатричке. У меня нет никаких оснований заявить, что им лучше быть такими, какими, как я считаю, они должны быть, а не такими, какие они есть. Я просто делюсь своей сущностью с другими, а они меняются в той мере, в какой они способны, готовы и могут измениться, пользуясь моим осознанием как инструментом. Борьба ваша происходит оттого, что ваша модель себя как психиатра, женщины, или с любым иным ярлыком есть ловушка, ярлыки ограничены, они конечны, с ними связано страдание. И одна сторона работы сознания состоит в том, чтобы заново определить собственную сущность, собственную природу до того момента, где вы есть. Тогда-то психиатр в вас: вот — женское, вот личностное, а вот благоприятная возможность и т.д., они как феноменальные кольца вокруг вашей сущности, а не тот, кто в центре и кто поистине — вы. Пока вы считаете себя кем-то, делающим что-то, вы увязли в иллюзии и реально никому не можете предложить пространство, чтобы они могли выпутаться из своей негативной реальности. Так вот, оптимальная стратегия в изменении поведения с самим собой и с любым другим человеком — это сострадание. Это означает, насколько я понимаю, способность видеть все как оно есть. Пока у вас есть определенные желания в связи с тем, как, по-вашему, это должно быть, вы не в состоянии это уловить. Пока я чего-то хочу, я не могу в действительности это понять, потому что многое из того, что я вижу, есть просто мои собственные системы проекций. Вы должны прийти к пониманию всякого человека, включая себя, как некое воплощение в теле или личности, проходящее определенный жизненный опыт, который имеет свое назначение. Вы позволяете ему быть именно таким, как он есть в данный момент, рассматривая свое замешательство, противоречие и страдание как имеющие свое назначение, а не иначе.

Величайшее дело, которое вы можете сделать для любого другого человека, — это обеспечить необусловленную любовь, которая происходит от соприкосновения с тем местом в нем, которое выше всяких условий, которое есть просто чистое сознание, чистая сущность, т.е., если мы признаем друг друга существующими, просто пребывающими здесь, что мы просто есть, тогда каждый из нас волен измениться наилучшим образом. Если я смогу любить вас потому лишь, что вы здесь, тогда вы готовы расти так, как вам нужно расти, потому что ничто не изменит мое чувство любви.

Мы обычно отличались этими особыми ролевыми отношениями, считая, что определенные роли одним подходят, другим — нет, оттого, что мы очень привязаны к крайностям — а не соприкасаешься ли ты с кем-то, спишь ли ты с ним, бьешь ли ты их, командуешь ими, сотрудничаешь с ними, поддерживаешь их, платишь им, — или они тебе платят? Все это сущность средств взаимодействия между двумя людьми; это не суть важно. Когда вы работаете над собой в повседневной жизни, вы все более и более видите свои реакции на вещи вокруг вас как какие-то механические взрывы. Вы становитесь гораздо спокойнее в пространстве, которое выше этого, и больше способны услышать как оно есть, в том числе и свою собственную личность как часть природы. Чем глубже вы в том пространстве, тем более оно доступно для всякого, с кем вы встречаетесь, кто способен входить в него. Вы являетесь средой, которая позволяет им сделать это, а из того пространства возможно всякое изменение. В тот момент, как вы отождествляете себя или любого другого с какими-то моделями, ролями, с любой характеристикой, любым индивидуальным отличием, изменение поистине болезненно. Раз вы живете в мире, где даже жизнь и смерть свою воспринимаете скорее в относительном, а не в абсолютном смысле, то все вольно меняется. И вам некуда идти, чтобы работать над собой, кроме как туда, где вы есть в этот момент, и всё, что бы ни случилось с вами, относится к вашей работе над собой.

Разные из вас суть разные части тела цивилизации, и одна деятельность несколько не лучше другой. Если бы у вас не было сапожника — вы ходили бы босиком — сапожник вам нужен. Лучше ли сапожник психиатра или хуже?

А как насчет мусорщика? Без мусорщика знаете где был бы Нью-Йорк или Бостон? Итак, важнее ли мусорщик психиатра или нет? Все становится абсурдом. Вы начнете понимать, что всякий, даже президент, это лишь еще один инструмент в этом танце, еще одна часть цельного тела, и каждый из нас должен уловить, каков его или ее конкретный путь, а не пытаться

определить: «Этот хороший, а те — плохие», «Этот лучше всех», или «Я делаю самое важное дело». Самое важное дело, какое вы можете делать — это совершенная работа для вас. Ищите, как служить людям не от того факта, что вы предполагали или должны служить, просто занимайтесь психотерапией, потому что это и есть то, где вы есть. Занимайтесь терапией, пока осознаете, что вот мы здесь — за «врачебностью» и «пациентностью», вот мы — за неврозами и релятивными неврозами.

Один очень милый психиатр в Бостоне также интересуется медитацией и духовными вопросами. Замечательно, что его учитель в данный момент — это человек по имени Карму в Кембридже. Карму — семидесятилетний черный автомеханик, который с восьми утра до шести вечера работает с машинами, а потом приходит домой в свою квартиру, усаживается и пьет белое вино, красное вино, и приходят разные люди и устраиваются вокруг него, потому что он — мудрый человек. А он их врачует. Он бомбардирует их тело, но все время передает эту невероятную необусловленную любовь, потому что любит то место в них, которое за всей их murой, за всей ерундой и всем божественным танцем. А вот психиатр, который склонен сидеть у ног этого автомеханика, потому что достаточно осведомлен, чтобы уважать мудрость.

У меня от Гуру три основных наказа в жизни: Любить, Служить и Помнить. Любить всех, служить или питать всякого, помнить Бога. Моя собственная йога, кажется, состоит в том, чтобы каждый день делать то, что я делаю, быть с людьми, делить с ними время свое на всякий лад. Я не требую, чтобы они звали себя пациентами. Мы можем встретиться в любых условиях — в ресторане или еще где-нибудь, в автобусе может быть и быть друг с другом так, как нам нужно быть друг с другом. Во всех случаях это моя работа над собой, потому что я люблю, служу и помню, но то, что я люблю и чему служу, есть функция того, что я помню. А помню я — кто мы все есть. Я помню «Я» и эта память означает, что моя любовь и служение другому обращены на то место в них, в котором они уже свободны.

«Несколько лет назад я медитировал и чувствовал себя чудесно. Потом жизнь у меня изменилась, и теперь я оглядываюсь назад и дивлюсь, — что же случилось с тем прекрасным состоянием, которое у меня было.»

Трудно большинству из нас интерпретировать свои страдания, сомнения, смущения и утрату веры как часть процесса пробуждения. Мы чувствуем, будто потеряли милость, нас изгнали. Почему я не в высоком состоянии? Что же случилось? Жизнь становится отвратительной. Раньше все было сладость и свет, а сейчас все для меня так тяжело. Не у всех и не всегда, но у каждого бывают такие моменты. Я уверен.

Как, когда Христос явился и творил все эти чудеса, говоря: «Смотрите, все это совсем иначе, чем вы думали. Вы не те, кем себя считаете, все мы в Отце. Ну пробудитесь. Оставьте всю свою мирскую бессмыслицу. Покончите с ней». А все вокруг Него на это ловились, потому что Он отличался такими силами. Потом Он их оставил, и все были угнетены. Они поймались на свой метод, свой метод попадания в высокие состояния, а метод сломался. Если вы наркоман, то вы покончили с наркотиками. Или, как у некоторых из нас. Гуру оставил тело. Или метод который годами приводил вас в высокое состояние — песнопение Кришне или слежение за дыханием — вдруг обратился в ничто. Он больше не работает. Что сказать обо всех этих снижениях? Когда вы разгневались, вспылили. Когда вы неожиданно забеременели. Подрались. Когда рядом насилие. Когда в обществе национальная напряженность. Когда на каждом шагу неминуемы экологические бедствия. Когда политика вся построена на обмане.

И все это делает интересное дело: оно возвращает нас обратно внутрь самих себя, чтобы мы увидели, — где мы находимся. Когда все пружины выдраны, у вас есть шанс на миг увидеть, — какими ресурсами вы располагаете. На этом пути много этапов, много уроков. Нигде не останавливайтесь. Все это часть процесса пробуждения. В вашем распоряжении все время мира, но не тратьте ни минуты даром.

«Что это за Фонд Ханумана, в который вы входите и который вам покровительствует?»

«Фонд Ханумана» — это свободная от обложений неприбыльная корпорация, которая в настоящее время покровительствует множеству проектов. Один из них — создать широкую основу для медитации в Америке. В некоторых странах, таких, например, как Бирма, люди в период своих отпусков вместо того, чтобы ехать на море, отправляются в центры медитации. Скоро и у нас будет больше общественных учреждений для медитации. Мы скоро публикуем «Игру пробуждения: руководство к медитации для начинающих», — книгу о стратегии и облегчении медитации, доступной в настоящее время в нашей стране.

Фонд Ханумана занимается также обращением американских тюрем в ашрамы. Проект «Тюрьма — Ашрам» поощряет пребывающих там пересмотреть возможности для внутреннего роста, имеющиеся в тюрьме, и что может дать опыт тюрьмы. Ведь, если вы когда-нибудь замечали, тюрьма похожа на монастырь. Она дает келью, одежду и пищу. Она обеспечивает

внешние потребности, чтобы освободить для внутренней работы. Можете себе представить блок камер с пятнадцатью обитателями и тремя охранниками, где обитатели считают, что они — в ашраме, тогда единственными, кто остается в тюрьме, будут стражи. Так вот мы и осуществляем просачивание моделей изнутри, и с этой целью мы публикуем бесплатно книгу «Внутри и вне», чтобы дать пребывающим там многое из того, что им надо знать, для обращения своего опыта в опыт пробуждения, чтобы прийти к Богу.

Другой проект Фонда Ханумана состоит в поддержании изменения представления о смерти в нашей культуре. Смерть в первую очередь находится под контролем специалистов медиков, обязанность которых сохранить жизнь, а смерть — считать своим врагом. А мы хотим помочь умирающему воспользоваться смертью как опытом пробуждения. И в конце концов у нас, может быть, будет ашрам (монастырь) — центр для умирающих, куда люди будут приходить по медитировать и поработать над собой. И работа их будет отчасти состоять в работе с теми, кто пришел сюда, чтобы умереть сознательно.

Сверх того, проект Фонда Ханумана заключается в ознакомлении Америки с представлением о Ханумане, который является совершенной моделью бытия в Боге через служение. И вследствие чистоты любви Божьей Хануман имел силы делать все. Он — проявление утверждения Христа: «Будь у вас вера, вы могли бы двигать горами».

Мы также заняты привлечением в нашу страну учителей, которые являются воплощением живого духа иных традиций.

И еще одно дело делает Фонд Ханумана — записывает на пленку мои лекции и проработки, а также лекции некоторых других учителей, доступные за плату. За дальнейшей информацией об этом Фонде, или если вы ощущаете потребность сделать вклад в экономику этого дела, можете обращаться в Фонд Ханумана, п/я Эйч (Н), Амавок, Нью-Йорк 10501 (Box h).

Это удивительный танец — оставаться в форме и знать, что ничего не надо делать, кроме как быть с Богом. Тогда вы вольны делать все эти дела так легко.

«Кем вы себя считаете? Как вы рассматриваете вашу роль в современной обстановке, как вы к ней относитесь?»

Самый честный ответ: у меня абсолютно нет никаких идей о том, — кто я. Я даже больше не очарован тем, что я есть. Я был очарован Рам Дассом. «Ой-ой, смотри-ка, разве это не интересно?». Я время от времени пытаюсь вызвать это чувство, но это уже просто не происходит. На той неделе Джон и Йоко приехали меня навестить. А несколько дней спустя — Джерри Браун. Старый ум подумал: «Боже мой, сам губернатор заглянул ко мне в мотель, должно быть, — я что-то значу». И я попробовал немножечко это покрутить, но это пустое, там просто ничего нет. Я старый стяжатель сил, так почему бы мне не быть одолеваемому силами? Я могу ответить на ваши вопросы, и мы можем разыграть это дело. Но большую часть времени я сижу почти пустой. Это невероятно. Эта сознание других извлекает весь этот материал из меня. Когда я с вами, и вы меня спросите — кто, я могу вам дать прекрасный эрудированный ответ. Я могу сказать, что воспитан, чтобы быть в нашем обществе мудрым человеком. И я полагаю, — это роль, которой общество, как пить дать, воспользуется. А если пойти еще дальше, то в прошлом воплощении я, очевидно, был некто, кого звали Саммат Гуру Рам Дасс. Он жил в 1600 году и был Гуру царя Шиваджи. А жил он в хижине из глины и соломы у дворца. Однажды царь, который был абсолютным приверженцем этого Гуру, составил свиток — дарственную на все царство, вручил его Гуру и сказала «Вот, отдаю тебе царство». Гуру говорит: «Прекрасно», — и вернул ему его: «А теперь правь им за меня». Так что я уже это проделал.

Мой Гуру сказал мне: «Линкольн был хороший президент, потому что он знал, что президент — Христос, а он только изображает президента». У меня действительно вообще нет никакого личного отождествления с моей игрой, так как я не думаю, что это я ее осуществляю. Я в некотором роде совершенный робот, робот для потока вселенной. Я не могу себе представить ничего прекраснее, как быть инструментом этого потока вселенной. Я совершенно счастлив быть камешком на дне озера. Тогда какая беда в славе, если вы ее не хотите. В этом свобода, а не ловушка. В моей игре теперь немного забот, потому что я равно заинтересован в ней, как бы она ни шла.

Двенадцать лет назад я был поистине плохим человеком в нашем обществе, главой принимавших кислоту, изгнанным из Гарварда, и все такое. Теперь я хороший парень в обществе. Может, я когда-нибудь опять буду плохим. Это просто поток, просто танец. Я просто уведомляю о нем. Все, что я действительно хочу — это быть с Богом. И все больше и больше, что бы я ни делал, я именно это и делаю всячески. Я сижу тут, и это просто через меня проходит; это просто ничто. Оно вполне прекрасно, и чем более оно ничто, тем оно становится прекраснее.

Умирание — удобный случай для пробуждения.

Несколько лет назад, когда мать моя, умиравшая от рака, была при смерти, я проводил с ней довольно много времени. Поскольку я начал пребывать в медитации и пользовался психоделиками, я нашел, что не особенно озабочен ее смертью, хотя и очень любил ее. Когда я сидел в больнице, часто в высоком состоянии от того или иного химического средства, я наблюдал ауру людей, заходящих в палату матери — врачей, нянек, моих родичей, отца — с полной бравадой: «О, ты сегодня лучше выглядишь», «Ты суп съела?», «Через несколько дней ты поправишься», «Врач сказал, что есть новое лекарство», а потом выходили в коридор и говорили: «Она не протянет и недели».

Я видел, что она окружена кольцом полного, благонамеренного притворства, но все, что я мог, — это тихо сидеть рядом с ней и иногда просто подолгу держать ее за руку. Однажды в затемненной палате где-то за неделю до смерти она мне сказала: «Знаешь, мне известно, что я умру. Я хотела бы выпрыгнуть из окна, если бы у меня были силы сделать это». Потом сказала: «Никому другому, кроме тебя, я не могу этого сказать». До тех пор мы с ней никогда не беседовали обо всем этом. «Что такое, по-твоему, смерть?» — спросила она.

«Ну, я не знаю», — сказал я, — «но когда я на тебя смотрю, я как бы вижу кого-то, кого я люблю, очень дорогого друга внутри какого-то сооружения, которое сгорает. Я вижу, что сооружение разрушается, но каким-то образом, поскольку мы с тобой разговариваем, и мы с тобой еще здесь, я подозреваю, что если даже тело сожрет эта болезнь, то мало что изменится». Мы вместе были в молчании, просто держась за руки, по много часов.

Может быть, уместно рассказать пару слов о похоронах. В течение сорока четырех лет мать и отец в годовщину свадьбы обменивались, помимо подарков, красной розой, которая была символом их любви друг к другу. В храме гроб был накрыт покрывалом из роз. Когда гроб вывозили из храма, он проходил мимо первой скамьи. На первой скамье сидел отец, которому было в то время лет шестьдесят пять, бостонский юрист-республиканец, бывший начальник железной дороги, очень консервативный; старший брат, юрист-маклер; средний брат, тоже юрист, но имевший духовные переживания, я и невестка. Когда гроб проходил мимо первой скамьи, одна роза упала из покрывала роз к ногам отца. Все мы на скамье взглянули на эту розу. Все мы знали историю обмена розой, но никто, конечно, ничего не сказал. Когда мы встали со скамьи, отец поднял розу и держал ее, когда мы солились в лимузин. Наконец, брат мой сказал: «Она послала тебе последнюю весточку», — и все, сидевшие в тот момент в машине, согласились с этим. Все сказали: «Да!». Чувства того момента допускали приятие реальности, совершенно чуждой по крайней мере для троих членов группы.

Конечно, возник вопрос: — как бы сохранить эту розу? Оказалось, что мой дядя знал кого-то, у кого был метод, по которому цветок помещали в какую-то жидкость, вставляли в стекло, и его можно было хранить вечно. И розу поместили в этот резервуар и поставили на каминную доску как последнее, что осталось материального от матери. Несколько лет спустя после достаточного периода траура отец взял новую жену, очень милую женщину. Метод сохранения розы, был, однако, не вполне совершенен, и цвет ушел из розы в воду, так что теперь это был шар, наполненный мутноватой жидкостью, в которой плавал мертвый цветок. Там пребывала мамина весточка. Его перенесли в комнатку при гараже для памятных вещей, с которыми мы не могли расстаться. Я уверен, у всех есть нечто такое.

И еще, что я хотел рассказать вам о похоронах: я принял ЛСД и это было очень интересно, потому что я ощущал мать и вышел, наблюдая всю эту сцену. Она не казалась особенно взволнованной, я — тоже. Семья сидела с одной стороны, а остальные — по другую сторону, чтобы можно было видеть семейный траур. Я был крайний в ряду. Был солнечный день и из гроба исходил золотистый свет. Мы с матерью смотрели на всех людей, которые думали хорошие мысли о ней. Мне захотелось улыбнуться, но я понял, что это будет последней каплей. «Ну конечно, он же принимает наркотики, он улыбается даже на похоронах собственной матери!». Улыбка в настоящее время не является приемлемой общественной реакцией во время чьей-либо смерти.

Через несколько лет, еще до встречи с Махарадж-джи, я посетил город Бенарес, называемый также Баранаси, или Каши. Это очень святой город в Индии. В то время я ничего не знал об индуистской религии и мифологии. На улицах Бенареса были люди, которые буквально были при смерти, много прокаженных. Они сидели длинными рядами со своими чашами для подаяния вокруг места сожжения — гхат. Это платформа, которая просто опускается в Ганг, где сутки напролёт люди определенной касты поддерживают огонь, в котором кремируют тела. Когда кто-то поблизости умирает, тело, обернутое в ткань, переносят по улицам на носилках, или несут люди, распеваящие песнопения, или же перевозят рикша с повозкой. Когда тело выносят из дома, его выносят головой к дому, а ногами к Гангу. По пути распевают: «Рам Нам Сатья Хей, Рам Нам

Сатья Хей...» На полпути к гхат церемония завершается, и тело поворачивают головой к Гангу, потому что дом теперь — запредельное.

У каждого из полумертвых нищих на улицах к набедренной повязке привязана сумочка, в которой, как я узнал, хранятся деньги на дрова, необходимые для погребального костра. В то время бедность в Индии очень меня напугала. Их положение казалось мне таким ужасным, что я едва мог его выносить.

Пять месяцев спустя, когда я вернулся в Бенарес после того, как пожил в храме и начал понимать — что такое Бенарес, я прошел по его улицам и увидел совсем иную картину. Потому что, оказывается, Бенарес — это один из самых святых городов в Индии и умереть в Бенаресе — это высшее желание истинно духовных индийцев. Это обеспечивает освобождение, это способ, которым вы сознательно подходите к своей смерти. Когда вас сжигают на погребальном костре, Шива — одна из форм Бога, шепчет имя Рам, — другой формы Бога, вам на ухо, — и вы освобождаетесь. Таким образом, те, кто казались мне такими страшными, были людьми, которым посчастливилось из миллионов Индии, они попали в Бенарес, и собирались в Бенаресе умереть. Когда я взглянул на них с таким пониманием, я увидел на лицах их, обращенных ко мне, сожаление. Они с сожалением смотрели на меня, потому что я был чужеземец, который, верно, никогда не умрет в Бенаресе. Я просто захвачен в колесо иллюзии и страдания, которое все крутится и крутится, тогда как они покончили с этим. Я сделал поворот на 180 градусов и увидел, что Бенарес — это город невероятного ликования, хотя в нем и есть невероятные физические страдания.

И вот я здесь в этом сорокапятилетнем разлагающемся теле, этой упаковке, в которой я действую; я чту его, в достаточной мере забочусь о нем. Тем не менее, каков бы ни был катализатор, — будь то Махарадж-джи или психоделики, — мои занятия или медитативные переживания, важность моего тела и личности, этой мелодрамы Рам Дасса, заметно уменьшается. Одновременно исчезает моя озабоченность смертью, и эта новая перспектива позволила мне размышлять о смерти и писать о ней. Конечно, глубокое влияние оказало на меня изучение «Тибетской книги мертвых», описание умирания Олдосом Хаксли в книге «Остров», и его собственная смерть, а также смерть матери. Было явно, что мы нуждаемся в иных взглядах на смерть.

Много других переживаний в дальнейшем внесли свой вклад в оценку вопроса смерти, в том числе два случая с Махарадж-джи, которые очень сильно на меня повлияли.

Однажды Махарадж-джи гулял с одним своим многолетним последователем и вдруг взглянул вверх и сказал: «Ма только что умерла». Она жила в далеком городе и было очевидно, что он увидел это на ином плане. Тут он стал смеяться. Смеялся и смеялся. Его последователь был поражен и назвал Махарадж-джи «жестоким», за то что тот смеется при смерти такой прекрасной и чистой женщины. Махарадж-джи обернулся и говорит: «А что ты от меня хотел, чтобы я действовал, как какая-нибудь кукла?».

В другой раз, когда Махарадж-джи сидел с группой последователей, он вдруг оглянулся и сказал: «Кто-то идет», но никого не было видно. Через несколько минут прибыл слуга одного из последователей Махарадж-джи. Прежде чем он что-либо сказал, Махарадж-джи воскликнула «Да, я знаю, что он умирает, но я не пойду». Человек был потрясен этими словами, потому что у его хозяина всего несколько минут назад случился сильный сердечный приступ, и он послал этого человека сбежать за Махарадж-джи и привести его. Но как ни уговаривали слуга и другие Махарадж-джи, он идти отказался. Наконец Махарадж-джи взял банан, дал его слуге и сказал: «Вот, отнеси ему. Все будет в порядке». Конечно, человек этот кинулся обратно с бананом, а заботливая семья очистила его и накормила больного. Как только он покончил с бананом, он умер.

Здесь, в Америке мне однажды звонит Вейви Грейви и говорит: «Тут один парень умирает и хотел бы, чтобы ты его навел. Он в доме Тома Вольфа». А я в то время был в доме Бейкера РАЕЙ в центре Дзэн в Сан-Франциско. Я был один, поскольку Бейкеры были в Японии, и вдовольно унылом состоянии. Однако я не мог отказать и поехал. Парню было лет двадцать, он был чрезвычайно худой, в джинсах, куртке и ботинках. Я присел с ним рядом и сказал: «Я слышал, ты собираешься скоро умирать.» — «Ага», — ответил он. Тогда я спросил его, не хочет ли он поговорить об этом, и он сказал — хорошо. Тут мы стали разговаривать и минут через двадцать, когда он взял сигарету, я заметил, что рука у него дрожит, а раньше этого не было. От страха, сопровождавшего мое унылое состояние, я подумала «Ой-ой-ой — что я наделал. Какое я имею право к нему приставать? Он же умирает». Я сказал ему: «Слушай, парень, ты меня извини. Я не намерен приставать к тебе, я оставлю тебя. Я не собираюсь тебя пугать». А он говорит: «О нет, вы не пугаете! Я нервничаю оттого, что я так возбужден тем, что с вами. Я искал в себе силы умереть, а вы — первый человек, с которым я соприкасаюсь, кто не усугубляет этого тем, что так этого страшится». Он придал мне уверенность в правильности моих действий, которой у меня самого не было, и сказал: «Делайте то, что вы делаете, это отлично».

Так что мы стали бывать вместе и однажды я нанял машину, и мы отправились в поездку по первому шоссе в округ Марии, и очень опасную дорогу вдоль побережья. Мы остановились заправиться и он говорит: «Ничего, если я поведу? Может это в последний раз». Так вот это весьма романтичный образ, если вы знаете, — как относятся двадцатитрехлетние к вождению — машины, и я сказал: «Конечно». Он повел машину, но очень скоро стало ясно, что он слишком слаб, чтобы крутить рулевое колесо. Мы ехали всего миль двадцать в час, но он объезжал кривую, где был спуск к океану футов в триста, а я держал руль и крутил его, стараясь сделать это ненавязчиво, чтобы не было промаха в смысле отношения; мне не хотелось его волновать. Как бы оттого, что положение в данный момент было неважное, он попытался закурить сигарету. «Ого», — подумал я, — «он не только собирается уйти, но и меня намерен прихватить с собой». Только я увидел, что вступил с ним в разговор, я сплотился с ним, чтобы уверить его, что он иной, чем он есть, чтобы защитить его образ себя как эдакого мужественного двадцатитрехлетнего юноши. «Я знаю», — сказал я ему, — «ты вовлек меня в разговор, потому что ты явно не можешь повернуть руль, продолжая в то же время курить. Я поведу машину. Мы должны быть в том, что есть, а не в том, как мы хотели бы, чтобы это было. Теперь это так, давай здесь и будем». Отсюда у нас пошел диалог, гораздо более возбужденный, и мы просто все более и более жили в настоящем моменте. Оказывается, единственная подготовка к смерти — это жизненный процесс момент к моменту. Когда живешь в настоящем теперь, потом в этом настоящем, а потом в этом, то когда наступает момент смерти, ты не живешь ни в будущем, ни в прошлом. Самое капризное в смерти — это преждевременный страх. Но вы никому не прикажете жить в настоящем моменте, если сами не живете в нем.

Позднее меня пригласили поработать с одним юристом, у которого был рак, а я сказал: «Я работаю с людьми, только если они желают работать со мной». — «О, да», — уверили меня — «он желает с вами поработать». Тогда я выехал в его места, а это был очень шикарный дом у океана. Он сидел там в кругу своей семьи и друзей, и все они пили. Он заправлял всей этой сценой твердой рукой, потому что он был умирающий. Я вошел, мне предложили выпить и я немного посидел, глядя на океан. Я улавливал истерию в беседе, в том, как все смеялись слишком громко. Наконец я обратился к нему и сказал: «Насколько я понял, вы должны скоро умереть». Если бы он меня не пригласил поработать со смертью, я бы не имел права сказать такое. Нельзя заявиться к кому-то и сказать: «Я слышал, вы должны умереть». Вы не имеете никакого права взваливать на кого-либо свой путь, но он пригласил меня делать то, что я делаю, а это дело сострадания. Все сразу переменялось. Я сказал то, чего еще никто не говорил, и это сразу переменяло всю атмосферу. Тут семья, друзья, и он вступили в беседу о смерти, сидя у океана в тот прекрасный день. Мы медитировали над океаном, и все стало приобретать силу непосредственности и изысканности океанического процесса умирания.

Несколько позже в Лос-Анджелесе умирала очень близкая мне подруга, и я поехал навестить ее. Она была человек очень тонкий, интеллектуальный, благородный, чуткий. В первый раз, когда я ее увидел, она была на таком этапе, где ее интересовала смерть и ей хотелось о ней поговорить. Когда я говорил, я уловил, что та интеллектуальная сторона в ней, которая не имела никакого опыта в связи с перевоплощением, заявляет: «Я об этом слышала, но это мура». Я видел, что слова мои просто не оказывают воздействия. В другой раз, когда я поехал ее навестить, она была настолько слаба, что я мог лишь посидеть у ее постели.

Я просто опишу вам этот момент. Она умирала от рака лимфатической системы, и была очень сильная боль внизу живота и паху. Когда я там сидел, она буквально корчилась от боли, ворочая головой и раздирая тело руками. На лице у нее было выражение мучительной боли. Я сидел рядом с ней, делая буддийскую медитацию над угасающим телом. Это обрядовая медитация, которую делают на этапах угасания человеческого тела. Я просто сидел там, широко раскрытый, не закрывая глаз и не уходя в другое место, а просто пребывая с этим, отмечая боль, все отмечая, позволяя протекать своим чувствам, но не привязываясь к ним, не держась за них и не вынося об этом никакого суждения. Просто наблюдая за проявлением мировых законов, что сделать нелегко из-за нашей эмоциональной привязанности, особенно к тому, кого мы любим лично. Сидя там и наблюдая боль и страдания, я стал испытывать великий, глубокий мир. Комната озарилась. И в этот момент, прямо в своих судорогах, она повернулась ко мне и прошептала: «Я чувствую такой покой». Хотя тело ее корчилось от боли, в этой атмосфере медитации она сумела выйти за эту боль и испытать глубокий мир. Я, или мы, создали то вибрационное пространство, в котором мы могли быть вместе. Ни она, ни я не предпочли бы быть ни в каком ином пространстве в мире в этот момент. Это было блаженство.

На семинаре о смерти и умирании, который вела Элизабет Кублер-Росс, 28-летняя нянька и мать четверых детей, умирающая от рака и перенесшая одиннадцать операций, спросила присутствующих: «Как бы вы себя чувствовали, если бы зашли в больничную палату навестить 28-летнюю мать, умирающую от рака?» В ответах, высказанных аудиторией, были: гнев, расстройство, жалость, печаль, ужас, смятение и т.п. Тогда она нас спросила: «А как бы вы

чувствовали себя, если бы вы и были этой 28-летней матерью, а всякий, кто пришел бы навестить вас, испытывал такие чувства?» И тут всем нам вдруг стало очевидно, как мы окружаем такого человека своими реакциями на смерть и забываем о том, что это человек, такой же как мы, в том теле, которое нуждается в прямом контакте с кем-нибудь. Это не отличается от упомянутого прежде примера о красивой девушке, к которой никто не может относиться иначе, как к телу.

Эрик Каст, который работал с ЛСД с раковыми больными в терминальной стадии, писал об одной няньке, которая умирала от рака. Она приняла ЛСД и, как сообщалось в журнале «Всемирные медицинские новости», сказала: «Я знаю, что умираю от этой болезни, но смотрите — как прекрасен мир!». Хотя она и была занята умиранием, она на мгновение вышла за пределы умирания и попала в иное пространство.

Несколько лет назад одна девушка, Дэбби Матисон, умирала в больнице Маунт Синай в Нью-Йорке. Дэбби приняли в центр Дзэн в Нью-Йорке, и когда она умирала, братья-монахи и ученики решили, что вместо медитации в дзэн-до, они будут приходить в ее палату и каждую ночь медитировать. В первую ночь врачи пришли со своим обходом и распахнули дверь со своим бодрым: «Ну, как вы себя чувствуете?». А там сидят эти люди в черном в глубокой медитации, и врачи отпрянули. Прошли ночи, и врачи входили в палату как в храм, что так и есть, прямо в больнице Маунт Синай. В самой больнице, В Храме Жизни, был храм тому, что за жизнью и смертью.

В Японии, когда человек умирает, у изголовья постели ставят ширму, которая изображает Чистую Страну Будды, и он или она может сосредоточиться на ней, чтобы, когда придет смерть, последние мысли были об уходе. Это как железнодорожный билет, это поезд который вас провезет, и вы можете на нем выехать, если захотите.

Эти разные случаи все больше и больше приводили меня к идее Центра для Умирания. Она у меня не новая, но на самом деле исходит от Олдоса Хаксли. Это было бы местом, куда люди приходили бы, чтобы сознательно умереть в окружении других, кого смерть не страшит. Я считал, что он должен быть в горах или у океана, с которыми явно связана вечность. Может, это были бы домики, и человек мог бы умереть там так, как он хочет, — как христианин, еврей, индус или атеист. Те, что пришли умереть сознательно, могли бы умереть с таким количеством медикаментов, каким им угодно, сколько им было бы сообразно. Хотя им и нельзя было бы просить врачей убить их, им не нужно было бы продлевать жизнь. Что еще в дополнение к жреческому и медицинскому персоналу следовало бы добавить — гида, чтобы помочь индивидууму оставаться сознательным и в такой момент.

Теперь, когда я размышляю над словом «гид» (проводник), меня поражает, что нет профессионалов в деле умирания. Всякий умирающий, с которым я разделил время, помог мне, вероятно, больше, чем я ему. Сейчас многие соприкасаются со мной и спрашивают: «Как вы думаете, мог бы я поработать с умирающими?» И я вижу, что с точки зрения любого индивидуума в смысле его или ее собственного роста, одно из глубочайших переживаний, которое может быть у нас, это работать с процессом умирания, с собственным или еще чьим-либо. Это сталкивает нас лицом к лицу со многими сложными вопросами в самих себе, которые важны для нашего собственного духовного развития и пробуждения. Таким образом я принимаю роль «гида» как воспитательную. Ибо, поистине, гид и умирающий сходятся, чтобы воспользоваться друг другом для собственной работы над собой. Это подлинный танец сотрудничества между двумя людьми. Отвлеченная сторона этого в том, что вы ни в коем случае ничего ни для кого не делаете. На самом деле, люди делают все для себя, а вы — лишь среда, в которой они это делают, когда они готовы. Таким образом, «гиды» должны быть на определенном этапе собственной эволюции для того, чтобы быть средой для пробуждения через смерть. Они должны иметь связь с планами сознания за пределами времени и пространства, которые дадут им философскую базу, позволяющую им быть хладнокровными, и не паниковать перед лицом смерти. Они должны видеть в смерти не конец, а процесс преобразования на определенном этапе собственной эволюции для того, чтобы быть средой для пробуждения через смерть. Они должны иметь связь с планами сознания за пределами времени и пространства.

На том уровне, где есть только один из нас, это может быть жутко, потому что тут-то вы и сталкиваетесь с прекращением себя как отдельной сущности. И такие духовные занятия как медитация помогут мало-помалу выпутаться из привязанности к уровням иллюзии вашей отдельности.

До тех пор, пока вы не свободны от этой иллюзии и не в состоянии погрузиться в океан существования без страха, все, что вы делаете, тонко увековечивает эту иллюзию отдельности. Пока вы привязаны к своей отдельности, вы не можете помочь, а лишь увековечиваете страх, потому что в вас есть тонкий страх утраты своей отдельной личности. Поскольку большинство из нас не вполне осознали свое единство с космосом, мы должны продолжать работу над собой, а так же продолжать служить своим собратьям, чувствующим существам, и облегчать страдание. А

как же мы можем облегчать страдание, когда мы сами все еще боимся? Это вопрос степени. Мы делаем, что можем для других и тем не менее, никогда не перестаем работать над собой, ибо не забываем, что это наше сознание может помочь другому освободиться.

В обсуждении Центра для Умирания я говорил о тех, кто стремится умереть сознательно. Есть немало новых экспериментов в придании достоинства процессу умирания для всего населения, особенно замечательно сделано это в приюте в Коннектикуте, сформированному по английскому образцу. Программы эти великолепны, и я их одобряю. Однако в настоящее время я заинтересован в гораздо более специальном предприятии. Духовная община в Америке состоит из индивидуумов, которые стремятся пробудиться духовно, или сознательно, через опыт, доступный в жизни. Соответственно, они малочисленны, так как большинство людей заняты либо выживанием, либо увеличением наслаждения. Такое же соотношение в равной мере представлено в населении и в процессе умирания. Это люди, которые вследствие состояния своей эволюции желают воспользоваться своей смертью, чтобы помочь себе пробудиться в духе. С этими-то людьми я и хочу контактировать и для них создал бы Центр Умирания, или, быть может. Центр Обучения через Умирание.

Со временем, если модель эта будет полезна, это стало бы очевидно для общества. Такое крайнее заведение силой своего утверждения привлекало бы к себе круг людей, которые пробудились бы к возможности обучения через умирание уже самим существованием такого учреждения.

С год назад, когда я собирался изыскивать средства для такого Центра, Стюарт Брэнд из «Всемирного каталога» и периодического ежеквартального издания «Козволюшн Куотерли», так интересующийся этой сферой, спросила «Зачем вам Центр? Почему бы вам не начать просто с телефона? Что-то вроде «Звонить по поводу смерти?» Это дало бы людям возможность позвонить и попросить помощи в разрешении проблемы смерти. Гиды и иная помощь была бы доступна им прямо у них на дому, в больнице или где-то еще. Мы хотим вывести смерть из больничной среды, как это произошло за последние лет десять с рождением. Или, по крайней мере, помочь созданию в больнице обстановки, которая позволила бы умирать сознательно.

Если мы извлечем смерть из всех накруток, как мы это сделали с рождением, мы станем более сильными людьми в своем умении жить с истиной природы. Но сострадательное использование смерти требует благоразумия. В решении проблем смерти вы должны быть готовы говорить правду, когда кто-то просит вас сказать правду. По тому же принципу вы должны молчать, когда кто-то пытается отрицать свою неминуемую смерть. Отцу моему семьдесят пять лет, и он немало времени провел в озабоченности смертью, потому что он уже перешел зарегистрированную возрастную черту, хотя и был довольно здоров. Я проводил семинар о смерти на лужайке собственного дома с парой сотен участников. Он вышел, послушал несколько минут, а потом ушел и следил за игрой в мяч. Потом, когда я вернулся, он сказал: «Народу-то у тебя сегодня сколько!». Он и не собирался слушать. Мне хотелось бы иметь возможность сказать ему «Позволь мне поделиться с тобой кое-чем, что облегчит твои заботы, потому что ты мой отец и я тебя люблю». Но с другой стороны мы просто два человека, которым довелось быть в воплощении, в этот раз, когда он мой отец, а я — его сын, и наш подход к жизни совершенно разный. Я начал было наступать на него, но потом перестал. Мое сострадание немного созрело, и я мог просто любить его таким как он есть — в его совершенстве.

Позднее он несколько раз задавал вопросы о смерти и медитации. А несколько недель назад за обедом он сказала «Благодаря нашим беседам в этом году я вроде бы не так озабочен смертью, как бывало. Иной раз я почти жду ее».

Есть книга под названием «Жизнь после жизни», с которой меня ознакомила Элизабет Кублер-Росс. В книге рассматривается 150 случаев с людьми, которых объявили клинически умершими, а они потом оживали. Одни — от несчастного случая, другие в операционной палате. Многие из них описывали свои переживания в течение того времени, когда их считали мертвыми, — полет, пересмотр своей жизни, встречи с другими, с друзьями или родственниками, ранее умершими, и встречи со световыми сущностями. Сила этих данных — в сходстве описываемых переживаний. Уроки такого рода являются значительным шагом в деле привнесения вопроса жизни после смерти в сферу западного ума и, таким образом, рассеяния озабоченности в связи со смертью.

Мои посещения доктора Росс чрезвычайно обогатили мою оценку возможностей работы с умирающими. Будучи весьма компетентным врачом, — практиком и психиатром, эта маленькая швейцарка пережила много глубоких восприятий в связи с тем, что кроется за смертью, и передает глубокий мир и успокоение своим пациентам.

В то, чтобы быть сознательным, входит и условие не пытаться наложить какую-то ограниченную рациональную модель на то, — как миру быть, — а скорее осознать, что эта рациональная модель есть конечная подсистема, а закон вселенной — бесконечная. Работать с

умирающими в свете этих парадоксов — значит видеть совершенство умирания, и в то же время постоянно работать для облегчения входящего в это страдание и приготовление человека к моменту смерти.

В восточной традиции состояние сознания в последний момент жизни настолько важно, что всю жизнь проводишь в приготовлении к этому моменту. У нас недавно произошло немало убийств в нашей культуре, и когда мы думаем, — что это было для Бобби Кеннеди или Джона Кеннеди, и если у них была какая-то мысль, — какая же она была. «О, меня убили!», «Он это сделал», или «Прощайте!», «Поймать его», или «Простить ему». Махатма Ганди вышел в сад провести пресс-конференцию, и один убийца выстрелил в него три или четыре раза, но когда он падал, уста его произнесли одно лишь слово: «Рам...» Имя Божье. Он был готов.

В момент смерти вы легко освобождаетесь, вы уходите в свет, к Единому, к Богу. Кроме того, единственное, что умерло, был еще один набор мыслей о том, кем вы были в этот раз.

Освобождение ума.

Теперь вы начинаете ощущать единство садханы, практики. Мы работаем с сердцем, чтобы открыть поток с формами во вселенной в том числе с мыслями и чувствами. И этот океанский поток берет форму и вновь обращает ее в энергию. И поток этот используется также для подношения всего материала, чтобы от него избавиться.

Подношение, сжигание или чистка называются очищением. Оно есть во всех религиях. В Раджа-Йоге это называется — яма. Разные обеты, которые принимают в буддизме, отречения и заповеди — в христианстве и иудаизме. Они осуществляются от так называемого «различающего сознания», т.е. вы понимаете, что вы — некая сущность, проходящая по жизни, в которой вся жизненная драма есть пища для вашего пробуждения. Вы видите, что жизненный опыт есть средство для того, чтобы прийти к Богу, или стать сознательным, свободным. И вы наконец понимаете, — зачем вы здесь, — что именно это вы и делаете здесь.

Когда вы действительно желаете Бога, а не просто желаете желания Бога, вы понимаете, что это и есть все, что вы здесь делаете. Когда вы только желаете желания Бога, вы говорите: «Ну, я должен сделала то-то и то-то, но я хотел бы прожить жизнь для того, чтобы вернуться к Богу». Если вы в какой-то степени освоили четыре истины Будды, вы понимаете, что освобождение от привязанности и есть освобождение от страдания, а это освобождает всех от страдания. Или, если вы думаете: «Ну, я не могу просто желать идти к Богу, я помогу и другим», — вы начинаете понимать, что они не противопоставлены вам, а очень тесно связаны с вами. Потому что все, что вы сделаете для другого человека, может его освободить в той мере, в какой вы освобождены. Если вы покормите кого-то с привязанностью, вы наполните им желудок, но также и усилите их привязанность. А это усиление увековечит их страдание. И таким образом вы в конце концов поймете, что всякое ваше действие в жизни становится действием работы над собой, потому что это самое большее, что вы можете сделать для всех чувствующих существ, кормите ли вы кого, сидите ли и медитируете в пещере, смешите ли людей, оказываете ли услугу, или обеспечиваете кому-то блага или же делаете скандал. Что бы вы ни делали, вы — передатчик.

У музыкантов, например, есть представление о развлекающихся: вы играете, чтобы другие слушали. Когда вы начнете яснее улавливать — в чем весь танец, вы поймете, что вы — душа на пути к собственному освобождению, а все это — зерно на мельницу, включая и вашу флейту и вашу игру на флейте. Тогда вы осуществляете то, о чем говорится в «Бхагавад Гите»; вы играете на флейте в подношение Богу. Так что вы отыгрываете это обратно в круг. И когда вы пользуетесь игрой на флейте как актом очищения, это уже больше не «моя» флейта и это играет не для удовлетворения «это». Это часть садханы, это подношение, жертвоприношение. Тогда игра на флейте начинает становится чистой и исходит из все более и более высокого пространства. Если вы послушаете, к примеру, как Бишмелла Ханиграет на шанаи, вы услышите человека, который играет Богу, и что круг этот настолько замкнут, что это Бог играет Самому Себе. Другие человеческие существа просто слушают. И поскольку это играет таким образом, тонкое сознание артиста не засасывает другого в «развлекаемые». Потому что разделение между развлекающим и развлекаемым есть различие между субъектом и объектом, это некая дистанция между людьми. Когда вы часть музыкального инструмента Бога, играющего Самому Себе, тогда всякий может присоединиться и войти в этот круг, и там — лишь одно. И нет никакой отдельности. Но как только вы думаете, что кого-то развлекаете, в тот миг, когда вы считаете, что кого-то кормите, как только вы думаете, что вы тут, а вне вас — «они», вы тут же теряетесь. Вы как раз остановили поток. Ваши представления останавливают поток. Потому что ум, мыслящий ум, работает в связи с субъектом и объектом. И в тот миг, как вы думаете о том, что это — иной, в тот миг, как вы определили этого человека как кого-то, кого нужно накормить, и это и есть реальность,

единственная реальность, вы обратили их в объект. Как бы хорошо вы их ни накормили, вы все-таки отделили их от себя. Большинство людей в Америке подают из страха, как будто для того, чтобы люди отстали.

Помню, я читал лекцию, по-моему, в Портленде в центре гражданской общины, хотя обычно я читаю в более простых местах, и там была огромная оркестровая яма, а аудитория была «за этим», и нельзя было даже зажечь верхний свет, чтобы их видеть. Вся игра была направлена на то, чтобы сделать всех объектом и субъектом. Был там большой барьер, как ров, чтобы защитить вас от масс. Это было невероятно! И законы безопасности не позволяли мне, чтобы кто-то еще был на сцене. Я был на сцене один с Кришна Дассом — на такой сцене, на которой могла уместиться целая оперная труппа. А там — море «их», которые пришли развлечься — на традиционный лад шоу-бизнеса. Но пробиться через все это — вовсе не обязательно требует какого-то изменения в физической игре. Было бы прекрасно, если бы все сидели вокруг меня, рядом и по-дружески. Но это не главное. Это чем занята моя голова. И это в том, чем занята ваша голова в любом деле, которое вы делаете, и что определяет — освободит ли вас этот акт или поймает в ловушку вас и всех вокруг вас.

Вот мы и подошли к проблеме бездумия. Как вы пользуетесь своими мыслями и как вы выходите за их пределы? И как вы пойдете за ум? Когда вы признаете, что жизнь ваша есть средство для вашего освобождения, становится ясно, что всякий жизненный опыт является для вас оптимальным опытом, который вам нужен, чтобы пробудиться. И как только вы воспринимаете его таким образом, он становится полезным в этой сфере. Как только вы отрицаете это восприятие, — оно уже так не действует.

Есть в психологии термин — «функциональная фиксированность». Например, вы смотрите на молоток и считаете молоток инструментом для забивания гвоздей. Вам может понадобиться что-то, чтобы служить маятником, но всякий раз, как вы смотрите на молоток, вы видите только нечто, чем забивают гвозди. Мысль, что молоток можно привязать за веревочку и использовать в качестве маятника, не придет вам в голову, потому что вы не можете разрушить функциональную фиксированность; вы получили установку о том, как это должно быть, и не можете эту установку сломать.

Вот то же самое и с жизненными переживаниями. Культура отличается определенной установкой в связи с тем, — каков смысл всякого опыта. Что такое смерть, за что такое отклонение в поведении. Ненормальность ли это или мистическая мудрость? В культуре есть все эти модели, вся ее функциональная фиксированность, которую вы усваиваете по поводу того, — что такое тот или иной опыт вашей жизни. Удовлетворителен ли он, приятен или мучителен? Модель, по которой действует наша культура, — это модель удовлетворения через внешние агенты, получение побольше от среды, — человека над природой, управления и владения ради удовлетворения, ради создания собственных жизненных небес, в которых властвует ваше эго, ваше это — «Бог». А это отличается от культуры, скажем, индийских топи, где слышишь о гармонии человека и природы, равновесии, Дао, потоке. Человек в природе, а не человек над природой. Это не овладение и управление; это прислушивание, чтобы уловить, — каким образом ты играешь свою роль в потоке. Тогда это не просто ваше личное удовлетворение; вы становитесь участником процесса, который выходит за пределы вашей отдельности. Это средство выражения Бога, это Бог в форме.

Таким образом, модели, которые есть в уме вашем в связи с вашим опытом, определяют — освободит ли вас этот опыт или будет продолжать вас улавливать в западню! В этом фундамент использования ума. Это сознание различения, т.е. осуществление различия между теми моментами, теми взглядами на вещи, которые вас приблизят к Богу, к вашей свободе, и теми, которые вас уведут от нее.

Сейчас, на том этапе, на котором находятся люди, с которыми я встречаюсь, они осуществляют свою практику, свой метод как «хороший» метод, насколько только могут. Они говорят: «Да, это великолепно, а что вы скажете, если мы употребляем пищу с пивом и слушаем хорошую музыку». Так вот — пища, пиво и музыка — тоже могут это для них сделать, вот только в уме у них такая модель, что это не имеет с Путем ничего общего. Мы завели эти модели в голову своей относительного того, что именно нас приведет. Медитация, как мы полагаем, приведет нас туда, а пища, по-нашему, — нет. Но пища, пиво и рок-музыка могли бы это сделать для вас, будь вы открыты для потока этого, а медитация может и не привести туда, если вы заняты только ее правильностью. Потому что нет такого акта, который сам по себе, и сам по себе был бы актом дхармы или адхармы. Кто его выполняет и зачем — вот что определяет, полезен он или нет. Вонзить в кого-то нож — может быть адхармой, уводящей людей от Бога, а если вы хирург — это вело бы к Богу. Очевидно, дело не в самом акте вонзания ножа. Важно кто, что и как делает. Даже два хирурга могут по-разному воспользоваться этим ножом, один — в плане дхармы, другой — адхармы; хотя оба думают, что стараются спасти кого-то. Один созвучен с Божьей волей, другой

— нет. Один — на пути эго — «я вас спасу», а другой лечит в порядке вещей, говоря: «Если будет на то воля Твоя, Господи».

Заявление: «Если будет на то Твоя воля, Господи», означает: «если это будет в природе вещей, если это будет в Естественном Законе, если это будет в потоке совершенства формы». Не вам судить Бога, Естественный Закон или Закон Божий. Вам следует уразуметь, услышать, почувствовать и быть им.

Вот вы и спрашиваете себя: «Как я использую каждый миг, чтобы туда попасть?» Не тяжело и скованно: «Я должен быть осторожен, я могу сделать ошибку». Легко, танцуя, веруя, успокаиваясь, текуче. Это следует делать с потоком любви и покоем ума. Как женщины Индии, что идут к источнику и возвращаются с полным кувшином на голове. Они идут, смеются и болтают, но никак не забывают о кувшине на голове. Этот кувшин с водой и есть ваш путь. В ходе его вы делаете то, что делаете в жизни, но вы не забываете о кувшине с водой. Вы не забываете, — что это такое. Вы удерживаете взор свой на отметке. Сначала вам придется немного поднажать, чтобы делать это, и вы будете то забывать, то вспоминать, забывать и вспоминать. Это и есть иллюзия. Иллюзия увлекает вас в забвение. Забыться в своей мелодраме: моя любовная жизнь, мой ребенок, мои средства к существованию, моё удовлетворение, «кто-то спер мой стерео», «Мне нечего надеть», «Достаточно ли мне секса?». все больше и больше ерунды. И вы в ней забываетесь.

А потом вы временами вспоминаете. Вы сидите и медитируете или же читаете Рамакришну или Романа Махарши и вдруг: «Да, да! Именно так оно и есть». И вы опять помните. А потом через минуту забываете. И происходит изменение равновесия. Если вы представите себе колесо, ободок которого — это цикл рождений и смертей, весь «материал» жизни, обусловленная реальность, а центр — совершенный поток, бесформенное неумствование, источник. Вы стоите одной ногой большей частью своего веса на окружности колеса, а другой ногой на ошупь — на цетре. Это начало пробуждения. И вы заходите, садитесь, «медитируете» и вдруг вот момент, когда вы чувствуете совершенство своей сущности и свою связь. И даже за этим вы просто есть. Вы — просто как дерево или поток. И это всего одну-две секунды там в ступице. А потом вес ваш переносится обратно на внешнюю сторону колеса. Это происходит снова и снова. Вес смещается медленно, медленно. Потом вес смещается как раз настолько, что есть уже незначительное преобладание в центре колеса, и вы обнаруживаете, что сами собой просто хотите сесть и быть в покое. Что вам не надо заявлять: «Теперь я должен помедитировать», «Следует почитать святую книгу», или: «Надо отключить телевизор». Или еще что-то следует сделать. Это уже перестает быть дисциплиной такого рода. Равновесие переменялось. И вы позволяете своей жизни стать все проще и проще. Все гармоничней и гармоничней. И все меньше и меньше хватаетесь за одно и отвергаете другое.

Вы прислушиваетесь ко всему — как оно есть, а не навязываете никакой структуры, потому что видите, что если вы навязываете структуры, — это вас не освобождает. И вы начинаете забывать свою романтическую личную историю «кем я становлюсь?», «Кем я буду, когда вырасту?». Все эти модели просто отпадают. Вы начинаете пребывать в простоте, жить просто, быть там, где вы есть, быть с теми, с кем вы есть, когда вы с ними; вы слушаете свою дхарму. Если это делание обуви, вы делаете обувь. И вы делаете обувь своим сознанием в настоящем, легко и просто, не фантазируя о прибое в Гавайях. Вы просто делаете обувь. И от того сознания, которое вы вкладываете в это делание обуви, его неумствования, это становится самым совершенным выражением обувности, что может прийти через вас в связи с вашим искусством в данный момент.

Когда вы просто делаете башмак, вы и есть медитация. Тут нечего делать. Вся ваша жизнь — медитативный акт. Нет такого времени, чтобы вы вышли из медитации. Это не значит просто сидеть на подушке для медитации, на софе. Вся жизнь — это большая софа, не важно — ведете ли вы машину, занимаетесь любовью или делаете еще что-то. Все это медитация. Интересно будет поразмыслить о своей жизни в связи с тем, какие акты можно осуществить с софы, а какие нет. Какие акты отпали бы, будто они осуществлены из этого пространства просто ясного, спокойного присутствия? Это просто естественное отпадание, которое происходит как часть процесса, в котором мы все пребываем.

А это приводит нас в интересное пространство, имеющее дело со свободной волей и детерминацией. По правде говоря, я еще не в состоянии вполне и ясно разобраться в этой проблеме. Но я поделюсь с вами тем, что я сумел понять. В совершенство этого Божественного плана входит свобода индивидуума выбирать либо гармонию с законом, либо пойти против закона.

В Библии это изображается выбором Адама и Евы съесть яблоко. А Бог, можем мы сказать, это Слово, которое описывает, символически олицетворяет тот Божественный закон, что гласит: «Живите здесь в совершенстве потока, но воздержитесь вкушать от плода». Но выбор — захотите ли вы вкушать от плода или нет — существует в Райском Саду, как и везде. Плод символизирует

отделение индивидуума от потока в уме своем. Субъектно-объектную реальность, с самосознанием. Это знание ее, а не бытие ею. Хлоп! Вкушение плода. Разделение.

Как было ранее сказано, после разделения Бог смотрит на Адама и Еву, а они закрыли свои половые органы фиговыми листьями, и он говорит: «Кто вам сказал, что вы наги?». Потому что, если бы вы были едины с потоком, откуда бы у вас взялся стыд, отдельность и все прочее? Вы все испытывали бы невинность, при которой нагота — это просто чистый поток и красота. А вы испытывали стыд. А вы были младенцами и видели свободу в том потоке. И вы возжелали вернуться к тому потоку. Быть потоком и есть та невинность.

Хотя выбор и доступен все время и до той жизни, в которой вы начинаете пробуждаться, вы не отождествляетесь ни с чем иным, как с тем, что полностью детерминировано. До тех пор вы отождествляете себя со своими мыслями, но мысли ваши все закономерно детерминированы. Они всецело в законах причин и следствий. Но кто вы есть на самом деле — это не ваши мысли. Тот вы, которым вы себя считали, оказывается обусловленным, механическим процессом тела и мысли, а тот «вы», которым вы действительно являетесь, возвращается в Пустоту, в поток, в самую Дхарму. Таким образом, оптимальная стратегия — действовать, как будто у вас уже есть свободный выбор. И выбирать — всегда то, что, как вы чувствуете, более всего гармонирует с ходом вещей.

Можно сказать, что до того, как вы пробудились, вы детерминированы. Это всецело воля человечья. Раз вы пробудились, вы вольны выбирать между человеческой волей и Божьей волей. Вольны выбирать обратить взор ввысь или нет. Можно и так это выразить.

Вы, к примеру, думаете, что подцепили эту книгу по какому-то свободному выбору. Но ваши интересы, средства и интеллектуальные способности суть продукт определенных прежних условий, фактически есть люди, способные выйти из пределов времени, которые видят, что это выбор, который вы бы сделали, потому что они понимают, — как действуют законы и от какого «материала» исходит этот выбор. В этом смысле это был не совсем свободный выбор. И тем не менее он не фатален.

Последствия детерминированности и свободной воли — фатализм, карма, зависимое порождение — все это сплетает невероятно сложный узор, выразить который, мне кажется, как-то уже не в масштабах этой работы. Так что в данный момент я вам скажу: действуйте, как будто вы свободный агент и делаете выбор пробудиться. Иными словами, вы должны пользоваться реальным сознанием различения. Искусное использование интеллекта — созерцание. Каждое утро работайте с какой-то мыслью. Возьмите какую-нибудь святую книгу. Не читайте страницы, не коллекционируйте их; возьмите одну мысль и просто посидите с нею минут десять-пятнадцать.

Можете размышлять над качествами Христа, над Милосердием, Жертвенностью. Каждый день вы размышляете над материалом, которым вы становитесь. Шри Рамакришна сказала «Если вы медитируете над своим идеалом, вы обретете его природу. Если вы думаете о Боге день и ночь, вы обретете природу Бога».

Наполняйте ум тем, что поведет вас туда. Не обязательно заполнять ум свой новостями дня, чтобы доказать, что вы хороший гражданин. Вы не обязаны быть во власти всего этого, постоянной атаки посредничества. Вместо этого вы могли бы наполнить ум материалом, который вас освобождает. Осознав в конце концов то, что вас приводит к Богу, а что — нет, чтобы помочь себе избавиться от того, что не приводит.

Вы начинаете развивать силу ума сосредоточением, единонаправленностью. Слежением за дыханием, слезением за мантрой или что еще там у вас согласно выбору вашей дхармы.

Вы развиваете способность направлять ум на одну мысль и удерживать его там, позволяя всему прочему протекать мимо. Вы не останавливаете ум. Вы даете ему течь. Но постепенно выносите на поверхность одну мысль. Вы все время возвращаетесь к одной мысли. Вдыхая, выдыхая. Вдыхая, выдыхая. Поднимаясь, падая. Вы отмечаете: вдох, выдох, или пользуетесь своей мантрой: «Рам, Рам, Рам, Рам, Рам, Рам, Рам, Рам, Рам, Рам, Рам, Рам». Во время еды, во сне, занимаясь любовью... «Рам, Рам». Вы «Рамизируете» это. Вы все это преобразуете сохранением формы отношения. Это обладает двойной способностью — сосредотачивает вас и увеличивает силу устремленности в одно. Ум единонаправленный свободен от интеллекта, это гибкий, полезный ум.

Видите, вы можете пользоваться интеллектом, чтобы выносить суждения о мире — или же для очищения своей игры. Если вы судите о мире, вы пользуетесь интеллектом для отхода от Бога, а если вы пользуетесь им для очищения своей игры, он может привести вас к Богу, к Дао, к пути вещей. Божественному Плану, как о том сказано в Иудаизме, Христианстве, Мусульманской религии, Индуизме, Зороастризме; можете называть это Разумом Божьим, Естественным Законом, а можете называть путем, по которому все в форме связано со всем иным: это поток; и этот поток гармоничен в частях своих. Даже его какофоничные стороны гармоничны в более широком

смысле. Естественный Закон включает и парадокс, а закон логики не может его включать. «А» может быть и «А», и не «А» в одно и то же время. Это тот закон, которым вы можете стать, а не тот, который вы можете знать. Ближе всего мы на Западе подходим к ощущениям этого закона в так называемой интуитивной мудрости. Гурджиев называл ее «высшей способностью». Это более высокий способ познания, субъективное участие в мире, а не объективное. Вы не знаете этого закона, вы есть этот закон. И вы ощущаете, когда у вас спокоен ум, путь вещей.

Как некоторые племена американских индейцев высылали возмужалого парня в дикую пустыню на несколько дней или недель попроститься и прислушаться, успокоиться и войти в согласие с путем вещей, так нужно стать в достаточной мере спокойным, чтобы слышать — не только призывы певчих птиц, но и путь собственных сексуальных желаний, путь собственных форм гнева, путь своего сердца, путь распада своего тела, не увязая в захвате, в суждении, анализе, привязанности или страхе, а просто слушая это как оно есть. Это не объективный «свидетель» в смысле стояния в сторонке и смотрения. Я сейчас говорю об очень тонком моменте. Это использование ума за пределами интеллекта. Интеллект — это его первый шаг, различающее сознание; оглядеться вокруг и сказать: «Этот гнев меня к Богу не поведет, мне надо от него отказаться». Вы отказываетесь от него, потому что видите, — куда вы идете в этой жизни. Это как поехать в Нью-Йорк Сити, а вы попадаете на дорогу, которая ведет в Мехико, но вы по ней на этот раз не поедете. Мехико — это прекрасно, но на этот раз мы едем не туда.

Сознание различия основывается на целенаправленном поведении. Но когда вы подходите ближе к концу пути, вы должны отказаться даже от понятий цели, старания и себя как стремящегося. Потому что даже эти понятия в конечном счете вас задерживают. Все понятия, все модели, образцы, программы у вас в голове суть ограничивающие условия. Успокоение ума, достаточная вера для того, чтобы существовать в безмыслии, просто быть пустым и верить, что когда какая-то ситуация возникнет из вас, то придет и все необходимое для взаимодействия с этой ситуацией, включая и использование вашего интеллекта, где это нужно. Не надо постоянно держаться за интеллект, чтобы вновь и вновь убеждать себя, что вы знаете, — где вы есть, из страха потери контроля. В конечном счете, когда вы перестанете так уж отождествлять себя с физическим телом и своей психологической сущностью, — эта озабоченность начнет пропадать. И вы начнете определять себя в потоке с миром, и что бы ни пришло, — смерть, жизнь, радость, печаль — все это зерно на мельницу пробуждения, не «то» или «это», а «все».

При таких условиях вам не нужно без конца наклеивать ярлыки. Вы можете просто быть спокойны и дать миру вершиться. Но вера в это основана на отказе от собственной неполноценности. Потому что, если вы думаете, что нуждаетесь в уме для того, чтобы держать себя под контролем, так как если вы утратите контроль, то станете диким, разрушительным, хаотичным, беззаботным, бесчувственным существом, — вы определяете себя по Фрейдю как человека абсолютно эгоистического поведения. Но вся трудность в том, что это определение вашего существования лишь из первых двух чакр. Даже когда пришел Адлер и заявил, что подлинным устремлением человеческого существа является стяжание власти, то и это только третья чakra. Но выше всего этого есть сердце, которое согласует кажущиеся противоположности и приводит все это к полному пониманию и приятию. А сверх того вы существуете еще в V, VI и VII чакрах.

И если вы начали пробуждаться и чувствовать, кто вы есть, вы начинаете понимать, как вы становитесь Дхармой. Как вы буквально не можете исказить другого человека, когда вы в согласии. Вы не в состоянии выступить и навязать им что-то, потому что не только интеллект ваш понимает смысл этого, но у вас такое восприятие, что вы видите себя как искажающим себя. Понятие братства не является больше интеллектуальным, либеральным понятием, это осязаемая реальность. И живя в этой реальности, невозможно совершить некоторые действия, которые вы раньше совершали. Вот это и есть десять заповедей. Они суть выражение того, как это есть, когда видите вещи как они есть. Но поскольку большинство экзотерических религий писаны для людей не пробужденных, они употреблялись как моральные предписания, использующие вину для того, чтобы исправлять поведение и помаленьку продвигать людей в этом направлении.

Вы должны в собственной жизни стать живым выражением Вед, Заповедей, Закона. Сознательное человеческое существо и есть Закон, и есть Дхарма. Вы есть Дхарма. Это мытье чашки находится в совершенной гармонии со всеми силами в мире в данный момент. Ни ум не участвует, ни аналитическая мысль: «А то ли я делаю?» При различающем сознании интеллект используется лишь на ранних этапах. Позднее же — идет безмыслие. Интеллект доступен как слуга, но не как хозяин. Он доступен для выполнения аналитической работы, когда вам это нужно. Это такой же прекрасный и могучий инструмент, как и хватательная способность, способность противопоставлять друг другу большой и указательный пальцы, которой вы насладились. Если бы у вас не было такой хватательной способности, это значительно изменило бы вашу жизнь. Но вы не обязаны ходить целый день и хватать все подряд только для того, чтобы показать, что вы можете

это делать. Я хочу сказать, что со временем восхищение этим уменьшается. Это способность, сиддхи, которая у вас есть вследствие вашей обезьяньей природы. У обезьян она тоже есть. Так и ваш головной мозг есть способность вследствие вашей человеческой природы — гомо сапиенс. Вы можете сесть себе и... направить ее на «Нью-Йорк Таймс» или куда пожелаете всем на радость. Очарованные своей способностью. Полет на Луну — это проекция нашего человеческого интеллекта. Торжество Человека над природой. Хотя мы и поклоняемся человеческому интеллекту как какой-то исключительной силе, он весьма тривиален в более значительном смысле естественного закона вещей. Вопрос таков: собираетесь ли вы играть в большой лиге или вы хотите играть среди аутсайдеров? Вот к чему это практически сводится. И в большой лиге интеллект доступен. Я не глупее, чем когда-либо. Ум у меня в отличном состоянии, в таком же, как и тогда, когда я ему поклонялся, будучи профессором в Гарварде. Но он явно не очень крупная сторона в моей жизни. И даже в этот момент, когда весь этот материал выдается, я радуюсь ему, как и вы, он исходит от некоего места полной пустоты во мне. Я меньше всего о нем забочусь. Он выходит, потому что его выталкивает ситуация. Потому что наш коллективный ум вызывает такое разъяснение наших затруднений в данный момент. Это дхармически подходит для данного момента. У меня нет вклада эго в этом материале, потому что он — не мой. Если вы не отклоняете поток, не окрашиваете его своим собственным путем, он протекает чисто в той форме, которая отражает вашу дхарму, и ум освобожден.

Ничего особенного.

Мы пребываем в обучении, чтобы стать ничем особенным. И в этом-то ничем особенном мы и можем быть кем угодно. Усталость, неврозы, озабоченность, страх происходят от отождествления с кем-то. Но вы должны с чего-то начать. Кажется, вы должны быть кем-то, прежде чем сможете стать ничем. Если бы вы начали с того, что были бы никем в начале этого воплощения, вы, вероятно, не в такой степени осуществили бы это. Младенцы — пример ничего особенного. У них просто есть воля дышать, есть и жить. Так что именно сила от бытия кем-то развивает общественный и физический механизм выживания. И только теперь, развившись до этого момента, мы учимся рассматривать в перспективе это бытие кем-то, все это снаряжение для выживания, которое называется эго.

Когда я был профессором Гарварда, я все время проводил в мыслях. Мне за это платили. У меня были доски и магнитофоны для записи всех моих мыслей. Теперь я стал очень простым. Ум мой совершенно пуст. Там вообще ничего нет, а я просто сижу и глупо смотрю. Тогда, если чему-то нужно произойти, — происходит, — и я не обязан к этому прислушиваться.

Это замечательно, когда начинаешь не думать, т.е. думание протекает, а ты не отождествляешься с мыслящим. Сначала ты действительно «думаешь», будто что-то утратил. Это ненадолго, пока не оценишь то пространство, которое происходит от простоты недумания, просто пустоты, необязательно быть кем-то все время. Вы уже достаточно побыли кем-то. Вы полжизни потратили на то, чтобы стать кем-то. Теперь можете поработать над тем, чтобы стать никем, а это на самом деле и есть кто-то.

Ибо когда вы станете никем, тогда нет никакого напряжения, никаких претензий, никого, кто пытался бы быть кем-то или чем-то, и естественное состояние ума — это чистая любовь, которая есть не что иное как чистое сознание. Можете себе представить, что вы станете тем местом, которого лишь касались в своих медитациях? Когда вы и есть любовь. Вы наконец признали, — кто вы есть на самом деле. Вы освободились от всех козней ума, которые сохраняли вас тем, за кого вы себя считали. А теперь, на кого ни взгляните, того вы любите. Вы видите исключительность этой любви ко всем и необязательность что-то делать в связи с этим. Потому что вы развили сострадание. Сострадание состоит в том, чтобы позволить людям быть, как им нужно быть, не предъявляя им требования. Единственно когда вы предъявляете им требования, это когда их действия ограничивают возможности других людей быть свободными. И даже тогда способ, каким вы наступаете, должен быть очень внимательным и сердечным. Так как если вы кто-то, требующий от кого-то изменения, вы просто создаете больше гнева. Если же вы — ничего особенного, но ваша дхарма предъявляет требования при несправедливости, тогда это просто акт дхармы. И ни на миг вы не утрачиваете ту цельную любовь к другому, который никто иной, как вы. Ибо быть никем — это значит, что нет никого, кем бы вы не были.

Будь у вас достаточно дисциплины, вы могли бы следовать этому самому крутому пути, чтобы избавиться от всех способов, какими вы привязали себя к моделям. Вы могли бы просто сидеть — это дзэн буддизм — и всякой мысли, которая протекает, которая создает иную реальность, вы дали бы пройти. И не привязываясь ни к единой, вы узнали бы озарение. И вы могли бы следовать путем Романа Махарши-Вичарья-Атман: «Кто я?». Вы просто спрашиваете: «Кто я? Кто я?». И

мало-помалу вы замечаете, что вы иной, чем все способы, с которыми вы себя отождествляете, — как то, тело, органы, эмоции, социальные роли — все это вы видите. Вы отделяетесь от них, пока не останетесь с мыслью «Я». «Я» — мысль «Я». Путь этот требует невероятной дисциплины, так, когда вы освободитесь от тела и эмоций и вот-вот оставите и эту последнюю мысль «Я», тело ваше снова вас подлавливает. И вы опять в привычных мыслях о своем теле, о своем тождестве.

Большую часть времени, когда вы наблюдаете за умом, вы замечаете, что он захватывает вещи и делает из них передний план. А все прочее становится фоном. Когда вы читаете, вы не слушаете. Когда вы слушаете, вы не видите. Когда вы припоминаете, вы забываете, — где вы есть. А можете ли вы действовать, когда мир весь — фон, а само сознание — передний план.

Когда сознание отождествляется с мыслями, вы существуете только в определенном пространственно-временном измерении. Но когда сознание уходит за пределы мысли, вы способны быть свободными от времени и видеть появление и исчезновение мыслей, просто наблюдать, как мыслеформы приходят к существованию, существуют и проходят в доли секунды. И когда интенсивность сосредоточения позволяет вам увидеть пространство между двумя мыслями, вы видите вечность. Там нет никакой мысли. Вы поймите, что мысли существуют на противоположной стороне безмыслия. С обратной стороны пустоты, ничто, — мы существуем. И вот вы на краю восприятия того, кто вы есть. Тогда вы сталкиваетесь с одним из величайших страхов, с каким только вам приходилось сталкиваться: со страхом прекращения себя. Страхом перестать существовать не только как тело, но даже и как душа. Это напоминает заявление Юань-По о людях, приближающихся к этому моменту, как они страшатся того, что считают «пустотой», терзаясь тем, что раз туда ушёл, то пропадёшь навеки, что там ничто не остановит их падения, не понимая, что Пустота и есть сама Дхарма.

Но когда вы действительно готовы войти в последнюю мистическую дверь, внутреннюю дверь седьмого храма, вы говорите: «Я — не эта мысль». Вы утрачиваете даже великий страх не существования. Чувства просто работают сами по себе. Есть слышание происходящего, но нет слушателя, есть видение, но нет зрителя. Если ум думаете «Я знаю», это признается просто еще за одну мысль, часть проходящего зрелища, это не само сознание. Мысли текут мимо, как река, а сознание просто есть. Когда вы становитесь просто сознанием, то больше нет «вас», который сознает.

По оставлению даже мысли «я» — что же останется? Там негде и некому стоять. Нигде никакого разделения. Чистое сознание. Ни то, ни это. Просто ясность и, бытие.

Кармическое свершение.

В середине 60-х годов было как бы упование на то, что если ты попал в высокое состояние, ты свободен. Это было не вполне реалистично в отношении глубины человеческих привязанностей и его крепких зацепок. Было ощущение, будто, если только мы знаем, как должным образом попасть высоко, мы не снизимся. Это и было нашей попыткой. Затем, в конце 60-х, была идея, что если вы присоединитесь к движению и стали частью какой-то модели того — как оставаться в высоком состоянии, вы будете способны делать это. Таким образом, в конце 60-х — начале 70-х годов был огромный интерес к массовому движению.

Сейчас люди понимают, что это что-то вроде длинной сети. Они чувствуют изменения в себе, но работают и со своими низинами, равно как и с высотами, они очищают свою игру. А смысл в том, что мы вычищаем материал, а не просто прогуливаемся в высокие состояния, поэтому мы сосредотачиваемся на своей депрессии, своем негативе и всех своих тяготах, в том, что мы признаем тот факт, что если мы засунем этот хлам под ковер, то рано или поздно будет восстание кармы.

Например, недавно меня пригласили посетить «камеры смертников» в Сан-Квентине. Если говорить честно, как я всегда старался быть с вами и с самим собой, я посидел у тюрьмы, прежде чем заехать в нанятой мною машине, глядя на Сан-Квентин и думая: «Счастлив буду зайти и счастлив буду выйти». Потому что есть определенный страх в этих сыскных процедурах и этой структуре власти, страх, который я должен был истребить. Я заехал туда, и меня встретили все йоги, которые там учат и тюремщик, очень хороший парень. И мы тут же отправились в ряды камер смертников, фактически было два ряда, так как там было много этих ребят в отдельных камерах, разделенных на два длинных ряда, отделенных стеной.

Люди эти — в особой ситуации. Смертная казнь пересматривалась Федеральным Верховным Судом. И вновь была учреждена. Калифорния уже проголосовала за возобновление смертной казни, так что если Государственный Верховный Суд согласится, некоторые из этих людей умрут месяца через два-три.

Когда я зашел во все камеры, то из тридцати четырех человек было не более пяти, которые не приняли меня открыто, ясно, спокойно, сознательно. Было такое чувство, что я посещаю монастырь и что это монахи в своих кельях. Ибо люди эти, которые столкнулись со смертью, были втиснуты в ситуацию, которая пресекла их мелодраму, и вот они — прямо здесь. Мы сидели вместе группой по десять человек, и как часть медитации посылали мыслеформы любви и мира всем чувствующим существам в мире. На меня настолько подействовали вибрации этой атмосферы, что мне трудно было перейти в другую группу. Из глаз этих людей исходил свет.

И мы настолько открылись, что я смог сказать, не дурача никого из нас: «Я не могу сказать, благословение ли то, что с вами случилось, или проклятие, т.к. очень мало вероятности, что мы разделили бы это высокое пространство или даже встретились, не будь вы в такой ситуации». Чтобы доказать свою точку зрения, я скажу вам, что провел полчаса в одном из блоков камер уголовников. И из этих людей процент открытых был ровно такой, какого и ожидаешь в нашем обществе. Может, один из ста был прямо здесь со мной. У прочих ощущался цинизм, сомнение, приниженность, сарказм. Так вот, странный юмор всего этого в том, что если бы указ Верховного Суда прекратил смертную казнь, все те люди были бы не смертниками, а постояльцами, и почти все они утратили бы это сознание. А если они умрут, у них будет это сознание вплоть до того момента, как они войдут в газовую камеру, что, правда, не означает, что вся карма, доставшаяся на их долю, закончена, так как в большинстве случаев они участвовали в убийстве другого человеческого существа.

Потому что вы можете уйти в смерть со словом «Рам» на устах, с Христом в сердце, возвышенно и ясно, но тот материал, что скрыт вашим ситуационным возвышением во время умирания, когда эго-структура начинает утрачивать свой контроль, материал тот, что остался, вскипит вновь и ваша карма проявится, ваше кармическое прохождение возобновится вновь.

Есть рассказ об одном старом дзэнском монахе, который умирал. Он со всем покончил и вот-вот должен был выйти из этого класса. Он просто выплыл, свободный в своем чистом разуме Будды, когда у него возникла мысль о красивой олене, которого он видел однажды в поле. И он задержался на Этой мысли на какую-то секунду вследствие красоты ее и тут же вновь принял рождение как олень. Это так тонко. В этой игре нельзя сплутовать, сделать самым главным попадание в высокое состояние. Ситуация, в которой оказались эти люди, вызвала открытость и сознание, но она не спалила совсем их карму. Это, конечно, поможет. Один миг, в который они ощутили сострадание к человеку, которого они, быть может, убили, многое сделает для их кармы, но всю ее это не очистит.

Это можно сравнить с тем, когда вы начинаете видеть работу, которую надо сделать и уходить в ашрам, монастырь, — или живете с сатсангом. Вы окружаете себя обществом людей, которые мыслят, как вы. И тогда никакой материал, тот дремучий материал внутри вас, — не проявится. Весь он заталкивается на задний план. Вы можете сидеть в храме или в пещере в Индии и стать таким святым, ясным и светлым, свет будет исходить от вас. Но когда вы выйдете из пещеры, когда вы оставите эту поддерживающую структуру, которая работала с вашими силами, но редко сталкивала вас лицом к лицу с вашими слабостями, ваши старые привычные шаблоны имеют тенденцию возникать вновь, и вы возвращаетесь в те же старые игры, а вы были уверены, что с ними покончили. Потому что были там несваренные зерна. Семена желаний, которые вновь прорастут, как только будут стимулированы. Вы можете остаться в очень святых местах, и семена эти остаются дремлющими и несваренными. Но в таком индивидууме есть страх, потому что он знает, что он все еще уязвим.

Ничто под ковер не уйдет. Вы можете укрыться в своей возвышенности не более, чем в своей неполноценности. Если вы решили, наконец, идти к Богу, вы должны отказаться от всего этого. Процесс этот состоит в сохранении почвы, когда вы идете ввысь, и у вас всегда есть почва, так что вы и высоко и низко в одно и то же время. Этому нелегко научиться, но это очень важно. Так что в тот миг, когда мне, может быть, захотелось бы поднять вас все выше и выше, вы увидите, что игра состоит не в том, чтобы попасть ввысь, игра в том, чтобы быть уравновешенным и освобожденным.

Большинство из нас найдут, что покровы иллюзии, привязанности очень плотны, и нам хочется делать что-то, чтобы сжечь эти покровы, очиститься и покончить с этим. И если даже вся модель того, как с этим покончить и перейти оттуда сюда, сама является ловушкой, западней, мы тем не менее можем искусно воспользоваться этой ловушкой, чтобы вычистить другие помехи, которые нам мешают, а потом, в конце концов, мы можем поймать в западню и привязанность к самому методу.

Мы приходим из культурной традиции, где, если видишь, — куда тебе хочется идти, то избираешь самый прямой и агрессивный путь, чтобы туда попасть. Нетерпение относится к качествам нашей традиции. Именно это сделало нашу страну великой. Но трудность, с которой сталкиваешься, состоит в том, что начало этого пробуждения того, кем ты не являешься,

наступает задолго до того, как ты действительно готов отказаться от всех видов привязанностей, — и некоторые из этих методов становятся очень мощными средствами возрождения старых игр, усиления тяжких козней это. И вот в таком же роде: я знаю людей, которые медитировали годами, и они носят свой метод как знаки отличия. «Я проделал шесть курсов Випассана, три сешина и пару дервишей. Я встаю в четыре утра. Я могу часами сидеть без движения. Ум у меня становится совершенно пустым». Они профессионалы в медитации. Они до некоторой степени овладели своим методом, но не освободились от хватки стяжательства и алчности. Их метод стал просто иной формой светскости. Ничего особенного не происходит, потому что таковы козни это. Есть, к примеру, люди, которые могут входить в самадхи и подолгу оставаться там, но когда они возвращаются обратно, они не мудрее, чем когда входили в это состояние. Это напоминает рассказ о царе, который обещал одному йогу лучшего коня в царстве, если тот сумеет войти в глубокое самадхи и год пробыть погребенным заживо, йога закопали, но за год царство разорилось и никто не вспомнил о йоге и не откопал его. Лет через десять кто-то проходил вблизи этого йога, все еще пребывающего в глубоком трансе и прошептал «Ом» ему на ухо, и тот пробудился. И первое, что он сказал, было: «Где же мой конь?»

Духовная работа может походить на игру в рулетку, вы выкладываете деньги, а шарик бегает и падает в гнездышко, где лежат ваши деньги. И вам говорят: «Желаете получить ваши деньги или продолжаете играть?» Где-то на этом пути вы можете получить свои деньги, изъять их и пойти потратить. Или можете продолжать игру. Желаете ли вы просто удвоить свои деньги или...? Желаете ли вы лишь небольшого социального возвышения или же хотите со всем покончить? Это как Мара нападал на Буму, когда то сидел под деревом бодхи. Ибо когда вы приближаетесь к внутренним вратам свободы, озарения, освобождения, тем более будут раздуваться такие привязанности, а возможность удовлетворения возрастает. Вследствие однонаправленности, развитой посредством медитации, вы станете способны пробиться за пределы собственного сознания и увидеть кое-что как оно есть. Но если у вас есть потребность власти, вы тогда весьма склонны воспользоваться тем, что вы считаете властью над людьми. Если наша духовная работа исходит из мудрости, а не из потребности власти, вы просто их отметите, понимая, что они отклонят вас, оставите их и пойдете дальше. Вы просто должны уповать на свет и пустить свои деньги в игру. Ибо пока вы считаете себя «кем-то», вы еще не вполне спокойны, чтобы быть в согласии со всем этим, и таким образом любое предпринимаемое действие исходит от вашей особой отдельной точки зрения.

Пока вы в воплощении, будет и действие. Пока есть форма, будет и изменение. Многое зависит от того, кем совершается действие, — тем, кто думает, что его совершает, или кто его действительно совершает. Это и определяет, является ли действие частью потока вещей или противостоит ему. Это похоже на историю о мяснике одного князя. Князь спросил мясника — как это нож его никогда не нуждается в заточке, хотя он работает этим ножом девятнадцать лет. А мясник объяснил, что нож действует в согласии с тем, что он режет, что нож сам находит себе путь в суставе, поверх кости, через мышцы. Поэтому нож не упирается в суставы, а просто находит себе путь вокруг костей. Поскольку мясник в согласии, он и есть то, что он делает; он не занят тем, что он мясник, разделяющий мясную тушу, он — сознание, а в это сознание входит и мясо, и мясник, и нож. Действие совершается, но нет никакого вершителя действия, потому что нет никого, кто думал бы, что он мясник.

Когда вы в гармонии с тем, как все проистекает от всего прочего, вы не можете действовать неверно. Ибо вы не только находитесь в согласии с тем конкретным актом, который совершаете во времени, но и всеми способами, которыми акт этот взаимосвязан со всеми в мире. Этот уровень сознания, с которого проявляются действия, не имеет привязанностей. Даже привязанности к результатам этого действия. Вы нигде не задерживаетесь. Вы прямо здесь, всегда в новый момент существования. Момент к моменту — это и есть новый ум. Никакой личной истории. Вы просто отказываетесь от своей биографии. Каждый человек получает свое кармическое свершение. Если вы сосредоточились на Боге, вы обретаете Бога. Если вы хотите власти, вы получаете власть. Если вы хотите еще чего-нибудь, вы это получаете. Весь ужас в том, что вы получаете все, что хотите. И часто, когда вы, наконец, получаете, вы не хотите этого. Процесс обретения плодов кармы ускоряется, потому что, когда вы приближаетесь, вы видите, что изживаете старую карму. Когда ваша жизнь становится все более и более свободной от привязанностей, вы создаете все меньше и меньше кармы. Ибо карма, или то, что на вас навешивается, создается действием, связанным с привязанностью. Когда же вы не привязываетесь ни к чувствам, ни к мыслям, вы не создаете больше кармы, тут нет никого, рассчитывающего, что что-то и как-то случится, никого отдельного, чтобы действовать обособленно. Когда нет привязанности к мыслям и чувствам и отождествления с ними, то нет и противодействующего побуждения к деятельности, создающей больше делания, больше кармы. Неотождествление, неотделенность приготавливает эти семена и истребляет стяжание большей кармы.

Вы приходите к тому, что действия ваши делаются не из привязанности, но вместо этого просто делаются как делаются, и не создается никакого нового материала. Просто проводит старый материал, но он ни на кого не влияет, потому что в вас нет ничего, что вас привязывало бы к какой-то модели того, — кем вы являетесь, или же кем вы не являетесь. Все это становится просто протекающими картинками, в них нет никакого участия, представляющего вас как некоего «индивидуума», это просто выход заложенного прежде, просто включение установленного прежде, просто еще зерно на мельницу. Недавно, когда я был у Элизабет Кублер-Росс, ее пригласили выступить перед тысячей нейрохирургов по вопросу о смерти. Она исключительно точно описала стадии, через которые люди проходят, когда приближаются к смерти. Соппротивление, нежелание, гнев, отчаяние, а потом — пространство открытости. Той самой открытости, которая есть в камерах смертников Сан-Квентина. Затем она перешла к описанию того, что происходит после смерти, с данными, предназначенными для убеждения научного общества. И я сказал ей: «Вам придется изрядно поработать, чтобы убедить этих ученых. Я уже давным-давно порешил просто стать этим и никому ничего не доказывать». А она говорит: «Что ж, у нас дхарма разная». Она делает это без всякой привязанности, очень легко, играючи. И когда я сказал ей: «Разве это не замечательно — я за этот год прочел лекции аудитории свыше семи тысяч человек и как они открыты, эти люди, Элизабет, разделяя это сознание». А она ответила: «Ну, вы разве не понимаете, мы же все в камере смертников».

Бог и запредельное.

За все время, пока я был с Махарадж-джи, он никогда не заставлял меня медитировать. Он кормил, любил, поколачивал, кричал на меня, умасливал меня, пилил меня, очаровывал, изводил, отсылал прочь, привлекал к себе. Но когда я сказал ему, что собираюсь устроить укромный приют для медитации в духе буддизма, он мне сказала «Приведи ум свой к единонаправленности и ты познаешь Бога». Когда кто-то показал ему книжечку, в которой был с одной стороны портрет Калу Ринпоче, а с другой — его портрет, он указал на один портрет и сказал: «Будда», а потом — на другой, и сказал: «Будда».

Однажды, когда я был в Аллахабаде, где остановился Махарадж-джи, утром пришли повидать его человек пятнадцать-двадцать индийских богомольцев. Человек тридцать с Запада сидели с внешней стороны круга. Один из пришедших индийцев был явно человек очень важный. Я так и не выяснил, то ли он был судьей Верховного Суда, то ли каким-то директором-распорядителем суда. Когда он вошел, я был весьма доволен тем, что нахожусь в сторонке со всеми западными посетителями и наблюдаю весь этот процесс. И вдруг Махарадж-джи начал выдавать мой образ этому человеку, заявив: «Это д-р Альперт из Америки, он профессор Гарварда... великий святой». И судья обернулся и сказал: «Вот как, может, вам хотелось бы побывать в суде?». А я происхожу из семьи юристов и провел в судах времени больше, чем хотелось бы. Я приехал в Индию, чтобы быть с Махарадж-джи и не хотел побывать в суде, но я попался на свою социальную принадлежность и сказала «Да, мне было бы очень приятно». Тогда он говорит: «Хорошо, можно завтра в десять?» И я почувствовал, что попался из абстрактного в конкретное. И сказал: «Ну, вам следует спросить моего Гуру», воображая, что тот меня спасет от этой западни. Но Махарадж-джи сказал: «Если Рам Дасс говорит, что это было бы приятно, значит это будет приятно. Он будет в десять». А потом указал на меня, как бы говоря: «Смотри, парень, любишь кататься, люби и саночки возить. Командир-Карма тебя достанет». Вот я и отправился в суд и присутствовал на суде над убийцей, а потом зашел в юридическую библиотеку, и библиотекарь оказался большим почитателем «Рамайяны», вот и все. Но только тогда, когда начинаешь признавать, что это помещение для ревью в баре, где и пребывают все юристы. А все юристы смотрели на меня, представителя Запада, эскортируемого этим весьма важным лицом, с которым все были угодливо вежливы. Тут они перешли к делу и попробовали обсудить со мной политику Никсона в отношении Китая. В то время это очень занимало Индию, а я только что прочел журнал «Таймс», и был таким образом в прекрасном положении специалиста. Так что я говорил о блоках, о России, и об урегулировании, я им выдал целую снежную лавину. Когда я вернулся, Махарадж-джи спросил меня: «Ну и чего же было в суде?» И всякий раз, как я собирался рассказать ему, он рассказывал мне, потому что он явно видел все это с какого-то иного уровня. Так что я подумал, что все уже позади, и что я выучил свой урок. Именно в тот вечер глава ассоциации юристов пришел к Махарадж-джи на даршан. И он мне сказал: «Мы думали, может, вам выступить в Ротери Клуб и в «Обществе почетных юристов», — «О, нет», — подумал я, — «я намерен покончить с этим нудным судебским обходом». Так что я сказала «Я, собственно, не хочу, спросите Махарадж-джи». Я не старался даже быть приятным. Я думал, что лучше буду правдивым по-настоящему. А если он мне скажет, что я должен это сделать, я сделаю. Тогда он поднимается и говорит: «Махарадж-джи, нам было очень приятно, если бы д-р Альперт выступил перед «Обществом почетных юристов» и в

Ротари Клуб». Махарадж-джи выглядел очень довольным. Если бы вы знали Махарадж-джи, который сидел со своим одеялом и кувшином для воды и головы не ломал, вы бы поняли, что все это ерунда с того места, где он находится. Но вот он очарован. И он заявляет всем: «Рам Дасс будет выступать в Ротэри Клуб», так, словно хочет сказать: «Вот оно, наконец-то мы пробилась, теперь мы заживем». И сердце у меня упало. Какой-то миг я думал: «Он просто меня вынуждал, он хочет меня эксплуатировать, чтобы сделать свои дела в Индии. О проклятье, опять я попался».

А потом он говорит: «И о чем же ты будешь говорить?» Он страшно заинтересовался. А я сказала «Ну, я не знаю, Махарадж-джи, я думаю — я буду говорить о Законе как о Дхарме». Я буквально цеплялся за соломинку.

— «Ага — говорит он — будешь говорить о Ханумане?»

— «О, конечно, Махарадж-джи», — говорю я.

— «Это хорошо», — говорит.

А я вижу, как выражение лица у юриста изменилось. Тогда Махарадж-джи говорит: «Ты намерен говорить обо мне?»

— «Конечно, Махарадж-джи», — говорю я, — «вы же мой Гуру»,

— «Ну, хорошо. Будешь говорить о Христе?»

— «Определенно».

Тогда юрист сказал: «О, нам бы хотелось, чтобы он говорил о политике Никсона в отношении Китая». А Махарадж-джи обернулся к нему и говорит: «О нет, Рам Дасс не верит в мирские вещи. Он может говорить только о Боге; вот все, о чем он способен говорить. Рам Дасс говорит только о Боге».

— «Верно», — говорю я, — «я говорю только о Боге».

А юрист говорит: «Что ж, в таком случае, ему, может быть, не стоит выступать перед всеми. Может, у меня дома соберется несколько юристов, которых это интересует».

Так интерес к моей особе со стороны этой, самой мирской группы людей, испарился начисто.

А я подумал: «Замечательно, мне только что дали указания. Все что мне следует делать, — это говорить о Боге всю оставшуюся жизнь, и я спасен. Мне не следует встречать во всю эту мирскую ерунду». Но я вернулся на Запад, а на Западе смешно говорить о Боге. Это немодная тема. Не то, чтобы Бог умер, просто Бог — не жизненное понятие. Я много говорил о Будде за последние годы, но это ненадежно, потому что я более чем поверхностно знаком с буддизмом. А буддийская философия фактически не связывает себя сколь-нибудь с понятием Бога. Меня очень привлекает простота и ясность и Дзэн-Буддизма. Так что с одной стороны я натываюсь на дзэнскую сторону себя, которая находит понятие Бога ненужным добавлением к простой вселенной. А с другой — мой Гуру, заявляющий: «Говори только о Боге». Так вот, этот мир, вселенная, выглядит иначе, когда сознание переключается. Большинство из нас начинает с того, что мы — суть психологические существа, отождествленные со своими психологическими накоплениями. Мы — эмоциональные, думающие, чувствующие сущности. В буддизме вы узнаете об анника, духкха, анатта, изменчивости, неудовлетворенности и пустоте всех феноменов. Вы узнаете о непостоянстве вещей, мыслей. О преходящей природе всех состояний бытия, чувств, понятий. Узнаете о страдании, которое вызывается привязанностью к этим понятиям. И, наконец, с анатта вы обнаруживаете, что даже понятие «я» должно уйти. Будь то «я» физическое, психологическое, астральное, душевное или Вечное «Я». Понятия — это понятия, а понятия должны уйти. И даже понятие озарения, Нирваны или того, что выше «Я» — это лишь еще одно понятие. Тогда зачем нам, как существам психологическим, которые находятся здесь со всеми своими проблемами, мелодрамами, попытками, стараниями, побуждениями и всем прочим, — покупать на еще новые понятия, когда вся игра состоит в том, чтобы избавиться от них и выйти за понятия? Бог — это понятие. Душа — понятие. И когда я говорю вам, что вы — некая духовная сущность, которая приняла рождение для того, чтобы проработать свою карму, то на самом деле нет никакого «вы», чья карма должна быть проработана. Есть лишь видимая проработка событий, одно из которых есть то понятие, какое вы имеете о себе. А когда все это распадается в результате все более и более глубокой медитации, все более и более глубокого опустошения, вы вместе с миром исчезаете в Пустоте. Так вот, я пришел к пониманию того, что в путь мой входит сердце, поток. Путь не может вытекать из факта. Это должно быть направляющим острием моего метода. И на пути благочестия вы работаете с формами для того, чтобы преобразовать собственную личность. И в этом процессе вы ломаете те привычки, которые вы считали своими реальностями и собственным определением себя. И новые реальности, новые понятия, которые вы принимаете, поскольку они были приняты намеренно, уже не имеют над вами той власти, что и прежние. Это пользование искусственными средствами, чтобы избавиться от одного, когда как в последствии вы избавитесь и от этой помощи. Рамана Махарши говорит об этих понятиях, в особенности о

понятии «я», как о палке, которой пользуешься, чтобы помешивать в погребальном костре. Если вы поедете в Бенарес, вы узнаете, что тела сжигают в местах сожжения — гхат, а люди с толстыми палками копаются в пепле, чтобы убедиться, что все сгорело. А после того, как они покончат с копанием в данном костре, когда тот подходит к концу, они бросают палку в огонь, и она тоже сгорает.

Так же и с разными Гуру, учителями, методами и с Богом. Ибо то, что есть Бог, находится за пределами понятия о Боге. Это в точности то же, что и мантра «Гате Гате Парагате Парасамгате Бодхи Сваха». Это за пределами понятия о запредельном. Вот в иудаизме за исключением хасидской традиции, отчасти ближе всего подходишь к Богу, когда вступаешь в Его присутствие, но дуализм сохраняется до самого конца. Это все-таки дуалистично, в конце концов, Я — Ты. В традиционном иудаизме — это богохульство — думать о слиянии с Богом, ибо Бог не познаваем, это — Б-г, он невыразим. Это слово, которое нельзя произнести.

С моей точки зрения, как человека сердца, человека благочестивого, у меня есть Гуру, а вот — Хануман, вот — Кали, вот Дурга, Кришна, Рам, вот Иисус, Будда, вот Рамакришна вот Рамана Махарши. Мой мир населен этими Сущностями. Они не более реальны, чем вы. Единственная разница между ними и вами в том, что они знают, что они не реальны, и они свободны. Вы же все еще думаете, привязанные к тому, что вы считаете, что думаете. А они — нет. Они суть так называемого сингха в буддизме или сатсанг в индуизме — общество существ, с которыми я живу. От них не исходит ничего, что могло бы меня поймать в западню, потому что они знают, что все это липа, все — просто космический танец бытия.

Я сидел перед Махараджем-джи — перед этим человеком на подстилке из одеяла — и просто любил его. Все, что я хотел, — это целовать его стопы. Это необыкновенно — так любить кого-то. Я был в экстазе, просто глядя на него. Я делал это месяцами и, наконец, я подумала «Может, это просто покров, я должен выйти за покров». Однажды я сидел во дворе в стороне от него, и подумал: «Я не должен быть с ним родом. Это просто форма. Вот они все и поклоняются форме. Форма — это не то. Мне тут не следует быть». И тут как раз Махарадж-джи посылает одного старого человека коснуться моих ног. Я ему — зачем он это сделал, а он ответила «Махарадж-джи сказал — пойдти и коснись ног Рам Дасса, потому что мы с ним вполне поняли друг друга». Потому что в тот момент я видел сквозь метод, которым пользовался. Я не перестал его любить, но больше не ловился на эту любовь. Сейчас я мог бы говорить о Законе Дхармы, но для многих людей очень нелегко полюбить Закон Дхармы. Но мне очень легко любить Бога. А понятие Бога во многом то же, что и понятие Закона Дхармы. Это закон отношения вещей. Это изначальное сознание, единый разум. Предвечный Единый. Это то, что по сути своей пусто. Я сживал перед Махарадж-джи и думал: «Я не намерен быть плененным этой формой». Так, пока он выдавал бы материал, я бы медитировал с закрытыми глазами, сосредоточенный на третьем глазу, я начал бы ощущать эту перемену, происходящую с моим телом и ощущал бы все больше и больше энергии: и вдруг с закрытыми глазами я встретился бы с ним на каком-то ином астральном плане. Вас сейчас это может очаровать. Весь этот мир оккультного; поиграть со всеми этими силами и существами. «Но Махарадж-джи, и это — не ты». И я прошел бы и этот план! Как, проходишь через бесчисленные двери. Подходишь к новой и думаешь, что эта дверь — последний храм, а потом видишь, что это лишь еще одна дверь и проходишь через нее. И проходишь через еще одну и еще. И если пройдешь достаточно далеко, то возвращаешься обратно прямо к себе самому, который не есть ни одна дверь. Все дело, метод и все это просто разваливается у тебя на глазах.

Когда я сижу с Махарадж-джи, сердце мое наполняется. Я вливаюсь в мир форм, а мир форм вливается в меня. Когда поток этот становится все грандиознее и грандиознее, границы между Махарадж-джи и мною пропадают. Для меня Махарадж-джи — весь мир, так что различие между мной и миром исчезает в потоке энергии. Со все большим и большим моим раскрытием через сердце я все более и более становлюсь сопричастным потоку вселенной в ее энергетической форме, и тогда начинаю восходить. Это как топливо. И я восхожу в состояния сознания, которые известны как состояния нана или состояния самадхи. Каждое восприятие есть иная форма Махарадж-джи, или Матери. И должно быть уничтожено. Ибо Махарадж-джи должен быть мною уничтожен, принят в себя; я должен предаться ему, пока не останется никаких границ. Он — не только все формы, доступные моему физическому глазу, но и духовному оку также. И когда я ухожу во все более и более высокие состояния, формы все меньше и меньше. А многие из этих форм лишь полуформленные, ибо они на той грани, где соприкасается форма и бесформенное. На пути через эти планы бывают восприятия пустоты, холода и безличия. Они не пусты, потому что это «восприятия» пустоты. Вот разница. Есть планы или состояния невероятного блаженства и восторга, где все тело корчится от восторга. Как будто у каждой клеточки оргазм. Есть состояния или планы алмазной ясности, при которой видишь, знаешь и понимаешь отношение всего ко всему иному. Как будто причастен к тайнам Божьим. Есть планы или состояния сознания, где все настолько эстетически совершенно, что даже слова выходят, как поэзия, и все светло и красочно. Олдос Хаксли пишет об этом. Олдос сказал однажды: «Причина — по которой мы любим

драгоценные камни, в том, что они напоминают нам о планах сознания, на которых мы жили, и которые ими вымощены». Форма за формой, план за планом, состояние за состоянием, восприятие за восприятием — и все в Махарадж-джи. Все в моей любви и в потоке к иному. И наступает момент, где поток этот настолько открыт, а границы настолько размыты, что ты и Махарадж-джи, ты и Мать, или ты и форма становитесь одним на всех уровнях, на всем пути до чистой и недифференцированной энергии.

Будь это целью, уму нашему было бы так легко это уловить, а науке этим управлять. Но все это просто дверь. Все это просто приводит вас к краю озера. Именно у края озера и испытываешь присутствие того, что кроется за формой. Но там нет «того», что кроется за формой. Ибо там нет запредельного. Так как то, что оно есть, содержит в себе все, что есть. Ты в тот момент стоишь у края, на грани, где ты сам — парадокс. Все формы исчезают в этом озере пустоты, и тем не менее они не пропадают. Это у края озера кто-то, чей путь — путь сердца, скажет: «Я воспринимаю присутствие Божие». Ибо еще шаг в это озеро, — и воспринимающий и восприятие слились, и вы становитесь Богом, а понятие Бога ушло далеко. Когда вы сливаетесь с Богом, вы входите в то, что буддисты зовут Нирваной. Игра не в том, чтобы познать Бога, игра в том, чтобы быть Богом. Быть Богом значит быть никем, и тем не менее нет ничего, чем бы ты не был.

Если вы возвращаетесь обратно в форму от слитности с Богом, вы в мире, хотя и не от мира. Вы играете в космическую игру. Вы наполняете формы, хотя ни одна из них не есть дом, это просто все липа, танец Божий.

Есть существа, которые странствовали и странствуют по этой Земле и иным планам сознания, вошедшие в тот океан и не вернувшиеся. Их существование освобождает всех, кто их узнает. Среди вас может быть такой человек, но вы никогда его не узнаете, потому что привязаны к форме. Вы можете быть вроде того, кто поймал яблоко у Махарадж-джи и не сумел понять, что нет никого, кто бросил это яблоко. Так что, хотя он и Бог, манящий вас свыше, вы сбиваетесь с пути. И поскольку Бог не существует во времени, человек этот вас не подталкивает. Ибо рано или поздно, в одной жизни или в другой, вы попадете домой. А когда вы попадете домой, вы поймете, что всегда были Богом. Что вы создали свою отдельность забавы ради. Разница между вами и каким-нибудь Гуру или совершенным в том, что их нет, а вы все еще думаете, что вы есть.

Христос сказал: «Я пришел, чтобы привести вас к Отцу. Я в Отце, Отец во мне. Вы не знаете — кто я. Имеющие уши, да услышат». Успокойте ум, будьте свободны от привязанности к шаблонам, моделям и мыслеформам. Откройте сердце. Растворите эмоции в поток, поток всех норм жизни, пока вы не будете просто втекать и вытекать.

Когда вы станете более дисциплинированным, вы будете доводить энергию до того момента, где встречаются форма и бесформие. Останься вы в бесформенном, тело ваше, которое вы оставили за собой, распалось бы, так как не было бы сознания для его поддержания. Всякие есть, и некоторые люди — на 99% в том океане бесформенного и оставили лишь какую-то нить для связи с формой. В одной пещере был человек, заложённый камнями двадцать лет, и каждый год благочестивые последователи приходили навестить его и получить диршан от того, что было одним скелетом, у которого только волосы и ногти продолжали расти. Он просто оставил за собой нить, чтобы дать даршан последователям.

Кришна, Христос, Дурга, Кали — все они одно и то же. Океан этот проявляется в разных формах. Разные штрихи для разных народов. Любая форма, какую вам надо, если вы нуждаетесь в форме.

Методы и то, что за ними.

Мы собираемся вместе, представители многих форм, многих методов. Всю дорогу, — от Кришнамурти, который говорит, что никакого метода нет, до общества «Сознание Кришны» или «Основательного Христианства», которое заявляет: «Наш путь — единственный путь, и форм много». А встречаемся мы в том, что общее для всех наших форм. А то, что общее для всех наших форм, — это не есть иная форма. Что общее для всех наших форм, — это сознание без всякого выбора, чистая любовь, поток и гармония в мире, отсутствие привязанности, пространственность. Можете назвать это «Разумом Будды», а можете — «Сердцем Аллаха». Вы могли назвать это «Сознанием Христа». А могли назвать и «Яхве», или «Б-г». Я вовлекался в множество форм. Тут и методы Випассана — медитация, чтобы сделаться повнимательнее, успокоить ум и привести его к направленности в одну точку. «Харе Кришна» и «Шри Рам Джай Рам». Дзэн-медитация, столкновение с коаном, или просто сидение. Изучение «Бхагавад Гиты», «Тибетской Книги Великого Освобождения», Чжуэн Цзы, и Лао Цзы, «И-Цзин» и «Дао Дэ Цзин», «Новый Завет» и

«Ветхий Завет» и т.д. и т.п. Как все это сходится воедино? Нет никакой формы, которая представила бы сплав всех этих вещей.

Если последуете всем этим методам до самой вершины, вас вытолкнет за форму. Вас вытолкнет в текущий момент. Слияние с Богом — прямо здесь. Будьте прямо здесь, сознайте, что я говорю. Сознавайте уличное движение снаружи. Сознавайте ощущения своего тела. Сознавайте свой ум, цепляющийся то за то, то за это. Просто сидите со мной в этом сознании. Нам ничего не надо делать, просто войти в этот момент. Не коллекционировать его, не судить о нем. Просто привить больше сознания. Наблюдайте за умом. Прислушивайтесь к себе. Чувствуйте сердце свое. Изливается ли оно? Вдыхайте и выдыхайте прямо в сердце, как будто в сердце с каждым дыханием входит и выходит некий поток. Изливайтесь. Присутствуйте. Здесь. Еще здесь. Еще. Немного пооставьте свои ожидания. Свои определения того, кто вы есть и что такое есть Бог. Куда вы пойдете и откуда. Свои эмоции: печаль, счастье. Не отталкивайте их. Отмечайте их. Признайте их. Дайте им место. Все они — часть потока. Ваши ощущения, воспоминания, планы, модели, все это преходящее зрелище. Формы творения существуют и вновь исчезают в бесформенном. Здесь в данный миг. Прямо здесь. Ибо конечный результат всего, что мы с вами разделяли годы и годы, не там или тогда, «может быть» или «возможно», если только или «как только я»... Вот оно. Взгляните на тот материал в себе, который удерживает вас от бытия здесь в этот момент. Суждение. Ожидание. Старание испытать. «Я не могу добиться этого. Я все еще чувствую отдельность.» Эта мысль, — там-то и проблема. Оставьте ее. Покойный ум. Сознание без выбора. Совершенный поток и гармония. Нет вас. Нет самосознания. Нет никакого «я стараюсь стать озаренным». В медитации нет медитирующего. Медитация просто есть. Медитация — это акт раскрытия. Пространственности. Присутствия. Бытности.

Тогда зачем мы присоединяемся ко всем этим клубам? Зачем платим эти тяжелые налоги? Что же это такое? Следует ли избегать всех методов? Как будто, нет. Не полезно ли как будто видеть их в перспективе. Методы — это корабль, переплывающий океан существования. Если вы на полдороги в океане, то не очень-то разумно решить, будто методы не нужны, если вы не умеете плавать. Но раз вы попали на тот берег, бесполезно было бы держаться за лодку. Игра как будто очень простая. Метода не есть самая вещь, методы — это сети, ловушки. Вы попадаете в них, чтобы жечь в себе те моменты, которые вам мешают быть свободными. И, в конце концов, методы выбрасывают вас на другую сторону, и метод распадается в ничто. Любой метод Гуру, распевшие мантр, изучение, медитация, упражнения — все. Ибо конечный результат — это «ничего особенного».

Если мы примем знание Бога как постоянное пребывание в медитации, будучи в деятельности весь день, как осознание без выбора, пребывание ясным без всяких суждений, мнений, привязанностей, без нажима и дерганья, без того или этого, — мы испытаем, что значит знать Бога и быть в Боге.

Но если есть какие-то восприятия, которых вы жаждете, иные, чем свобода от разделения между воспринимающим и восприятием, то об этом-то и надо побеспокоиться. Не со страхом по поводу своих желаний, но привнеся в них сознание, встану и спокойствие. Ибо любой учитель, любой жизненный опыт, все, на что вы обращаете внимание в мире, есть лишь отражение ваших привязанностей. Именно так это работает. Если нет ничего, чего бы вы желали, то ничто и не привязывает. Вы идете по жизни свободным, ничего не накапливая. Когда вы накапливаете, собираете какие-то виды, картины, записи, стерео или же отношения, учителей, методы — это просто еще привязанности. Пользуйтесь всем этим, будьте с ним, наслаждайтесь им, живите полной жизнью; но не привязывайтесь. Протекайте через это, будьте с этим, отпустите это. Когда вы успокоитесь и вслушаетесь в то — как оно все есть, тогда вы будете относиться ко всему этому гармонично, таким образом, что это не будет эксплуатацией. Гармонично вы относитесь к полу, на котором сидите, к человеку рядом с вами, к ночному воздуху, к миру, в котором приходится жить.

Если я улавливаю это прямо там, где я есть, в каком бы пространстве я ни оказался в этот момент, когда нет никакой привязанности, когда я не привязан ни к пустоте, ни к форме — я свободен. Если я отвергаю физическое существование для того, чтобы попасть в «какое-то состояние», если мне уютно только тогда, когда я бываю с Кришной, а со своей тещей быть не могу, — я где-то угодил в ловушку привязанности. И когда осознаешь это, мир так обогащается, все — прямо здесь. Любой нейтральный план, физический, любой уровень сознания, любое состояние, вся пустота: все это — прямо здесь. Лишь спокойный ум улавливает все это.

Это чистота ваша впитывает эти учения, ваше признание того, — кто вы есть. Это ваше спокойствие, ваша открытость пространству, в котором вы существуете. Вместо суждения, нажима, дерганья — открытость ему. Просто оставить этот материал, позволение всему этому протекать через себя, втекать и вытекать, просто позволить ему пройти.

Если ваш метод — Випассана-медитация, вы просто отмечаете все в мире вокруг вас с неприкрытым вниманием. Может, вы начнете с простого отмечания, — как входит и выходит через

ноздри дыхание, или как оно доходит до солнечного сплетения и выходит оттуда. Вещи, от которых вам нужно отказаться — это холодность к себе, чувства неполноценности, несоответствия, привязанности к выносящему суждения уму, привязанности к желаниям, которые видят вещи как объекты, отталкивают мир. Просто сознание, отмечающее каждый элемент умственно-телесного процесса, как он приходит и уходит, но никого наблюдающего.

Если ваш метод — Гуру, тогда вы смотрите на Гуру, и Гуру меняется у вас на глазах. Сперва вы приняли эту форму, потом эта форма отпадает, а потом и та форма отпадает. Это вроде китайских шкатулок. Их открываешь, а внутри еще одна. И доходишь до того, что видишь, что ты просто смотришь в зеркало. И все, что вы делаете, — это очищение, вы очищаете себя, как луковицу. И когда вы становитесь чище, вы больше видите своего Гуру. Пока, наконец, это не будет просто одно зеркало, смотрящее в другие, и нигде никакой пыли. Потом нет никакого зеркала. Ничего нет. Гуру ваш исчез в вашем озарении. Вы съели своего Гуру живьем. Вы и Гуру стали едины в Боге. Вот так эта игра действует. Это метод Гуру.

Вы должны быть открыты всем учителям и всем учениям и вслушиваться сердцем. С некоторыми, как вы почувствуете, вам нечего делать. Другие будут вас привлекать. Начните доверять себе. В вас есть все, что есть у Будды, у Христа, — все это в вас есть. Но только когда вы начнете это признавать, это станет интересно. Ваша проблема в том, что вы боитесь признать свою красоту. Вы слишком заняты тем, что держитесь за свою неполноценность. Вы скорее кто-то, сидящий перед великим человеком. Ну, довольно уже. Я сижу перед вами, смотрю и вижу вашу красоту, даже если вы ее не видите.

Понимаете ли вы с исторической точки зрения, — какая это редкость, чтобы существовал такой диалог со стольким сознанием в нем? Где нет никого, кому эта пища не пошла бы впрок.

Если вы нашли свою линию, — а вы не можете ходить и искать ее, — вас привлечет к ней, и она может быть и не в форме какого-то единственного учителя. Это просто будет способ, каким вы рассматриваете мир. И от предания себя этой линии всякое действие, которое вы сотворите, будет осуществляться из пространства большей ясности. Будет актом, обусловленным не вашими личными желаниями, но действием дхармы. Оно будет извлечено из вас. В точности, как слова эти извлекаются вами из меня. У меня нет с ними отождествления, книга эта — просто запись слов, высказанных вам, — слушателям, требующим, чтобы они были сказаны. Так чья же это книга? Когда на скрипке играют прекрасную музыку, вы разве встанете и станете благодарить скрипку? Я просто рупор этого Процесса. А что вы делаете, читая эту книгу? — Вы касаетесь своего «я». Забудьте обо мне, я — преходящее зрелище. Вы касаетесь себя. Рано или поздно вам придется признать красоту свою. Но признание не есть конец. Оно лишь для того, чтобы уничтожить признание своего безобразия, к которому вы привязались. А затем оба они должны уйти. Ибо конечный пункт не означает быть самосознающим, который сидит себе и говорит: «Смотрите, — какой я красивый». Конечный пункт означает просто быть в настоящем моменте.

А когда вы покончите со своей линией и вас перебросит в другую сторону, тогда вы оглянитесь и увидите, что все методы ведут к вершине игры. И что можно найти Бога в любом. Тогда мы больше не буддист, индус, христианин, иудей или мусульманин. Вы — любовь и истина. А любовь и истина не имеют формы. Они вживаются в формы. Но слово никак не то же самое, что оно обозначает. Слово «Бог» не есть Бог, слово «мать» не есть Мать, слово «я» не есть Я, слово «момент» не есть момент. Все эти слова пусты. Мы играем на уровне интеллекта. Питая в себе то, что желает понимания. А вот мы здесь, все слова, что мы сказали, ушли. Куда же они ушли? Вы их все помните? Пусто, пусто. Если вы их слышали, вы в этот момент пусты. Вы готовы для нового слова. И слово это пройдет через вас. Вы ничего не должны знать, вот что забавно. Вы становитесь таким простым. Вы пусты. Вы ничего не знаете. Вы просто — мудрость. Ничем не становитесь, а просто всем являетесь.

Вещи, которыми я хотел поделиться с вами, невыразимы. И только теперь, когда у нас есть эта необычная книга, можем начать плясать в сферы, где мы смотрели в глаза друг другу и знаем то, что непознаваемо. Мы и есть то. Ибо в конечном счете вы выйдете за пределы знания. И будете мудрым, это простота, от которой приходит мудрость вашего существа. Человеческое рождение — дело очень ценное. У вас есть все компоненты, необходимые для того, чтобы вполне познать Бога в этой жизни. И то, что нам всем довелось здесь встретиться, есть само по себе милость невероятная.

Радуйтесь, всегда во Господе, и вновь говорю — радуйтесь.

Радуйтесь, радуйтесь и вновь говорю — радуйтесь.

Радуйтесь, радуйтесь и вновь говорю — радуйтесь.